

Яков Михайлович Захер

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ в документах 1789-1794

Л.: рабочее издательство «Прибой». 1926

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2012-2013

Другие сборники и подборки документов:
см. в нашей библиотеке на проекте «Исторические материалы»
<http://istmat.info/vive-liberta>
в разделе, посвященном Великой французской революции

...Не означает ли понятие: буржуазная революция того, что совершить ее может только буржуазия?.. Этот взгляд есть карикатура на марксизм. Буржуазное — по своему общественно-экономическому содержанию — освободительное движение не является таковым по его движущим силам.
Н. Ленин. Аграрный вопрос и силы революции. Собр.соч., т.VIII, стр.322

Великая Французская Революция объективно открывала дальнейшую дорогу капиталистическому строю, а субъективной классовой силой, двигавшей эту революцию, была мелкая буржуазия.
<вымарано в оригинале, очевидно, после 1937 года. -
~~Бухарин Н.И. Цезаризм под маской революции;~~
~~По поводу книги проф. Н.Устрялова "Под знаком революции"~~
~~// Правда, 13-15.11.1925~~
>>> «Цезаризм под маской революции»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Синим выделены разделы и документы, подготовленные отдельными файлами.
Светло-серым выделены документы, которые мы не сканировали. - ред. VL.

Предисловие

Часть I. НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Экономика Франции накануне революции
Внешняя торговля Франции по Неккеру
Национальный доход Франции по Толозану
Дореволюционная Франция по Артуру Юнгу

Буржуазия накануне революции
Из наказа купечества гор.Труа

Крестьянство накануне революции
Из наказа прихода Шасне
Из наказа прихода Шантильон

Рабочий класс накануне революции
Из отчета Ролана

Часть II. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

Генеральные штаты превращаются в Национальное Учредительное собрание

Постановление третьего сословия от 17 июня 1789 г.
Обращение дворянства к королю от 19 июня 1789 г.
Королевское заседание 23 июня 1789 г.

Ликвидация феодального режима

Крестьянская революция
Учредительное собрание провозглашает отмену феодальных прав
Декларация прав человека и гражданина

Часть III. КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ

Крупная буржуазия организуется в привилегированный класс

Разделение граждан на активных и пассивных
Декрет Учредительного собрания от 10 мая 1791 г. о праве петиции
Из закона 21 октября 1789 г. об осадном положении

Аграрное законодательство Учредительного собрания

Из закона 15 марта—3 мая 1790 г. о порядке упразднения феодальных прав
Из законов 15 мая 1790 г. и 13 апреля 1791 г., разъясняющих отмену права триажа

Рабочее законодательство Учредительного собрания

Закон Ле-Шапелье

Бегство в Варенн

Учредительное собрание узнает о бегстве короля
Из речи Робеспьера в якобинском клубе 21 июня 1791 г.
Учредительное собрание оправдывает короля
Петиция 17 июля 1791 г.
Декрет Учредительного собрания от 18 июля 1791 г.

Война

Пильницкая декларация
Письмо Людовика XVI к прусскому королю от 3 декабря 1791 г.

Декрет 9 ноября 1791 г. об эмигрантах
Из декрета 29 ноября 1791 г. против неприсяжных священников
Жирондисты за войну (речь Бриссо в якобинском клубе 16 декабря 1791 г.)
Людовик XVI — тоже за войну
Монтаньяры против войны (из речи Робеспьера в якобинском клубе 2 января 1792 г.)
Объявление войны

Часть IV. ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

Экономический кризис

Волнения в Париже

Из петиции граждан Сент-Антуанского предместья Законодательному собранию 26 января 1792 г.

Двадцатое июня

Людовик XVI выдает противнику военные тайны (шифрованное письмо Марии-Антуанеты графу Мерси от 26 марта 1792 г.) 118

Из декрета Законодательного собрания от 27 мая 1792 г. против неприсяжных священников

Декрет Законодательного собрания от 8 июня 1792 г. об образовании лагеря под Парижем

Из письма Ролана к Людовику XVI от 10 июня 1792 г.

Манифестация 20 июня

«Отечество в опасности»

Людовик XVI продолжает сношения с противником

Лафайет становится во главе контрреволюции

Из речи Верньо в заседании Законодательного собрания 3 июля 1792 г.

Декрет Законодательного собрания от 11 июля 1792 г. об объявлении отечества в опасности

Воззвание Законодательного собрания к французской армии от 11 июля 1792 г.

Воззвание Законодательного собрания к французам от 11 июля 1792 г.

Речь Робеспьера в якобинском клубе 10 июля 1792 г. по поводу объявления отечества в опасности

Десятое августа

Манифест герцога Брауншвейгского к французскому населению

Революция в парижских секциях

Выступление парижского мэра Петiona 3 августа 1792 г. перед Законодательным собранием от имени 48 секций Парижа

Парижские секции организуют переворот

Декреты Законодательного собрания от 10 и 11 августа 1792 г. о созыве

Национального конвента

Законодательное собрание и Коммуна

Монтаньяры требуют углубления революции (выступление Робеспьера перед Законодательным собранием 11 августа 1792 г.)

Жирондисты считают революцию законченной

Аграрные законы Законодательного собрания (см. также в подборке «Постановления, касающиеся земельной собственности»)

Монтаньяры требуют решительных мер

Парижская Коммуна организует оборону (из постановления Совета Парижской Коммуны 2 сентября 1792 г.)

Сентябрьские дни (письмо наблюдательного комитета Парижской коммуны к провинциальным муниципалитетам от 3 сентября 1792 г.)

Жирондисты готовятся к нападению

Часть V. ГОРА И ЖИРОНДА

Первые бои

Открытие Национального Конвента

Жирондисты переходят в наступление

Что означали требования жирондистов

Продовольственный вопрос в порядке дня

Народные массы требуют твердых цен

Жирондисты и продовольственный вопрос

Декрет Национального конвента от 8 декабря 1792 г.

Выступление «бешеных»

Петиция 48 секций Парижа Национальному конвенту 12 февраля 1793 г.

Голодные беспорядки 25 февраля 1793 г. (из № 190 монтаньярской газеты «Парижские Революции»)

«Бешеные» становятся во главе движения (из протокола заседания Парижской коммуны 25 февраля 1793 г.)

Чего добивались «бешеные»

Монтаньяры против «бешеных»

Катастрофа в Бельгии

Декрет Национального конвента от 15 декабря 1792 г. об оккупированных местностях

Присоединение бельгийских областей (речь Дантона в Конвенте 31 января 1793 г.)

Декрет Национального конвента от 1 февраля 1793 г. об объявлении войны Англии и Голландии

Поражение в Бельгии (из донесений бельгийских комиссаров комитету обороны Национального конвента)

Мартовские дни

Монтаньяры требуют энергичных мер

«Бешеные» снова выступают на сцену
Конвент становится на путь террора (декрет 10 марта 1793 г. об учреждении Революционного трибунала)
Жирондисты против «бешеных» (из речи Верньо в заседании Национального конвента 13 марта 1793 г.)

Измена Дюмурье

Чего хотели вандейцы (из одного вандейского воззвания)
Национальный Конвент делает дальнейшие шаги по пути террора
Измена Дюмурье (из донесений конвентских комиссаров северного фронта)
Постановление Национального конвента от 3 апреля 1793 г. по поводу измены Дюмурье

Союз Горы с «бешеными»

Расширение прав Революционного трибунала
Декрет 9 апреля, о командировке народных представителей в армии
Речь Робеспьера в Национальном конвенте 24 апреля 1793 г.

На пути к максимуму

Постановление Парижской Коммуны от 1 мая 1793 г. о наборе двенадцати тысяч человек
Постановление Генерального Совета Парижской коммуны от 3 мая 1793 г. о налоге на богатых

Жирондисты в лагере контр-революции

Восстание в Вандее разрастается (из донесений комиссаров Конвента)
Парижские секции требуют изгнания из Конвента 22-х депутатов-жирондистов (из петиции 35 секций, оглашенной в Национальном конвенте 15 апреля 1793 г.)
Жирондисты переходят в наступление
Классовая борьба в парижских секциях
Жирондистские секции — опора контрреволюции
Выступление Гаде в заседании Национального конвента 18 мая 1793 г.
Комиссия двенадцати
Что означала бы победа жирондистов

Тридцать первое мая

Из протокола вечернего заседания Национального конвента 27 мая 1793 г.
Парижская коммуна и секции готовят восстание
Постановление Национального Конвента от 31 мая 1793 г.
Монтаньяры соглашаются на вооруженное восстание

Часть VI. ДИКТАТУРА МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ
Монтаньяры против «бешеных»

Монтаньяры разрывают союз с «бешеными»
Выступление Жака Ру перед Конвентом 25 июня 1793 г.
Монтаньяры нападают на «бешеных»
Парижская коммуна угрожает населению Парижа расстрелом

Республика в кольце врагов

Национальный конвент, прощая покорившихся жирондистов, объявляет беспощадную войну восставшим
[Аграрное законодательство монтаньяров](#)
Из закона 26 июля 1793 г. о продовольствии
Из декрета о всеобщем ополчении 23 августа 1793 г.

Террор в порядке дня

Речь Робеспьера в заседании якобинского клуба 25 августа 1793 г.
Из отчета о заседании Парижской коммуны 4 сентября 1793 г.
Выступление парижского мэра и прокурора Коммуны в Конвенте 5 сентября 1793 г.
[Выступление делегации якобинского клуба в заседании Конвента 5 сентября 1793 г.](#)
[Декрет Национального конвента от 5 сентября 1793 г.](#)
[Декрет 9 сентября 1793 г. об установлении платы за посещение заседаний секций](#)
[Закон 17 сентября 1793 г. о подозрительных](#)
[Закон 29 сентября 1793 г. о максимуме](#)

Революционный порядок управления

[Декрет 10 октября 1793 г.](#)
[Из учредительного закона 14 фримера \(4 декабря 1793 г.\) о революционном порядке управления](#)
[Из доклада Робеспьера Конвенту 5 нивоа \(25 декабря 1793 г.\)](#)

Раскол в среде монтаньяров

Неудача закона о максимуме
Чего хотели эбертисты (предложение Шометта о том, кого считать подозрительными)
Чего хотели дантонисты
Робеспьеристы пытаются сохранить равновесие между эбертистами и дантонистами
Робеспьеристы против эбертистов
Робеспьеристы против дантонистов

Робеспьеристы пытаются стабилизировать революцию

Из декрета 3—4 вантоза (21—22 февраля 1794 г.), дополняющего закон о максимуме
Из закона 26 жерминаля (15 апреля 1794 г.)
Из декрета 18 флореаля (7 мая 1794 г.) о Верховном существе
Из декрета 22 прериала (10 июня 1794 г.)

Девятое термидора

Из протокола заседания Парижской коммуны 9 термидора

Из протокола революционного комитета секции Ломбар 9 термидора

Продолжение протокола заседания Парижской коммуны 9 термидора

Из протокола вечернего заседания Конвента 9 термидора

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лабораторный метод преподавания, ныне всецело господствующий в наших Комвуз'ах и Совпартшколах и завоевывающий себе с каждым днем все большее место в Вуз'ах, требует особой литературы, специально предназначенной для самостоятельной работы учащихся. Вместо старых учебников, рассчитанных на пассивное усвоение излагаемого курса, нужны сборники материалов и документов, в частности первоисточников, позволяющие учащимся самостоятельно разобраться в вопросе и, проработав его, сделать из прочитанного материала свои собственные выводы.

К сожалению, при обилии хрестоматий по курсам политической экономии, исторического материализма, истории России и истории РКП(б), по истории Запада мы до сих пор имеем всего только одну единственную хрестоматию Фридлянда и Слуцкого, недавно вышедшую вторым изданием. Но при всех своих достоинствах, хрестоматия эта страдает двумя недостатками — господством отрывков из литературы над первоисточниками и недостаточной подробностью, вполне объяснимой желанием авторов уложить в один том весь громадный материал истории 1789–1914 г.г.

Между тем, преподавание истории Запада за последнее время как раз эволюционирует в сторону стремления к большему углублению материала, к более основательному ознакомлению учащихся о первоисточниками. При полной же невозможности уложить в один том, хотя бы и такой пухлый, как второе издание хрестоматии Фридлянда и Слуцкого, весь огромный материал, составляющий предмет прохождения этого курса, остается только один выход — на место *одного* тома, обнимающего всю эпоху промышленного и финансового капитализма, дать *несколько томов*, касающихся отдельных важнейших моментов этого периода.

До сих пор мы имеем одну только работу такого рода — это недавно вышедшая «Парижская Коммуна 1871 г. в материалах и документах» А.И.Молока. Предлагаемая книга идет по тому же пути, и мы надеемся, что она явится лишь одним из его первых этапов.

Задачей настоящей хрестоматии является однако не только служить пособием для лабораторной работы учащихся при прохождении *общего* курса истории Запада. Во многих наших общественных Вуз'ах существуют — и вероятно будут существовать и в дальнейшем — специальные семинарии по истории Великой Французской Революции, и мы надеемся, что данная работа будет бесполезна и для участников этих

семинариев.

Теперь несколько слов о принципах, которыми руководствовался автор настоящей книги. Они заключаются в следующем:

1. Автор предполагает, что читатель в достаточной мере знаком с общим ходом событий Великой Французской Революции, хотя бы в пределах соответствующих глав «Новейшей истории Западной Европы» Н.М.Лукина (Антонова) или по крайней мере «Истории Великой Французской Революции» — автора настоящей работы.

2. В хрестоматии даны *исключительно первоисточники*. При значительном объеме существующей на русском языке литературы по истории Французской Революции, автор считал нецелесообразным тратить место на выдержки из таковой и отсылает читателей непосредственно к соответствующим книгам. Но этот принцип, которого автор неуклонно придерживался на всем протяжении хрестоматии, вполне совпадая с основами лабораторного метода, имеет однако и свое неудобство — недостаточное освещение некоторых моментов, по которым печатные первоисточники отсутствуют. В этом смысле особенно плохо обстоит с экономикой дореволюционной Франции, да пожалуй и с экономикой самой Революции, и автор считает необходимым для всех читателей его хрестоматии ознакомление с этими вопросами по существующей на русском языке вполне достаточной *литературе* предмета.

3. Выбирая первоисточники, автор старался дать прежде всего материал, не имевшийся до сих пор на русском языке и лишь в сравнительно редких случаях особой важности данных документов давал и ранее переведенные материалы. По этим соображениям, например, совершенно оставлен в стороне весь процесс Людовика XVI, вполне исчерпывающая документация которого дана на русском языке в книге К.Н.Берковой «Процесс Людовика XVI» (<http://istmat.info/node/28996>). Равным образом сравнительно мало использованы донесения конвентских комиссаров, некоторая часть коих дана на русском языке в сборнике «Французская Революция в провинции и на фронте».

Кроме этих двух книг, в качестве дополнения к настоящей хрестоматии могут быть использованы еще «Избранные речи» Дантона (изд. Укргосиздата, 1924 г. <http://istmat.info/node/28658>) и хрестоматия, приложенная к «Истории Французской Революции» автора этих строк.

4. Предлагаемая хрестоматия захватывает не всю эпоху Французской Революции, а только период до 9-го термидора. Объясняется это как тем, что именно эта часть Революции составляет главный предмет прохождения соответствующих курсов и семинариев, так и тем, что, будучи строго ограничен размерами своей работы, автор предпочел дать более углубленный материал по важнейшей части Революции, чем беглый — по всей эпохе.

5. Сообразуясь с принятой во всех Комвуз'ах и Вуз'ах системой насыщения исторических курсов и семинариев элементами ленинизма, автор повсюду уделял особое внимание моментам, важным для изучения тактики различных классов и партий в эпоху Французской Революции.

Поэтому, совершенно оставив в стороне фактические моменты Революции (как, например, 14-ое июля, 10-ое августа и т.д.), с которыми читатели должны быть знакомы на основании изучения литературы предмета, автор, не опасаясь нарушения пропорциональности отдельных частей книги, уделил преобладающее место периодам, важным для изучения тактики, как, например, эпохе бегства в Варенн или борьбы Горы и Жиронды.

Таковы основные принципы, положенные в основание предлагаемой хрестоматии. В заключение автор считает долгом принести свою глубокую благодарность А.П.Вигдорчик, оказавшей ему значительную помощь при подборе материала, и переводчикам — И.И.Варшавской, С.И.Гринберг, И.Я.Козинцеву и Ф.В.Потемкину.

Як.Захер. Ленинград, май 1925 г.

Часть II. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

Ликвидация феодального режима.

11. Крестьянская революция.

Парижское восстание 14 июля, ликвидировавшее контр-революционные попытки двора и упрочившее положение Национального Собрания, вызвало широкий отклик в провинции. Если до сих пор французское крестьянство возлагало все свои надежды на Учредительное Собрание, на самом деле вовсе не помышлявшее об исполнении пожеланий, выраженных в крестьянских наказах, то известие о взятии Бастилии и о торжестве народа в Париже толкнуло крестьян на самостоятельное выступление против его угнетателей — сеньоров. Вторая половина июля 1789 г. — эпоха повсеместных крестьянских восстаний, прелюдией к которым был так называемый «великий страх», пронесшийся почти одновременно по всей Франции. Приводим его описание, взятое из мемуаров графа Дюфора де-Шеверни, представителя рядового провинциального дворянства того времени.

... Нас было человек 18. Не успели мы встать со стола, как Бембене, мой управляющий, человек лет шестидесяти, уездный судья во многих судах, отвел меня в сторону, чтобы частным образом поговорить со мной. Я ввел его в кабинет; он был весь в поту и только-что сошел с коня. Вот что он мне сказал: «По окончании занятий в суде, я находился в Монти, когда вдруг услышал звон набата. Сбежался народ. Я подумал, что пожар, как вдруг несколько голосов закричало: «Неприятель, англичане, они на расстоянии мили отсюда; они предают все огню и мечу! Священник в Фужер растерзан на части». Я побежал к своему коню. Все неслись в эту сторону, угоняя скот и увозя вещи, наскоро брошенные на телеги. Я со всех ног бросился, чтобы предупредить вас. Паника общая и всюду бьют в набат».

Это не был ни лунатик, ни сумасшедший. Я посоветовал ему, прежде всего, никому ничего не говорить и вернуться к себе домой, заявив, что беру на себя позаботиться обо всем. Я вернулся в зал, чтобы предупредить мужчин. Не прошло и пяти минут, как я увидел всадника, быстро сошедшего с коня и поднимавшегося на крыльцо. Он кричал: «Враги, враги! они уже в аллее!» Всем женщинам, только-что кончившим обед в столовой, стало худо. Тревога передалась в гостиную. Красивая м-м де-Люсе, бывшая всего год замужем, поднялась к себе, принесла два пистолета, которые, по ее словам, были заряжены, и передала их в мои руки для общей защиты.

Тем временем я приказал ударить в набат. Усадьба и все дворы были переполнены народом. Смятение невероятное: все говорили

разом. Я приказал замолчать и сказал: «Господа, выбирайте себе начальника». «Вы, вы»,—крикнули все.

Я немедленно обратился к трем местным фельдшерам и к финансовому инспектору, у которых были лошади. Я сразу же снарядил трех всадников из своих людей, приказав им совершить обезд патрулем на две или три мили вокруг с той стороны, откуда ожидали неприятеля, и представлять мне донесение ежечасно, каждый в отдельности; в случае же действительной опасности — возвратиться всем вместе. Я вооружил все население ружьями, косами, вилами, серпами. Вооруженных ружьями я выдвинул в первую линию, остальных же построил в два отдельных отряда. В Кур у меня был знакомый офицер, кавалер ордена св. Людовика; я немедленно назначил его своим адъютантом и послал его на площадь в Кур, приказав ему поставить на виду часовых вокруг всего местечка до высот Шверни. То же самое я проделал в Шверни. Не прошло более часа с тех пор, как я принял эти меры, как наши посланцы явились один за другим; они ничего не видели. Сельские жители беспричинно бежали и спасались, хотя и не видели ни единого врага. Они добрались до Фужер; всюду те же, ни на чем не основанные, народные толки. Я поэтому распустил всех; то же самое было сделано в Кур. Я отправил курьера в муниципалитет Блуа, чтобы сообщить об этих событиях. Вечером я получил двадцать посланий из различных деревень: все ожидали известий и спрашивали, как им организовать.

(«Mémoires sur le règne de Louis XVI et sur la Révolution»,
par J. N. Dufort, comte de Chevigny, t. II, p. 87—89).

12. Учредительное Собрание провозглашает отмену феодальных прав.

Крестьянские восстания в провинции, сопровождавшиеся уничтожением посевов и скота, сожжением усадеб, а иногда и убийством помещиков, вызвали сильнейший испуг среди не только помещичьей, но и буржуазной части Учредительного Собрания, увидевшей в этом движении покушение на «священное» право собственности. Первой мыслью Учредительного Собрания было ответить на насилие — насилем, и с этой целью на его обсуждение был поставлен проект мероприятий, направленных к борьбе с крестьянским движением. Но если буржуазная часть Конституанты шла, таким образом, на открытую борьбу с восставшим крестьянством, то представители *привилегированных*, вовсе не желавшие ради спасения принципа собственности рисковать своим имуществом, избрали другой путь, казавшийся им более рациональным, а именно — обман, не предполагавший, впрочем, и полного отказа от вооруженной борьбы. С этой целью ими было предложено Учредительному Собранию, одновременно с принятием решительных мер, провозгласить отмену феодального режима, но провозгласить ее только *теоретически*, с тем, чтобы конкретные меры, направленные к осуществлению принятого принципа, должны были быть выработаны *позднее*. Этим путем наиболее умные деятели из среды дворянства и духовенства думали остановить крестьянскую революцию, а затем, по ее прекращении, было бы уже нетрудно ликвидировать и данные ранее крестьянам обещания... Такова сущность постановлений, принятых в знаменитом ночном заседании 4 августа, для уразумения коей мы приводим нижеследующие документы:

I. Проект постановления, предложенный 3 августа 1789 г. Учредительному Собранию его комитетом докладов.

Национальное Собрание, до сведения которого дошло, что крестьяне упорно отказываются уплачивать ренты, десятины, подати, чинши и сеньориальные повинности; что жители приходов собираются и выражают в своих постановлениях обязательство упорствовать в этом отказе, грозя лицам, не желающим подчиниться этому решению, великими ужасами и дурно обращаясь с ними; что вооруженные люди оказываются виновниками в насилиях, что они врываются в замки, захватывают бумаги и всякие документы и сжигают их на дворах,—

заявляет, что, будучи непрерывно занято работами, относящимися к выработке конституции и к обновлению государства, оно не может, как бы ни были важны указанные ему частные задачи, привлечь свои взоры от поглощающей его внимание вышеуказанной задачи и приостановить свои работы, важность которых требует их непрерывности.

Оно заявляет, что ничто не может оправдать прекращения уплаты налогов и всех других поборов, пока не воспоследует его решения относительно различных повинностей; оно заявляет, что ни под каким предлогом нельзя уклоняться от уплаты их и что оно с горестью взирает на смуты, вызываемые этими отказами, противоречащими принципам публичного права, которые не перестанет отстаивать Собрание.

(Buche z et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. II, p. 211—212).

II. Проект постановления, предложенный Тарже¹ Учредительному Собранию 4 августа 1789 года.

Национальное Собрание, принимая в соображение, что в то самое время, когда оно всецело поглощено заботами об упрочении счастья народа на основах свободной конституции, свирепствующие в некоторых провинциях смуты и насилия распространяют тревогу в умах и представляют собой в высшей степени пагубное посягательство на священные права собственности и на безопасность личности,—

заявляет, что старые законы продолжают существовать и должны быть соблюдаемы до тех пор, пока они не будут отменены или изменены властью нации;

что все оброки и поборы должны быть попрежнему уплачиваемы до того времени, когда состоятся постановления Собрания относительно этих предметов.

(Жан Жорес. «Учредительное Собрание», изд. Глаголева, стр. 208).

¹ Видный депутат третьего сословия.

ЧАСТЬ III

КРУПНАЯ БУРЖУАЗИЯ
У ВЛАСТИ

Крупная буржуазия организуется в привилегированный класс.

14. Разделение граждан на активных и пассивных.

Если уже восстание 14 июля, спасшее Учредительное Собрание от разгона, вызвало испуг крупной буржуазии перед парижской демократией и толкнуло ее на соглашение с королевской властью, то дни 5—6 октября 1789 г. окончательно привели Учредительное Собрание в лагерь реакции. Отныне крупная буржуазия, совершенно забыв об опасности справа, видит свою единственную цель в защите своих интересов от опасностей, грозящих им со стороны народных масс. Наиболее ярким результатом такого настроения Конституанты явились законы, разделяющие всех граждан на активных и пассивных, при чем избирательное право предоставлялось только первым, что, кстати сказать, решительно противоречило Декларации Прав. Приводим отрывки из наиболее важных законов по этому поводу:

I. Из декрета. 22 декабря 1789 г.

Раздел I.

...Ст. 3¹. Условия, необходимые, чтобы быть активным гражданином, следующие: 1) быть французом; 2) достигнуть 25-летнего возраста; 3) прожить фактически в данном кантоне не менее одного года; 4) платить прямой налог в размере местной трехдневной заработной платы; 5) не быть в положении прислуги, т.-е. не быть слугой на жалованьи.

II. Из закона 13 января 1791 г.

Раздел II.

Ст. 13². Налог, равный трехдневной заработной плате, будет вноситься всеми имеющими какую-нибудь земельную или движимую собственность, а также и живущими поденным трудом, если их профессия доставляет им больший заработок, нежели установленная департаментом норма поденной платы для территории их муниципалитета.

¹ Статья эта была принята 29 октября 1789 г.

² Статья эта была принята 23 октября 1790 г.

III. Из декрета 3 ноября 1789 г.

... Чтобы иметь право быть избранным в Национальное Собрание, необходимо будет платить прямой налог стоимостью в одну серебряную марку и, кроме того, обладать какою-нибудь земельною собственностью¹.

(А. Олар. «Политическая история Французской Революции», 3-е издание стр. 45, 46, 48).

15. Декрет Учредительного Собрания от 10 мая 1791 г. о праве петиций.

Лишив еще осенью 1789 г., посредством разделения граждан на активных и пассивных, народные низы возможности принимать непосредственное участие в политической жизни страны, Учредительное Собрание в дальнейшие месяцы своего существования столкнулось с попыткой населения оказывать влияние на разрешенные главнейших вопросов, обсуждавшихся Национальным Собранием, *косвенным* путем—при помощи составления и подачи петиции. Ответом на это явился нижеследующий декрет Конституанты:

Ст. 1. Право петиции принадлежит каждому человеку лично и не может быть передано им другому. Вследствие этого оно не может быть осуществляемо коллективно избирательными собраниями, административными и судебными учреждениями, муниципалитетами, коммунами², секциями коммун или обществами граждан.

Каждый петиционер должен подписать свою петицию; если же он этого не в состоянии сделать или почему-либо не делает, то об этом должно быть особо упомянуто.

Ст. 2. Граждане, желающие использовать свое право петиции, не имеют права собираться для этой цели целыми коммунами или секциями. Коммунальные собрания могут быть созданы или разрешены лишь для обсуждения вопросов чисто муниципального характера, непосредственно затрагивающих интересы коммуны.

Всякий созыв коммуны и секции для обсуждения каких-либо других вопросов является неконституционным и противоречащим законам.

Ст. 3. В городе Париже, так же как и во всех других городах и муниципалитетах королевства, активные граждане, желающие

¹ При составлении окончательной редакции конституции 1791 года правило это было отменено, и условия активного и пассивного избирательного права были уравнианы (Конституция 1791 г., раздел III, гл. I, отд. III, ст. 3).

² По установленной Учредительным Собранием новой муниципальной организации Франции, население города составляло особую административную единицу, именуемую коммуной. Крупные города разбивались кроме того еще на секции (т.е. части) коммуны.

в соответствии с предписанными законом правилами, ходатайствовать о созыве собрания коммуны или секции, должны изложить свое ходатайство в письменной форме. При этом необходимо ясно указать на те вопросы муниципального характера, которые имеют быть поставлены на обсуждение коммуны или секции. В случае отсутствия такого письменного ходатайства, муниципалитет или председатель секции не в праве созвать секцию или коммуну.

(Buchez et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. X, p. 12, 14).

16. Из закона 21 октября 1789 г. об осадном положении.

Законы о разделении граждан на активных и пассивных и о праве петиций лишили низшие классы возможности *законным* путем бороться с установившейся Учредительным Собранием олигархической организацией государственной власти. Но это еще отнюдь не предвещало невозможности *революционного выступления* масс, которого крупная буржуазия как раз больше всего и опасалась. Для борьбы с такими выступлениями была создана буржуазная национальная гвардия, а в качестве руководства для ее деятельности был издан закон 21 октября 1789 года об осадном положении, отрывки из коего мы здесь приводим:

...При наступлении случаев, когда представляется, что общественному спокойствию угрожает опасность, должностные лица коммунального управления в силу обязанностей, возложенных на них таковым, должны объявлять о том, что для восстановления спокойствия необходима военная сила. Это извещение совершается таким способом, что из главного окна городской думы и на улицах вывешивается красное знамя.

Когда красное знамя вывешено, все собрания, вооруженные или не вооруженные, признаются преступными и разогнаны военной силой. Войсковые части под командой своих офицеров и в сопровождении по крайней мере одного муниципального чиновника, немедленно направляются с красным знаменем к месту скопища. Муниципальный чиновник должен там опросить о причине скопища и предложить участникам его через депутацию из шести лиц изложить свои требования. Вслед за тем толпа должна немедленно очистить место. Если этого не воспоследует, муниципальный чиновник должен три раза один за другим потребовать этого, добавляя: «Объявлено осадное положение; если приказанию не подчинятся, я прикажу открыть огонь». Если этого требования не исполняют, необходимо действовать оружием.

Хотя бы толпа разошлась, не учиняя насилий, зачинщики и подстрекатели могут быть привлечены к ответственности и подвергнуты наказанию: если сборище было невооруженное, — до трех лет тюремного заключения, если участники его были вооружены, — смертной казни. Если толпа учинит насильственные действия или не разойдется немедленно после третьего требования, то задержанные при этом лица, у которых не было оружия, прису-

ждаются к заключению в тюрьме сроком до одного года, лица же, задержанные с оружием,—сроком до трех лет. Если же они учинили какие-либо насильственные действия или возбуждали толпу, то применяется смертная казнь.

Все солдаты и национальные гвардейцы, принимающие участие в таких сходбищах и мятежах, признаются бунтовщиками и подлежат смертной казни. Войсковые части, которые в случае подобного сходбища, отказываются от повиновения муниципальному чиновнику, предлагающему им выступить, получают три года тюремного заключения.

(Генрих Купов. «Борьба классов и партий в Великой Французской Революции», 1919 г., стр. 105—106).

Война.

25. Пильницкая декларация.

Еще в начале 1791 г. иностранные государства не помышляли о вмешательстве во французские дела, но происшедший во Франции в связи с бегством в Варенн взрыв революционного воодушевления и связанная с этим опасность усиления революционной пропаганды не могли не поколебать этой позиции. 27 августа 1791 г. австрийский император и прусский король, встретившиеся в Пильнице, подписали нижеследующую декларацию:

Его величество император и его величество король прусский, вняв желаниям и представлениям старшего из братьев французского короля¹ и графа д'Артуа, совместно заявляют, что они считают положение, в котором теперь находится французский король, долженствующим внушить одинаковый интерес всем государям Европы. Они надеются, что этот интерес не может не быть признан державами, к которым они обращаются за содействием, и что, следовательно, они не откажутся посильно применить совместно с их Величествами действительнейшие средства, чтобы доставить французскому королю возможность вполне свободно установить основы монархического правления, одинаково соответствующего как правам государей, так и благополучию французской нации. Тогда, в таком случае их величества император и король прусский решатся действовать с необходимыми силами быстро и по взаимному соглашению, чтобы достигнуть сообща намеченной цели. В ожидании этого они отдадут своим войскам соответственное распоряжение, дабы они были в состоянии приступить к активным действиям.

Дано в Пильнице, 27 августа 1791 г.

Леопольд, Фридрих-Вильгельм.

(Жан Жорес. «Учредительное Собрание», изд. Глаголева, стр. 558).

26. Письмо Людовика XVI к прусскому королю от 3 декабря 1791 года.

Если бегство в Варенн было следствием разочарования французского двора в возможности внешней интервенции, то поворот политики иностранных правительств, выразившийся, между прочим, в пильницкой декларации, должен был вызвать у Людовика XVI новые надежды. Пользуясь

¹ Граф Прованский, впоследствии Людовик XVIII.

посредничеством эмигрантов, французский король пытается толкнуть иностранных монархов на вмешательство во французские дела и всячески подбивает их на вооруженную интервенцию. В этом смысле особенно характерно следующее письмо Людовика XVI к Фридриху Вильгельму Прусскому:

Брат мой!

Я узнал через господина Демустье о том интересе, который ваше величество выказали не только лично ко мне, но и к благу моего королевства. Склонность вашего величества проявлять этот интерес во всех случаях, когда это может быть полезно для блага моего народа, глубоко меня тронула. Я заявляю именно об этом в тот момент, когда, несмотря на принятие мною новой конституции, заговорщики открыто обнаруживают проекты разрушения остатков монархии. Я только что обратился к императору, к императрице России, к королям Испании и Швеции с предложением созыва конгресса главнейших государств Европы, опирающегося на вооруженную силу, как лучшее средство остановить здесь заговорщиков, установить более желательный порядок вещей и помешать терзающему нас злу распространиться по остальным государствам Европы. Я надеюсь, что ваше величество одобрит мою мысль и сохранит в абсолютной тайне мое обращение к вам. Ваше величество легко поймет, что обстоятельства, в которых я нахожусь, обязуют меня к величайшей осторожности, а потому о моем секрете известно только барону де-Бретейль¹, которому ваше величество может передать все, что вам угодно.

Пользуясь случаем, чтобы вновь благодарить ваше величество за благосклонность по отношению к г. Гейман. Я испытываю истинное удовлетворение высказать вашему величеству уверение в уважении и преданности, с которой я остаюсь вашим добрым братом.

*Людовик.*²

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. VIII, p. p. 172—173).

27. Декрет 9 ноября 1791 г. об эмигрантах.

Хотя пильницкая декларация еще отнюдь не означала немедленной интервенции, но эмигранты подняли по поводу нее такой шум, что Законодательное Собрание (с 1 октября заменившее Учредительное) сочло своим долгом энергичным образом выступить как против самих эмигрантов, так и против помогавших им внутри государства неприсяжных священников. Результатом этого были декреты 9 и 29 ноября. Первый из них гласил:

Национальное Собрание, выслушав доклад своего комитета гражданского и уголовного законодательства и принимая во внимание,

¹ Тайный агент Людовика XVI при иностранных дворах.

² Приведенное в тексте письмо, относящееся к 3 декабря 1791 г., неправильно отмечено у Buche et Roux, как написанное 3 декабря 1790 г.

что священные интересы отечества призывают всех удалившихся из Франции французов; что закон обеспечивает им полное покровительство; что, тем не менее, большая часть их собирается под предводительством вождей—врагов конституции; что они подозреваются в заговоре против государства и что национальное великодушие еще может дать им время раскаяться, но что, если они не разойдутся до истечения этого срока, они обнаружат свои преступные замыслы, продолжая составлять сборища; что тогда они окажутся явными заговорщиками; что против них будет возбуждено преследование и они должны подвергнуться наказанию, как явные заговорщики, что общественная безопасность требует строгих мер: и декретирует нижеследующее:

Ст. 1. Французы, собравшиеся за пределами королевства, объявляются с нынешнего момента подозреваемыми в заговоре против отечества.

Ст. 2. Если к 1 января 1792 г. они все еще окажутся составляющими сборища, то они будут объявлены виновными в заговоре, подвергнуты преследованию, как таковые, и присуждены к смертной казни.

Будут считаться обвиняемыми в покушении и в заговоре против общественной безопасности и конституции те из французских принцев и общественных чиновников, которые останутся вне королевства и не вернутся в него до 1 января 1792 г.

Ст. 3. В течение двух первых недель того же месяца будет созван Верховный Национальный Суд, если к тому представится повод.

Ст. 4. Доходы эмигрантов, осужденных заочно, будут при жизни их взиматься в пользу казны, без нарушения прав их жен, детей и кредиторов, признанных законными до этого декрета.

Ст. 5. С настоящего времени на все доходы французских принцев, не живущих в королевстве, будет наложен секвестр. Нельзя будет производить, ни прямо, ни косвенно, никакой уплаты содержания, пенсии или каких бы то ни было доходов вышеупомянутым принцам, их уполномоченным или делегатам до тех пор, пока не последует иных решений Национального Собрания. Те лица, которые предписали бы выдачу денег и выплатили бы их, будут привлекаться к ответственности и присуждаться к двухлетнему тюремному заключению. Это же самое постановление применимо ко всем общественным, гражданским и военным чиновникам и к лицам, получающим государственные пенсии в отношении их жалованья и пенсий.

Ст. 6. Все иски, необходимые для взимания доходов и секвестра, декретиремых двумя предшествующими статьями, будут предъявляться по прошениям прокуроров-синдиков департаментов, по искам, возбуждаемым прокурорами-синдиками каждого округа, в котором окажутся вышеупомянутые доходы, и получаемые суммы будут вноситься в кассу окружных сборщиков, которые будут обязаны представлять о них отчет. Прокуроры-синдики будут ежемесячно представлять отчет о состоянии исков, предъявляемых во

исполнение предыдущей статьи министерству внутренних дел, которое также будет ежемесячно представлять о них отчет Собранию.

Ст. 7. Все общественные чиновники, не живущие в королевстве без законной причины до амнистии, дарованной законом от 15 сентября 1791 г., и не вернувшиеся во Францию, лишаются своих мест и всякого жалованья.

Ст. 8. Все общественные чиновники, не живущие в королевстве без законной причины после амнистии, также лишаются своих мест и жалованья и, кроме того, прав активных граждан.

Ст. 9. Ни один общественный чиновник не может отлучиться из королевства без отпуска от министра, в ведомстве которого он служит, под страхом вышеупомянутых наказаний.

Ст. 10. Всякий офицер, каков бы ни был его чин, который прекратит выполнение своих обязанностей без отпуска или не получив отставки, будет признан виновным в дезертирстве и наказан, как солдат-дезертир.

Ст. 11. Согласно закона 29 октября 1790 г. в каждой армейской дивизии будет составлен военный суд для разбора военных проступков, совершенных после амнистии; кроме того, общественные обвинители возбудят преследование против лиц, похитивших имущество или суммы, принадлежащие французским полкам, как против виновных в воровстве.

Ст. 12. Всякий француз, который вне королевства завербует и наберет людей для того, чтобы они явились на сборище, упомянутое в статьях 1-й и 2-ой этого декрета, будет подвергнут смертной казни. Тому же самому наказанию подлежит всякое лицо, которое совершит это самое преступление во Франции.

Ст. 13. Вывоз из королевства всякого рода оружия, лошадей и припасов воспрещается.

Ст. 14. Национальное Собрание поручает своему дипломатическому комитету предложить ему меры, которые оно попросит короля принять от имени нации по отношению к соседним иностранным державам, терпящим на своей территории сборища французско-беглецов.

(Ж а н Ж о р е с. «Законодательное Собрание», стр. 66—68).

28. Из декрета 29 ноября 1791 г. против неприсяжных священников.

Национальное Собрание, выслушав доклад гражданских комиссаров, посланных в департамент Вандею, петиции большого числа граждан и доклад комитета гражданского и уголовного законода-

¹ Еще в 1790 г. было установлено так называемое гражданское устройство духовенства, согласно одного из параграфов которого все лица духовного звания должны были присягнуть на верность конституции. Подробности этой присяги были регулированы нижеприведенным декретом 27 ноября 1790 года:

тельства относительно смут, возбуждаемых в нескольких департаментах королевства врагами общественного блага под предлогом религии;

принимая в соображение, что общественный договор должен связывать всех членов государства и одинаково покровительствовать им;

что важно недвусмысленно формулировать это обязательство для того, чтобы неясность в словах не могла вызвать неясности в мыслях; что чисто гражданская присяга является ручательством, которое каждый гражданин должен представить относительно своей верности закону и своей преданности обществу, и что различие религиозных мнений не может служить препятствием для принесения присяги, так как конституция обеспечивает всякому гражданину полную свободу его религиозных мнений, лишь бы только их выражение не нарушало порядка или не вызывало бы действий, вредных для общественной безопасности;

что служитель какого-нибудь культа, отказывающийся признать конституционный акт, который разрешает ему выражать свои религиозные взгляды и лишь обязывает его уважать порядок, установленный законом и общественную безопасность, выразил бы этим самым отказом, что намерен не уважать их;

что, не желая признавать закон, он добровольно отказался бы от тех выгод, которые ему может гарантировать только закон;

Декрет о присяге духовенства.

Ст. 1. Епископы, бывшие архиепископы и священники, сохранившие свои должности, обязаны, если они этого еще не сделали, принести установленную статьей 30-ой декрета 24 июля сего года и подчиненную правилам ст.ст. 21-ой и 38-ой того же декрета, касающегося гражданского устройства духовенства, присягу.

Вследствие сего, они в силу вышеупомянутого декрета принесут присягу в том, что будут заботиться о верующих своей епархии или вверенного им прихода, что будут верны народу, закону и королю и что всеми средствами от них средствами будут поддерживать установленную Национальным Собранием и принятую королем конституцию. Духовные особы, находящиеся в настоящее время в своей епархии или приходе, должны присягнуть в течение недели; находящиеся в отъезде, по в пределах Франции—в течение месяца, а находящиеся за границей—в течение двух месяцев со дня обнаружения настоящего декрета.

Ст. 2. Викарии епископов, начальники и директоры семинарий, викарии священников, преподаватели семинарий, и коллегий и все прочие чиновники духовного ведомства принесут в тот же срок присягу в том, что будут в точности исполнять свои обязанности, будут верны народу, закону и королю и что они всеми силами будут поддерживать конституцию, установленную Национальным Собранием и принятую королем.

Ст. 3. Присягать надлежит в одно из воскресений, по окончании мессы, при чем епископы, бывшие архиепископы, их викарии, начальники и директоры семинарий присягают в епископской церкви, а священники, их викарии и прочие чиновники духовного ведомства — в церкви своего прихода. Присяга производится в присутствии генерального совета коммуны и прихожан. С этой целью духовные лица, уяснившие с мажором о дне принесения присяги, должны являться в канцелярию муниципалитета письменное заявление, по крайней мере за два дня до принесения присяги, о своем намерении присягнуть.

что Национальное Собрание, которому необходимо заняться важными делами, привлекающими его внимание, для упрочения финансовой системы, к сожалению оказалось вынужденным, прежде всего, обратить внимание на беспорядки, клонящиеся к расстройству всех общественных дел, препятствуя быстрой раскладке подачей и их мирному взиманию;

Ст. 4. Те из епископов, бывших архиепископов, священников и прочих чиновников духовного ведомства, которые являются членами Национального Собрания и которые в настоящее время находятся при исполнении своих депутатских обязанностей, принесут соответственную присягу в Национальном Собрании не позже, чем через неделю со дня опубликования об утверждении данного декрета. Не позже, чем через семь дней после истечения этого срока они должны прислать в свой муниципалитет свидетельство о принесении присяги.

Ст. 5. Те из епископов, бывших архиепископов, священников и прочих чиновников духовного ведомства, которые в назначенные сроки не принесут установленной присяги, будут считаться отказавшимися от своих должностей, каковые в таком случае подлежат замещению в том же порядке, как при освобождении вакансий вследствие выхода духовного лица в отставку, т.-е. в порядке предписанном главой 2-ой декрета от 12 июля с. г., касающегося гражданского устройства духовенства. Вследствие сего, мэры обязаны, по истечении недели с указанного срока, донести о всех не принесших присяги лицах, при чем, поскольку это касается епископов, бывших архиепископов, их викариев, начальников и директоров семинарий — донесения должны посылаться генерал-прокурору, синдигу департамента, а в отношении священников, их викариев и прочих чиновников духовного ведомства — прокурору, синдигу дистрикта. Собрание делает как тех, так и других ответственными за их нерадение в исполнении настоящего декрета.

Ст. 6. В тех случаях, когда вышеозначенные епископы, бывшие архиепископы, священники, викарии и прочие чиновники духовного ведомства по принесении соответствующей присяги будут таковую нарушать, отказываясь повиноваться декретам Национального Собрания, принятым или одобренным королем, или же будут организовывать или возбуждать противодействие их выполнению; то против них, как неповинующихся закону, будет возбуждено преследование в окружных трибуналах. Они будут наказуемы лишением содержания и вместе с тем будут объявлены потерявшими права активных граждан и неимеющими права занимать какую-либо общественную должность. Вследствие сего, согласно предписания вышеозначенного декрета от 12 июля, будут приняты меры к замещению их должностей. На лиц, совершивших более тяжкие преступления, могут быть сверх того наложены и более серьезные наказания.

Ст. 7. Те из вышеозначенных епископов, архиепископов, священников и прочих чиновников духовного ведомства, сохранивших свои должности и отказавшихся принести соответствующую присягу, те из лишенных своих должностей и, наконец, те из членов упраздненных духовных учреждений, которые станут выполнять какую бы то ни было из своих бывших обязанностей или же тех обязанностей, которые они выполняли сообща, — будут преследоваться как нарушители общественного порядка и будут подвергнуты тем же наказаниям, которые указаны выше.

Ст. 8. Будут подвергнуты преследованию как нарушители общественного порядка и наказаны по всей строгости законов все лица, как духовные, так и светские, которые соединятся с целью отказать повиноваться принятым или санкционированным королем декретам Национального Собрания с целью создания или возбуждения противодействия их проведению в жизнь.

(Bucheux et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française». t. VIII, p. p. 142—144).

что, восходя к источнику этих беспорядков, оно слышало от всех просвещенных граждан государства, единогласное выражение той великой истины, что религия служит для врагов конституции лишь предлогом, которым они злоупотребляют, и орудием, которым они осмеливаются пользоваться для того, чтобы устраивать смуты на земле во имя неба;

что их таинственные преступления легко ускользают от обыкновенных мер, не затрагивающих тех тайных церемоний, которыми прикрываются их заговоры и благодаря которым они незримо господствуют над совестью людей;

что пора, наконец рассеять этот мрак для того, чтобы можно было отличить мирного и искреннего гражданина от буйного священника и злоумышленника, сожалеющего о прежних злоупотреблениях и неспособного простить революции их уничтожения;

что эти мотивы настоятельно требуют, чтобы законодательный корпус принял важные политические меры для укрощения мятежников, прикрывающих свой заговор священным покровом;

что действительность этих новых мер в значительной степени зависит от патриотизма, благоразумия и твердости муниципалитетов и администрации и от той энергии, которую они могут внушить всем другим установленным властям;

что в особенности административные власти в департаментах могут оказать при таких обстоятельствах величайшую услугу нации и прославиться, стараясь оправдать доверие Национального Собрания, которое всегда будет с удовольствием отмечать их услуги. Ис которое в то же время будет строго наказывать тех общественных чиновников, нерадивость которых при выполнении закона походила бы на молчаливое потворство врагам конституции;

что, наконец, благодаря успехам здравого смысла и хорошо руководимого общественного мнения, закон, во всяком случае, окончательно восторжествует и деревенским жителям выяснится своекорыстное вероломство лиц, желающих уверить их в том, что законодатели Учредительного Собрания затронули религию их отцов и что, к чести Франции, в нынешнем веке просвещения удастся избежать повторения тех ужасных сцен, которыми суеверие, к несчастью, слишком запятнало их историю в те века, когда правительство пользовалось в своих выгодах народным невежеством, —

Национальное Собрание, признав вопрос спешным, декретирует нижеследующее:

Ст. 1. В течение недели со дня обнародования этого декрета, все духовные лица, кроме тех, которые сообразовались с декретом от 27 ноября прошлого года, обязаны явиться в муниципалитет, которому подведомственна та местность, где они живут, принести там гражданскую присягу, в форме, установленной пятою статью второго раздела конституции и подписать удостоверяющий это протокол, который будет составляться бесплатно.

Ст. 2. По истечении вышеуказанного срока, каждый муниципалитет доставит директории департамента через посредство округа список духовных лиц, проживающих в подведомственном ему участке, отличая тех, которые принесут гражданскую присягу, от тех, которые откажутся сделать это. Эти списки послужат для составления перечней, о которых говорится далее.

Ст. 3. Те из священнослужителей католического вероисповедания, которые подали пример повиновения законам и привязанности к своему отечеству, принесли гражданскую присягу согласно формуле, предписанной декретом от 27 ноября 1790 г., и не отреклись от этой присяги, освобождаются от всяких новых формальностей. За ними неизменно сохраняются все права, предоставленные им прежними декретами.

Ст. 4. Что касается остальных духовных лиц, то отныне ни одно из них не может получать, требовать или просить пенсии или жалованья из казначейства, не представляя доказательств принесения им гражданской присяги согласно вышеприведенной первой статье. Казначей, производящие уплаты вопреки постановлениям этого декрета, будут присуждаться к возвращению уплаченных сумм и лишены занимаемой должности.

Ст. 5. Ежегодно, из тех пенсий, которых будут лишаться духовные лица вследствие их отказа от принесения присяги или отречения от нее, будет составляться капитал. Этот капитал будет распределяться между 83-мя департаментами для расходования генеральными советами коммун или на благотворительные работы для здоровых неимущих, или для выдачи пособий неимущим, неспособным к труду.

Ст. 6. Кроме лишения всякого жалованья и пенсий те духовные лица, которые откажутся принести гражданскую присягу или отрекутся от нее, принеся ее, будут вследствие этого отказа или отречения считаться подозреваемыми в возмущении против закона и в дурных намерениях против отечества и, как таковые, будут отданы под надзор установленных властей, особое внимание которых будет обращено на них.

Ст. 7. Всякое духовное лицо, отказавшееся принести гражданскую присягу или отрешившееся от нее после ее принесения, которое окажется в такой общине, где произойдут беспорядки, причиной которых или предлогом для которых явятся религиозные мнения, может быть, в силу постановления директории департамента, по заявлению директории округа, выслано из своего обычного места жительства, при чем это не исключает предания его суду, смотря по важности дела.

Ст. 8. В случае неповиновения постановлению директории департамента, против нарушителей этого постановления будет возбуждаться судебное преследование, и они будут наказываться тюремным заключением в главном городе департамента; продолжительность этого тюремного заключения не может превышать года.

Ст. 9. Всякое духовное лицо, уличенное в том, что оно вызвало неповиновение закону и установленным властям, будет наказано двумя годами тюремного заключения.

Ст. 10. Если по поводу религиозных смут в какой-нибудь общине возникнут мятежи, требующие передвижения вооруженной силы, то расходы на это, произведенные из сумм, выданных вперед казначейством, будут возложены на граждан, проживающих в общине, с предоставлением им права взыскивать убытки с руководителя зачинщиков и соучастников мятежей.

Ст. 11. Если учреждения или лица, на которых возложено выполнение общественных функций, по небрежности не применяют средств, предоставляемых им законом для предотвращения или подавления мятежей, или если они откажутся применять такие средства, то они будут лично ответственны за это, против них будет возбуждено преследование, они будут преданы суду и наказаны согласно закону от 3 августа 1791 года.

Ст. 12. Церкви и здания, служащие для культа, расходы на которые оплачиваются государством, не могут служить ни для какого иного культа. Принадлежащие нации церкви и часовни, признанные администрацией ненужными для отправления культа, расходы на который оплачиваются нацией, могут быть покупаемы или нанимаемы гражданами, придерживающимися какого-либо иного культа, для публичного отправления в них этого культа под надзором полиции и администрации; но это право не может распространяться на духовных лиц, которые откажутся от принесения гражданской присяги, требуемой первой статьей этого декрета (или которые отреклись бы от нее), и которые, вследствие этого отказа или этого отречения, объявлены, согласно статье 6-ой, подозреваемыми в возмущении против закона и в дурных намерениях против отечества.

(Ж а н Ж о р е с. «Законодательное собрание», стр. 74—77).

29. Жирондисты за войну (речь Бриссо в якобинском клубе 16 декабря 1791 года).

Одновременно с декретами против эмигрантов и неприсяжных священников Законодательное Собрание приняло постановление предлагавшее Людовику XVI предъявить государям германским и Франции мелких германских князей ультиматум об изгнании из их пределов скопившихся там французских эмигрантов. В связи с этим вопросом, возникли прения о необходимости наступательной войны со стороны Франции; главными сторонниками войны были жирондисты. В качестве примера их аргументации приводим речь, произнесенную Бриссо 16 декабря в якобинском клубе.

Вопрос, подлежащий нашему рассмотрению, сводится к тому, напасть ли нам на германских князей, поддерживающих эмигран-

тов, или же следует выжидать их нападения? Вопрос этот вначале, казалось, не вызывал разногласия среди патриотов, но таковые все же существуют: умы опутаны предубеждениями и предрассудками. Мы должны их изгнать, если хотим добиться истины; мы должны разобратся в противоположных мнениях обеих сторон; нам надо защищаться от всяких предвзятых настроений и открыть глаза, так как иначе мы будем действовать вслепую. Остерегайтесь людей, колеблющееся рвение коих то поддерживало, то покидало дело патриотизма! Берегитесь по одному подозрению осуждать врагов деспотизма! Я упрекнул военного министра в возведении несправедливых обвинений против патриотов, протестующих против войны, и пришел сюда защищать не все предложения министра, которые я считаю идущими слишком далеко, а лишь предложение войны против мелких германских князей.

В течение последних шести месяцев и даже с начала революции обдумывал я поддерживаемый мною взгляд, и не ловкие махинации наших противников заставят меня от него отказаться. Силой рассуждений и фактов убедился я в том, что народу, завоевавшему после векового рабства свободу, нужна война. Она нужна для укрепления свободы, для очистки ее от пороков деспотизма, для освобождения ее людей, могущих ее извратить. Благодарите небо за его заботу о ней, за то, что оно дало вам время выработать вашу конституцию! Вы должны покарать мятежников, у вас есть на это достаточно силы; примите же это решение. Я искренно уважаю прямые и патриотические намерения тех, кто поддерживает здесь мнение, противоположное моему, но я заклинаю их обсудить мои доводы и опровергнуть их. Если я ошибся — я стану защищать их взгляд, буду защищать его в Национальном Собрании; но если заблуждаются они, то я обязуюсь разбить до единого все их возражения. Все присутствующие здесь депутаты должны испытывать то же чувство; какое было бы несчастье, если бы мы разошлись во мнениях по вопросу, от которого зависит счастье Франции! В течение двух лет Франция исчерпала все средства для мирного возвращения мятежников; но все попытки, все просьбы были бесплодны; они продолжают свой мятеж, а иностранные князья продолжают их поддерживать. Можно ли колебаться напасть на них? Наша честь, доверие, оказанное нам народом, необходимость облагородить и укрепить нашу революцию — все приказывает нам это. Не была ли бы Франция обещана, если бы, по окончании выработки конституции, она терпела горсточку мятежников, оскорбляющих установленные ею власти? Не была ли бы она обещана, терпя оскорбления, которые деспот не вынес бы и в течение двух недель? Какой-то Людовик XIV объявил Испании войну за то, что его посол был оскорблен испанским послом, а мы — свободные — станем ли хоть на мгновение колебаться?

Что они об этом подумают? Что мы бессильны выступить против иностранных держав и что нас страшат мятежники; и это будет сочтено результатом нашей анархии. Каково же должно быть

действие этой войны? Мы должны отомстить или решиться стать по-смешищем всех наций; нам нужно отомстить, уничтожив эту шайку разбойников, или согласиться на вечное продолжение заговоров, мятежей и пожаров, согласиться терпеть становящуюся все более дерзкой наглость наших аристократов. Они верят в армию Кобленца¹ — вот причина упорства наших фанатиков. Хотите одним ударом уничтожить аристократию, непокорных, недовольных — разрушите Кобленц! Тогда глава нации будет вынужден править согласно конституции, видеть в преданности ей свое спасение и направлять в соответствии с ней все свои действия.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XII, p.p. 409—411).

30. Людовик XVI тоже за войну.

Жирондистский проект объявления войны мелким германским государствам, как нельзя более совпадал с намерениями Людовика XVI, видевшего в этой войне удобный повод для интервенции Австрии и Пруссии. Поэтому король, наложив свое вето на декреты об эмигрантах и неprisязных священниках, одновременно с этим (14 декабря) явился в Законодательное Собрание и выразил свое согласие на предъявление триестскому курфюрсту ультиматума об изгнании французских эмигрантов. Причины такого поведения Людовика XVI изложены в относящихся к этому времени письмах его самого и Марии-Антуанетты.

I. Из письма Людовика XVI к барону Бретейлю 14 декабря 1791 года.

(В начале письма Людовик XVI говорит, что он не хотел бы принятия ультиматума)... «Ибо это придавало бы значительную уверенность партии, сочувствующей революции, и одержанный ею успех на некоторое время укрепил бы все сооружение»... (Затем Людовик XVI указывает, что нападение Франции на мелкие германские княжества, которое последует за отклонением ультиматума, будет удобным поводом для объявления Австрией войны Франции)... «В таком случае на место гражданской войны, станет война государств, а это значительно улучшит положение вещей... Физическое и моральное состояние Франции делают невозможным ведение ею войны хотя бы и в течение пол-кампании; но я должен сделать вид, что соглашаюсь на нее так же добровольно, как сделал бы это в прежние времена... Необходимо, чтобы мое поведение было таким, чтобы в минуту несчастья народ не увидел бы другого выхода, как броситься в мои объятия»...

(Albert Sorel. «L'Europe et la Révolution Française», t. II, p. 332. A. Mathiez. «La Révolution Française», t. I, p. 192).

¹ Кобленц — центр эмиграции.

II. Из письма Марии-Антуанетты к графу Мерси¹ от 16 декабря 1791 года.

...Наше положение, бывшее до настоящего момента самым печальным, может однако, в связи с нынешними обстоятельствами, повернуться в нашу пользу. Нужно только умелое поведение и действительное желание со стороны императора² и других держав прийти к нам на помощь. Вы знаете, что Собрание в своем последнем послании к королю как бы предложило ему объявить войну курфюрстам и германским князьям. С этого времени эта мысль бродит во всех головах, и король, который, в интересах своей личной безопасности, не может и не должен употреблять другого языка, кроме того, который он принял на основании конституции,—только что объявил Собранию, что сделает самое энергичное настояние перед германскими князьями, чтобы они после 15 января не терпели более сборищ французских эмигрантов. Вместе с тем он обещал написать императору, как главе Империи, с просьбой оказать свое посредничество в отношении курфюрстов, чтобы они разогнали эти сборища, и что, если к назначенному сроку не будет получено удовлетворение, ему не остается ничего другого, как предложить объявить войну. Нет надобности вдаваться в комментарии, чтобы доказать всю абсурдность этой меры; без армии, без дисциплины, без денег — мы же собираемся нападать! Но король не свободен и должен следовать за общей волей; для нашей личной безопасности необходимо, чтобы он точно шел по пути, который ему предугазан. Теперь за императором и другими державами очередь оказать нам помощь...

(Arneht. «Marie - Antoinette, Joseph II. und Leopold II», s.s. 233—234).

31. Монтаньяры против войны (из речи Робеспьера в якобинском клубе 2 января 1792 г.).

Если жирондисты, как представители крупной торгово-промышленной буржуазии, заинтересованной в агрессивной внешней политике, склонились на сторону войны, то мелкобуржуазные монтаньяры, здраво оценивавшие положение вещей, держались диаметрально противоположной точки зрения, ярче всего выраженной в нескольких речах Робеспьера против войны. Приводим отрывок одной из них.

В основе крупнейших споров, раздирающих человечество, сплошь и рядом лежит лишь простое недоразумение. Именно, таково положение в настоящий момент. Это недоразумение нужно лишь выяснить, тогда все добрые граждане поспешат примкнуть к истине и принципам справедливости. Из двух мнений, высказанных в этом собрании, одно имеет за себя все мысли, разжигающие

¹ Граф Мерси-Аржанто, австрийский посол в Париже, ближайший друг королевы и посредник между нею и венским двором.

² Австрийского.

воображение, все блестящие надежды, возбуждающие энтузиазм и даже чувство великодушия, всячески поддерживаемое деятельным и могущественным правительством, думающим этим путем повлиять на общественное мнение; другое опирается лишь на холодный рассудок и печальную истину. Чтобы нравиться — надо защищать первое; чтобы быть полезным — нужно поддержать второе, не опасаясь при этом досадить всем имеющим возможность вредить. Вот это-то мнение я и буду защищать.

Будем ли воевать или сохраним мир? Нападем ли мы на своих врагов или будем ожидать их нападения у своего очага? Я считаю, что такая формулировка не представляет данного вопроса во всех отношениях и во всем его объеме. Какое решение должны при данных условиях принять народ и его представители по отношению к нашим внутренним и внешним врагам? Вот правильная точка зрения, с которой этот вопрос надо рассматривать, если хотят всецело обнять его и обсудить со всею надлежащей точностью. Каковы бы ни были плоды наших усилий, важнее всего разъяснить народу его истинные интересы и интересы его врагов... Я постараюсь это выполнить и отвечу, главным образом, на мнение г. Бриссо.

Если ловкое изображение, блестящее и пророческое описание успехов грядущей войны, долженствующей закончиться братскими объятиями всех народов Европы, являются достаточными доводами при решении столь серьезного вопроса, то я соглашусь, что г. Бриссо это прекрасно выполнил. Но в его докладе я заметил недостаток, не играющий роли в теоретическом рассуждении, но имеющий громадное значение в величайшей из политических дискуссий. Г. Бриссо все время избегал основного пункта вопроса, вследствие чего построил все свое рассуждение на абсолютно гнилом основании.

Само собой разумеется, что я не менее г. Бриссо стою за войну, предпринятую для утверждения царства свободы, и я, так же как и он, мог бы предаться удовольствию заранее рассказать обо всех ее чудесах. Если бы я был властителем судеб Франции, если бы я мог по своему желанию направлять ее силы и средства, я бы давно уже послал войска в Брабант, я бы помог льежцам и разрушил бы оковы батавцев; все эти походы мне очень по душе. Я бы не объявил, правда, войны мятежникам, но отбил бы у них охоту к нападению; я бы, наконец, не дал возможности более грозным и близким к нам врагам, защищая их, готовить нам вместе с тем еще более серьезные опасности внутри страны. Но в условиях, в которых находится моя родина, я бросаю беспокойный взгляд вокруг и спрашиваю себя, будет ли грядущая война такою, какою рисует ее наше воодушевление? Я спрашиваю себя, кто ее предлагает, почему, при каких обстоятельствах и зачем?

Вот тут-то, в нашем совершенно исключительном положении, и заключается весь вопрос. Вы непрестанно закрывали на это глаза, но я доказал то, что и так было всем ясно—что стремление к настоящей войне есть попытка осуществления старого замысла внутренних врагов нашей свободы. Я показал вам их цель, указал на сред-

ства ее выполнения; другие доказывали вам, что это есть ловушка; один из ораторов, член Учредительного Собрания, сообщил вам на этот счет чрезвычайно важные факты. Нет никого, кто бы не заметил этой ловушки. Вспомним, что после непрерывного покровительства эмиграции и мятежникам-эмигрантам, нам предлагают объявить войну их покровителям, да еще при этом защищают объединенных с ними внутренних врагов. Вы сами согласитесь с тем, что война выгодна эмигрантам, что она приятна министерству, придворным интриганам, той многочисленной партии, главари которой, слишком хорошо известные, издавна уже руководят всеми действиями исполнительной власти. Все глашатаи аристократии и правительства одновременно трубят об этом. Разве на всякого, кто бы искренно поверил, что поведение двора с начала той революции не было всегда противно принципам равенства и уважению к правам народа, не посмотрели бы как на безумца? Разве всякий, кто бы предположил, что двор предлагает столь решительную меру, как война, не ставя ее в связь со своими намерениями, не вызвал бы столь же мало лестную оценку своего мнения?

Неужели же для блага государства безразлично, будет ли объявление войны руководиться любовью к свободе или духом деспотизма, верностью или изменой? Что же вы ответили на все эти решительные факты? Что вы сделали, чтобы рассеять столько справедливых подозрений? Ваш ответ на этот основной пункт данного спора заставляет осудить всю вашу систему.

«Недоверие, сказали вы в вашей первой речи, недоверие—это ужасное состояние: оно препятствует согласным действиям обеих властей, мешает народу верить обещаниям исполнительной власти, охлаждает его привязанность, ослабляет его подчинение».

«Недоверие—ужасное состояние». Такою ли должна быть речь свободного человека, верящего, что нет слишком дорогой цены для завоевания свободы?

«Оно препятствует согласным действиям обеих властей»—вы ли это говорите? Разве действиям исполнительной власти мешает народное недоверие, а не ее собственная воля? Разве народ должен слепо верить обещаниям исполнительной власти, а не исполнительной власти должна заслужить доверие народа и не обещаниями, а действиями? «Недоверие охлаждает привязанность». А кому же обязан народ привязанностью? Человеку ли, произведению своих рук, или свободе?

«Оно ослабляет его подчинение». Закону, без сомнения? Грешил ли он этим до сих пор? Кто может себе сделать на этот счет больше упреков—он или его гонители? Если эта фраза вызвала мое удивление, то, признаюсь, оно не уменьшилось, когда я услышал, как вы развили эту мысль в вашей последней речи...

Никто не сомневается ныне в том, что существует могущественный и опасный заговор против равенства и принципов нашей свободы. Известно, что союз, который заносит кощунственную руку на

основы нашей конституции, деятельно изыскивает средства завершить свое дело, что он господствует при дворе, что он руководит министрами: вы признали, что этот заговор стремится усилить министерскую власть и аристократизировать народное представительство; но вы уверяли нас, что министры и двор ничего общего с этим заговором не имеют; вы опровергали положительные утверждения многих ораторов на этот счет и сложившееся по этому поводу всеобщее мнение; вы ссылались на то, что интриганы не могут причинить вреда свободе. Или вам неизвестно, что интриганы служат причиной несчастья народов, что интриганам, поддерживаемыми силой и богатством правительства, нельзя пренебрегать? Ведь вы сами издали когда-то закон, строго преследовавший тех, о ком идет теперь речь. Или вы не знаете, что со времени отъезда короля, тайна которого начинает раскрываться, они имели возможность заставить революцию идти вслепую и безнаказанно совершать преступнейшие покушения на свободу? Откуда же у вас вдруг явилось столько снисхождения или спокойной уверенности?

«Не пугайтесь,—говорит нам тот же оратор,—если эта шайка желает войны; не пугайтесь, если подобно ей двор и министры желают войны, если газеты, *подкупленные министерством*, восхваляют войну; хотя министры всегда соединяются с умеренными против патриотов, но против эмигрантов они заключают союз с патриотами и умеренными». Какая убедительная и блестящая перспектива!

Вы согласны с тем, что министры являются врагами патриотов; умеренные, которых они поддерживают, хотят аристократизировать нашу конституцию, и вы хотите, чтобы мы приняли их проекты! Министры, говорите вы, подкупили газеты, для того, чтобы они подавляли дух общенности, уничтожали принципы свободы, восхваляли ее самых опасных врагов и клеветали на всех граждан; и вы хотите, чтобы я доверился видам и намерениям министров!

Вы считаете, что агенты исполнительной власти скорее воспримут принципы равенства и станут защищать неприкосновенность прав народа, чем заключат сделку с членами царствующего дома, с приверженцами двора, за счет народа и патриотов, которых они высокомерно именуют заговорщиками. Все аристократы требуют войны, все прихвостни их потеряют, как эхо, клич войны: и повашему не следует сомневаться в их намерениях! Удивляюсь вашему добродушию, но не завидую ему. Вы считаете возможным защищать свободу не будучи подозрительными, не раздражая ее врагов, не вступая в столкновение со двором, министрами и умеренными. Сколь легкими и приятными стали для вас пути патриотизма!

Что же касается меня, то я нахожу, что чем больше подвигаешься по этой дороге, тем больше препятствий и врагов встречаешь на своем пути; тем больше чувствуешь себя покинутым своими прежними соратниками; и, признаюсь, что если бы я увидел себя окруженным придворными, аристократами и умеренными, мне бы почудилось, что я нахожусь в скверной компании.

Характер доводов, который вы нам приводили, доказывая добрые намерения тех, кто нас толкает на войну, лучше всего доказывает вашу неправоту. Вместо того, чтобы подойти к самой сути вопроса, вы всегда ее избегали, и все, о чем вы говорили, к ней не относится. Ваша точка зрения основана лишь на смутных и не относящихся к делу гипотезах.

Что нам за дело, например, до ваших длинных и пышных разглагольствований об американской войне? Что общего между открытой борьбой народа против тиранов и системой интриг правительства против зарождающейся свободы? Вот если бы американцы победили английскую тиранию, борясь под знаменем Англии и под командой английских генералов против ее собственных союзников, тогда их можно было бы ставить в пример, прибавив к ним еще опыт голландцев и швейцарцев, если бы только они поручили задачу отмщения за свои бедствия и укрепления своей свободы герцогу Альба а также австрийским и бургундским принцам!

Что нам, равным образом, до стремительных побед, которые вы одерживаете с трибуны над деспотизмом и аристократией вселенной? Как будто природа вещей так легко подчиняется воображению оратора! Кто будет руководить осуществлением предполагаемого вами плана; дух свободы и народ? Нет,—придворные круги, офицерство и министры. А вы забываете, что это условие все меняет...

Как можно на основе столь неопределенных расчетов рисковать судьбой Франции и всех народов?..

Оставьте же, оставьте эту обманчивую декламацию; не преподнесите нам воображаемой трогательной картины счастья, чтобы увлечь нас на путь реальных действий; дайте нам меньше приятных описаний и больше мудрых советов!

Избегайте по крайней мере тех противоречий, которые встречаются на каждом шагу в вашем рассуждении!

Не говорите нам, что дело заключается лишь в победоносном преследовании на протяжении 20-ти или 30-ти лье рыцарей Кобленца, что дело идет не более и не менее, как о том, чтобы сломить мечи народов! Не говорите нам, что все монархи Европы останутся безучастными зрителями наших распрей с эмигрантами и наших набегов на германскую территорию; что мы свергнем власть всех этих монархов!

Но я принимаю вашу любимую гипотезу и вывожу из нее рассуждение, на которое предлагаю удовлетворительно ответить всем вашим сторонникам. Я предлагаю им следующую дилемму: либо мы должны опасаться вмешательства иностранных держав—и тогда все ваши расчеты неверны; либо иностранные державы никоим образом не вмешаются в отстаиваемый вами поход, и в том последнем случае Франции не придется опасаться другого врага, кроме горсти эмигрировавших аристократов, на которых она еще недавно почти не обращала внимания? Неужели вы полагаете, что эта сила может нас устрашить? А если бы она стала опасной, то разве лишь благодаря содействию наших внутренних врагов, к которым вы не питаете

недоверия! Итак, все вам доказывает, что эта нелепая война есть лишь интрига придворных кругов; объявить войну, сдавшись на условия двора, и переступить иноземную территорию, есть не что иное, как поддержать планы придворных. Обращаться, как с враждебной державой, с преступниками, которых достаточно заклеить, осудить и заочно наказать; назначить для борьбы с ними чрезвычайных маршалов Франции; вопреки законам, хвастаться перед всем миром выставлением Лафайета—все это значит лишь создать эмигрантам иллюзию важности, которой они жаждут и которая выгодна поддерживающим их внутренним врагам. Двор и смутьяны несомненно имеют причины принять этот план; но каковы же могут быть наши причины? *Честь французского имени*—говорите вы? Боже праведный!—Разве французская нация может быть обесчещена этим сборищем беглецов, столь же смешных, как и бессильных, имуществом коих она может захватить, которых она может заклеить перед лицом всего света печатью преступления и измены. Нет—позор лишь в том, чтобы быть обманутыми грубым коварством врагов нашей свободы! Великодушные; мудрость, свобода, счастье, добродетель—вот наша честь. А та честь, которую вы хотите воскресить, есть опора деспотизма; это—честь героев аристократии, тиранов; это—честь преступления. Эта честь есть странное существо, порожденное чудовищным союзом порока с добродетелью; оно сделалось сторонником первого, чтобы задушить свою мать; оно изгнано из пределов свободы. Оставьте же эту честь или сошлите ее по ту сторону Рейна; пусть она ищет приюта в сердцах или умах князей и рыцарей Кобленца!

Можно ли с таким легкомыслием рассуждать о делах государственной важности? Прежде чем удариться в политику европейских государств и монархов, начните с обзора нашего внутреннего положения! Восстановите порядок у себя, раньше чем нести знамя свободы в другие страны! Но вы уверяете, что эта забота не должна вас даже касаться, как будто обычные правила здравого смысла не созданы для великих политиков. Восстановить порядок в финансах, прекратить расхищение их, вооружить народ и национальную гвардию, осуществить все, запрещенное до сих пор правительством, чтобы не опасаться ни нападения наших врагов, ни министерских интриг, оживить благодетельными законами, поддерживаемыми энергией, достоинством, мудростью, духом общественности и отвращением к тирании, которые единственно могут сделать нас непобедимыми для наших врагов—все это нелепые идеи! Война, война, лишь только этого потребует двор; это решение избавляет от всех дальнейших забот, и для народа будет сделано все, лишь только мы объявим войну. Война против тех, кто может быть осужден судом немецких князей; доверие, поклонение внутренним врагам! Но, впрочем, что я говорю? Есть ли у нас внутренние враги? Нет, вы их не знаете: вы знаете лишь Кобленц. Ведь, вы утверждаете, что корень зла в Кобленце. Итак, он не в Париже? Значит, нет никакой связи между Кобленцом и другим местом, недалеком от нас? Как, вы

смете говорить, что боязнь, внушаемая нации беглыми аристократами, которых она всегда презирала, заставила революцию пойти вспять, и вы ждете от этой нации всевозможных чудес?

Узнайте же, что по мнению всех просвещенных французов, настоящий Кобленц находится во Франции, а Кобленц трирского епископа есть лишь одна из пружин глубоко замышленного заговора против свободы, очаг, центр и главари которого находятся среди нас. Если вы не знаете всего этого, значит вы не понимаете всего происходящего в этой стране. Если вы это знаете, то зачем же отрицать, зачем отвлекать общественное внимание от наших самых опасных врагов, чтобы сосредоточить его на других предметах и тем самым заводить нас в ловушку, которую враги нам подстроили?

Другие же, живо чувствуя глубину наших бед и зная их истинную причину, явно ошибаются в способе излечения. В порыве отчаяния они стремятся к войне с иностранными державами, как будто надеются, что одна война вернет нам жизнь, или что из общего замешательства выйдут, наконец, порядок и свобода. Они впадают в самое пагубное заблуждение, потому что они не учитывают обстоятельств и смешивают совершенно разные понятия. Подобно тому, как в болезнях существуют смертельные и спасительные кризисы, так и в революциях есть моменты противные и благоприятные свободе.

Благоприятные моменты направлены прямо против тиранов, подобно восстанию американцев или 14-му июля; но внешняя война, спровоцированная и *руководимая* правительством при тех условиях, в которых мы находимся, есть противное здравому смыслу событие; это кризис, который может привести к смерти политического организма. Подобная война может лишь обмануть общественное мнение, усмирить справедливое беспокойство народа и предупредить благоприятный кризис, к которому могли привести посягательства врагов свободы. С этой-то точки зрения я и рассматриваю прежде всего неудобства войны.

Во время внешней войны, народ, как я уже сказал, отвлеченный военными событиями от политических вопросов, касающихся существенных основ его свободы, обращает менее серьезное внимание на темные проделки подгаживающих эту свободу интриганов и потрясающей ее исполнительной власти, а также на слабость или испорченность не защищающих народ представителей. Это было известно во все времена, и что бы ни говорил г. Бриссо, замечателен и поучителен приведенный мною пример римских аристократов. Когда народ защищал свои права против захвата сенаторов и патрициев, сенат объявлял войну, и народ, забывая свои права и свои обиды, занимался лишь войною, оставляя сенату его власть и подготавливая патрициям новые победы. Война хороша для военных, честолюбцев, ажиотеров, спекулирующих на такого рода событиях; она хороша для министров, действия коих покрываются благодаря ей более густым и почти священным покровом: она хороша для

двора, для исполнительной власти, авторитет, популярность и влияние коей она увеличивает; она хороша для коалиции дворян, интриганов и правящих Францией умеренных. Эта шайка сможет поставить своих героев и своих членов во главе армии: двор сможет доверить государственные войска людям, которые послужат ему при случае, с тем большим успехом, что им будет создано нечто вроде репутации патриотизма. Они завоюют сердца и доверие солдат для того, чтобы крепче привязать их к делу реализма и умеренности—таков единственный род соблазна, которого я боюсь для солдат; ибо не относительно же возможности открытого и добровольного дезертирства их от дела народного нужно меня успокаивать! Даже человек, которому была бы противна измена родине, может быть доведен ловкими начальниками до вонзения меча в грудь лучших граждан; вероломное прозвище республиканца и мятежника, выдуманное сектой лицемерных врагов конституции, может вооружить обманутое невежество против дела народа. Уничтожение партии патриотов есть важнейшая цель всех их заговоров; а если эта партия исчезнет, то что же останется, кроме рабства? Я опасаясь не контр-революции, а успеха ложных принципов поклонения и утраты духа общенности. Неужели вы считаете, что для двора и партии, о которой я говорю, представляет недостаточную выгоду возможность расквартирования солдат, разбивки их по лагерям, разделение их на армии, изоляция их от граждан посредством чего—под внушительным названием военной дисциплины и чести—становится возможным незаметно заменить старым военным духом, духом слепого и абсолютного послушания, любовь к свободе и народные чувства, которые поддерживались их общением с народом. Хотя дух армии в общем еще хорош, но вы не должны скрывать от себя, что интриги и наущения одержали во многих армиях успехи и что дух этот не совсем уж тот, каким был в первые дни революции. Не опасаетесь ли вы уже давно непрестанно проводимой системы, заключающейся в том, чтобы приводить армию к любви к королям и очищать ее от патриотического духа, который всегда, кажется, считался опустошающей, разоряющей армию чумой? Можете ли вы себе без некоторого беспокойства представить путешествие министра или назначение такого-то генерала, прославленного несчастьями самых патриотических полков? Неужели вы ни во что не ставите произвольного права жизни и смерти, которым закон облетит наших военных патрициев с момента перехода страны на военное положение? Неужели вы ни во что не ставите полицейские права, которые закон предоставит военным начальникам во всех наших пограничных городах? Достигает ли цели ответ на все эти факты разглагольствованием о диктатуре у римлян и сравнением наших генералов с Цезарем? Нам говорили, что война устранил наших внутренних аристократов и истощит источник их происков; ничуть не бывало: они слишком хорошо угадывают намерения своих тайных друзей, чтобы сомневаться в исходе событий. Они станут лишь более деятельными в продолжение той глухой войны, которую они могут безнаказанно

вести против нас, сея рознь и фанатизм и разрушая убеждения. Тогда-то, облеченная в ливрею патриотизма, партия умеренных, главари которых—зачинщики этого заговора, разовьет все свое пагубное влияние, тогда-то во имя спасения народа она прикажет замолчать каждому, посмевшему иметь некоторые подозрения относительно поведения или намерения агентов исполнительной власти, на которую она опирается, и генералов, которые, подобно ей, станут надеждой и кумиром народа. Если одному из этих генералов будет суждено одержать какой-либо видимый успех, который, я думаю, не будет весьма опасен для эмигрантов и фатальным для их покровителей—какого только влияния не придаст он своей партии, каких только услуг не сможет оказать двору! Тогда объявят решительную войну истинным друзьям свободы и восторжествует вероломная система эгоизма и интриги! А если дух общественности будет извращен, до какой только степени не сможет исполнительная власть и прислуживающие ей мятежники распространить свой захват? Исполнительной власти не нужно будет компрометировать успехи своих намерений неосторожной поспешностью, она сможет не торопиться предлагать план мировой сделки, о котором уже говорили. Будет ли она придерживаться этого именно плана, примет ли она другой, она может ждать всего от времени, бессилия, невежества, внутренних разногласий, от происков многочисленной когорты своих сторонников, сидящих в законодательном корпусе, от всех, наконец, пружин, которые она так давно уже подготавливает.

Наши генералы, говорите вы, нас не предадут, а если бы мы были преданы—тем лучше. Не скажу, чтобы мне была непонятной эта склонность к измене, в этом пункте я вполне с вами согласен. Но, как вы сами понимаете, наши враги слишком ловки, чтобы открыто предать нас.

Я вам только-что изложил тот род измены, которого нам надо опасаться; а он отнюдь не вызывает народной бдительности, а затягивает сон народа до того момента, когда его заковывают; он не составляет никакого выхода, он... Все те, кто успокаивают народ, благоприятствуют успеху этого рода измены, и заметьте себе, что для достижения этого не нужно даже вести серьезно войну: достаточно стать на военную ногу, достаточно заняться вопросом о внешней войне. Даже если бы из этого не было извлечено другой выгоды, кроме полученных вперед миллионов, и то труды не были бы потрачены зря. Эти 20 миллионов, особенно в переживаемый нами момент, имеют не меньшую ценность, чем патриотические речи, проповедующие народу доверие и войну.

Я обескураживаю нацию, говорите вы; нет, я просвещаю ее; просвещать свободных людей—это значит будить их мужество и препятствовать тому, чтобы оно не стало камнем преткновения для свободы; и если бы я лишь разоблачил такое количество ловушек, опроверг столько ложных идей и дурных принципов, остановил порывы опасного энтузиазма, я бы пробудил дух общественности и послужил бы родине.

Вы сказали еще, что я оскорбил французов, сомневаясь в их мужестве и их любви к свободе. Отнюдь нет, я сомневался не в храбрости французов, а опасаясь вероломства их врагов; пусть на них открыто нападает тирания—они останутся непобедимыми; но против интриги — храбрость бессильна...

(Bucheze et Roux «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XIII, p. p. 122—137).

32. Объявление войны.

Согласие, установившееся по вопросу о войне между жирондистами и Людовиком XVI, имело своим результатом то, что война сделалась неизбежной. В середине марта 1792 года к власти было призвано новое жирондистское министерство, а 20 апреля Законодательное Собрание приняло нижеследующее постановление:

Национальное Собрание, обсудив предложение короля и принимая во внимание, что венский двор, вопреки существующим договорам, не переставал оказывать явное покровительство французским мятежникам, а также вызвал и заключил соглашение со многими европейскими державами, направленное против независимости и безопасности французской нации;

что Франциск I, король Венгрии и Богемии¹, своими нотами от 18 апреля и 7 апреля, отказался отречься от этого соглашения;

что несмотря на предложение, сделанное ему нотой от 11 марта 1792 г. перевести с обеих сторон на мирное положение пограничные войска, он продолжал и усилил враждебные приготовления;

что, объявляя о своем желании поддержать притязания германских князей, имеющих во Франции недвижимое имущество², которым французская нация не переставала предлагать компенсацию, он тем самым явным образом посягал на суверенитет французского народа;

что он пытался восстановить и вооружить друг против друга французских граждан, предлагая недовольным поддержку вступивших в соглашение держав;

считая, наконец, что его отказ отвечать на последние послания короля французов не оставляет более этому последнему надежды добиться путем дружеских переговоров сглаживания существующих трений и равносильен объявлению войны, —

признает вопрос спешным.

Национальное Собрание объявляет, что французская нация, верная освященным ее конституцией принципам «не предпринимать никакой завоевательной войны и никогда не употреблять своих

¹ Он же австрийский император (или, точнее, император «Священной Римской Империи»).

² Речь идет о германских князьях, бывших одновременно французскими феодалами и пострадавших от отмены феодальных прав.

сил против свободы какого-либо народа», берется за оружие лишь для защиты своей свободы и независимости;

что война, которую она вынуждена принять, есть не война народа с народом, а справедливая защита свободного народа против несправедливого наступления короля;

что французы никогда не смешают своих братьев со своими истинными врагами; что они ничем не пренебрегут для того, чтобы смягчить бич войны, сохранить свои владения и взвалить все бедствия, неразрывно связанные с войной, лишь на тех, кто соединится против их свободы;

что французская нация заранее обязуется принять всех иностранцев, которые отрекутся от дела ее врагов, станут под ее знамена и посвятят свои усилия защите ее свободы; что она даже будет способствовать всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении, их прочному обоснованию во Франции.

Национальное Собрание, обсудив предложение короля и признав данный вопрос спешным, объявляет королю Венгрии и Богемии войну.

(B u c h e z e t R o u x. Histoire parlementaire de la Révolution Française, t. XIV, p.p. 60—62).]

ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ

Экономический кризис.

33. Волнения в Париже.

Уже к началу 1792 г. во всей Франции вообще и в Париже в частности дает себя чувствовать острый экономический и продовольственный кризис, вызванный обесценением бумажных денег, революцией в американских колониях, препятствовавших привозу сахара, кофе и т. п. колониальных товаров, общей заминкой иностранной торговли и т. д. В результате этого, начиная с конца января 1792 г. в Париже резко обостряется недовольство низших классов населения, и происходит ряд волнений, обрисованных в докладе, сделанном 24 января Законодательному собранию мэром Парижа Петитоном. Приводим отрывки из этого доклада:

Уже несколько дней можно было чувствовать, что в Париже происходит тайное движение. Народ открыто выражал свое недовольство по поводу значительного вздорожания сахара и некоторых других товаров. Он собирался группами в общественных местах, и все предвещало близкий взрыв. В пятницу (т. е. 20 января) ропот и злословие возрастали; некоторые частные приставы начали даже вызывать войска. В ночь с пятницы на субботу обнаружился пожар в тюрьме Форс. Это событие вызвало большую тревогу... Еще не выяснено, вызвано ли это происшествие случайностью или заранее обдуманным намерением... Мы не можем умолчать о неутомимом усердии г-на главнокомандующего национальной гвардией... Мы должны еще довести до вашего сведения, господа, что пожар не коснулся ни одного здания, кроме Форс, и тот, кто сказал вам, что сгорели магазины, наполненные сахаром, был введен в заблуждение.

В то самое мгновение, когда мы были всецело заняты этим при- скорбным событием, распространяли, словно для забавы, тревожнейшие слухи; нам сообщали, что такие же несчастья произошли в Консьержери, в Шатлэ, в Бисетре... Гораздо реальнее было сборище в предместьи Сен-Марсо вокруг магазина, наполненного сахаром; г-н парижский мэр и г-н прокурор генеральный синдик отправились туда. Они нашли там довольно значительное число граждан и гражданок. После нескольких увещаний они побудили их выбрать из своей среды двенадцать человек для объяснения относительно тех требований, которые они желали предъявить, что они тотчас же и сделали. И здесь мы должны сказать к чести этих граждан, что они прежде всего заявили нам, что они пришли не для грабежа. Они повторили нам это с беспокойством, которое свойственно честным людям, опасаящимся, что их могут заподозрить в этом.

Затем они сказали нам, что цена сахара и некоторых других товаров вдруг настолько повысилась, что они стали недоступны для бедных, что это вызвано преступными проделками и что непременно следует добиться понижения этой цены.

Дав им понять, что расстройство торговли не только не вызвало бы понижения цен, но могло бы лишь повысить их, мы сказали им, что мы не имели права устанавливать цены товаров, что если они хотят выразить какие-либо желания, закон предоставлял им мирное средство, достойное свободных людей, а именно подачу петиции, что они могли спокойно собраться и изложить свои жалобы.

Они удалились, убедившись в этой истине, и все успокоилось. Они не заставили выдать им, как вам сказали, сахар по 22 су за фунт. Затем вечер прошел совершенно спокойно; из тюрьмы Форс перевели заключенных там за долги в Сент-Пелажи: все это совершилось в полном порядке.

Тем не менее, мы несколько беспокоились относительно следующего дня, а именно воскресенья: этот день во время волнений обыкновенно оказывается одним из наиболее трудных. Г-н главнокомандующий отдал благоразумнейшие распоряжения. Он расположил войска в тех местах, которым, повидимому, грозила наибольшая опасность. Этот день прошел гораздо спокойнее, чем мы могли надеяться.

Однако, один бакалейный торговец на улице предместья Сен-Дени, испуганный большим стечением народа, собравшегося вокруг его лавки, роздал некоторое количество сахара по 24—26 су за фунт.

Мы утешились, думая, что на следующий день все успокоится: каково же было наше изумление, а главное, каково же было наше беспокойство, когда между 10 и 11 часами утра со всех сторон стали приходить письма, извещавшие нас о появлении групп и многочисленных сборищ в разных участках. Одно из этих сборищ даже направилось в ратушу.

Оно отправилось из секции Гравилье и следовало за конным вестовым, везшим письмо от пристава этого участка. Г-н мэр вышел к этим гражданам, и ему легко удалось побудить их внять голосу благоразумия и справедливости.

Он напомнил им, что именно враги общественного дела старались вызвать крупные беспорядки, столкновения между гражданами, в особенности же борьбу между национальной гвардией и жителями; что следовало избежать этой ловушки, ведя себя благоразумно и прибегнув к тому пути, который закон сделал доступным для всех граждан, а именно—к петиции. Они удалились удовлетворенные и обещали успокоить пославших их в качестве депутатов.

Г-н главнокомандующий национальной гвардией прибыл одновременно с ними. Он передал мэру разные известия и с своей стороны наводил у него справки; они посоветовались друг с другом и опасались, что дело примет очень серьезный оборот и что придется прибегнуть к решительным мерам. Г-н мэр немедленно собрал

экстренное собрание муниципального совета; некоторые члены уже были на своем посту, и он отправился вместе с г-ном главнокомандующим в директорию департамента, члены которой также были созваны; обсудили разные решения, которые можно было бы принять в этих обстоятельствах. Прошло целых 2 часа, в течение которых не получалось неприятных известий, и мы уже имели удовольствие думать, что спокойствие восстановилось; но вскоре явилось несколько офицеров национальной гвардии, рассказавших нам о прискорбных событиях.

Нам сказали, что сборища на улицах Сен-Мартен, кладбища св. Николая, Шалон и Гравилье были многочисленны, что двери магазинов были взломаны, стекла выбиты, национальная гвардия разбита, что народ пытался обезоружить ее и что одного офицера, командовавшего батальоном, схватили за воротник и тяжело оскорбили.

Тогда мы почувствовали, что нельзя было терять ни одного мгновения, что муниципальные чиновники должны были тотчас же отправиться в эти разные места говорить во имя закона, всегда сильно действующего на душу хороших граждан, и образумить заблуждавшихся. Г-н мэр, г-н заместитель прокурора коммуны и другой муниципальный чиновник вышли из городской думы в сопровождении нескольких гренадеров и отправились на вышеупомянутые улицы.

Они зашли к г.г. Шолэ, Боскари; они увидели разбитые окна, но магазины вовсе не были разграблены.

Стекла дома Бло также были разбиты, но и там не похитили товаров.

Магазины на улице Гравилье, в Римском глухом переулке, были заперты. Нам сказали, что в одном месте столпившимся гражданам роздали сахарного песку по 10 су за фунт.

К нашему прибытию народ уже разошелся, и мы встретили там лишь небольшое число любопытных, намерения которых не внушали беспокойства.

По дороге мы с удовольствием узнали, что уже ничего не происходило также и на улице Ломбардов. Когда мы вернулись в городскую думу один офицер пришел предупредить г-на главнокомандующего, что довольно большая толпа собралась у двери одного бакалейного торговца в Сент-Антуанском предместье и г-н главнокомандующий тотчас же послал туда войска.

Он разместил также на ночь некоторое количество людей в каждый дом, в который могли бы ворваться.

Как вы видите, при этих затруднительных обстоятельствах муниципальный корпус не упустил ни одного из имевшихся в его распоряжении средств. Он постановил, что его заседания должны безотлагательно продолжаться до восстановления спокойствия, но в то же время он понимает, как опасно было бы, если бы посторонние лица преувеличивали только что происшедшие взволнованные его движения, которые, следует надеяться, не повлекут за собой тех

прискорбных последствий, на которые, несомненно, рассчитывали враги нашей свободы и нашего счастья.

«Вам, господа, надлежит благоразумно обдумать, чего требуют переживаемые нами моменты, подготовить решительные меры для поддержания порядка и спокойствия, обеспечить спасение этого великого города, от которого так существенно зависит спасение государства».

(Жан Жорес. «Законодательное Собрание», стр. 181—183).

34. Из петиции граждан Сент-Антуанского предместья Законодательному собранию 26 января 1792 г.

Граждане Сент-Антуанского предместья предоставляют женщинам, старикам и детям кричать из-за сахара. Люди 14 июля не идут в бой из-за конфет; грубый и дикий нрав нашего округа любит лишь сталь и свободу... Пусть заговорщики, пусть скупщики, пусть враги порядка узнают, что в момент, когда подкупленные люди или негодяи призывали народ к захвату собственности, мы спокойно ковали копья, которые должны их истребить. Мерзавцы! Они хотели натравить народ на национальную гвардию. Пусть они знают, что три батальона предместья и народ составляют единое целое, что их воодушевляет одно и то же чувство и что они составляют одну семью. Пусть же они трепещут, эти нарушители общественного спокойствия, ибо терпение народа приходит к концу!

Мы выступаем с обличением скупщиков всякого рода. Все, вплоть до продуктов первой необходимости, находится в жадных руках этих убийц народа. Эти разбойники говорят о собственности, но разве эта собственность не составляет преступления, нарушения народных прав? Неужели же при рассказе о народной нищете в ваших чутких сердцах не рождается чувство негодования против этих кровопийц?

В торговле царит полный застой, и если она подает еще кое-какие признаки жизни, то это следствие спекуляции.

Со всех концов государства народ, не имеющий другой пищи кроме хлеба, смоченного его потом и его слезами, взывает к вам с мольбой издать законы о смертной казни против скупщиков и против чиновников, защищающих спекуляцию! Смерть заговорщикам, производящим пожары, грабежи и убийства! Смерть героям монополии, которые, недовольные дружбой народа и мэра Парижа, объединенных патриотизмом и любовью к порядку, наводняют столицу своими объявлениями, стремятся запятнать своим нечистым дыханием ореол городской магистратуры и действуют так яростно лишь для того, чтобы вторично увидеть красный флаг¹, вестник дней ужаса и крови. Смерть прежде всего тем наемным разбойни-

¹ По закону 21 октября 1789 г. выкидывание красного флага означало введение военного положения. Слово «вторично» является намеком на бойню 17 июня 1791 г.

кам аристократов, которые под почетным обликом народа оскорбляют законы и вопиют об убийствах и гражданской войне! Мы пришли сюда поклоняться от имени 40 тысяч вооруженных людей в вечной любви к декларации Прав Человека; мы клянемся в братстве и помощи патриотам; мы клянемся оставить мирно прозябать тех презренных рабов, которые не имеют достаточно мужества, чтобы оценить достоинства свободного человека; но пусть они не обманутся в расчете. При малейшем оскорблении единственного владыки — народа, или при малейшем заговоре против Национального Собрания, могильная ночь поглотит их нечистые тела, или потомство скажет: здесь некогда было Сент-Антуанское предместье.

Граждане этого предместья, собравшись в количестве десяти тысяч, мирно и без оружия, в своей приходской церкви, уполномочили нас просить вас:

1. Принять всевозможные меры для подавления спекуляции и для этой цели издать декрет, предписывающий административным органам наблюдение за всеми кассами, выпускающими банкноты и следить за сдачей обмененных ассигнаций.

2. Мы ожидаем от вашей мудрости репрессивного и настолько справедливого закона, чтобы он одновременно обеспечивал собственность честного купца и обуздывал скупость тех торговцев, которые скупают все, вплоть до костей мертвых патриотов, чтобы продать их аристократам...

(B u c h e z e t R o u x: «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XIII, p. p. 108—110).

Двадцатое июня.

35. Людовик XVI выдает противнику военные тайны (шифрованное письмо Марии-Антуанетты графу Мерси от 26 марта 1792 г.).

Мы видели выше, для чего Людовику XVI нужна была война. Вот почему нет ничего удивительного в том, что уже почти за месяц до начала войны с Австрией (к которой сразу же присоединилась союзная с ней Пруссия), французский король и королева осведомляют своих будущих противников о принятом правительством плане военных операций.

Г. Домурье¹, не сомневаясь более в соглашении держав о совместном выступлении их армий, намеревается начать военные действия первым, начав с двух атак — на Савойю и Льеж. Для последней будет использована армия Лафайета². Таков результат вчерашнего заседания совета министров. Этот проект следует иметь в виду, чтобы быть на страже и принять все необходимые меры. По всем видимостям все это произойдет в скором времени.

(A r n e t h. «Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II». S.S. 259—260).

36. Из декрета Законодательного Собрания от 27 мая 1792 г. против неприсяжных священников.

Военные столкновения с Австрией и Пруссией сразу же привели к целому ряду поражений французов, совершенно естественных при полной дезорганизации армии и измене командного состава. Жирондисты, подозревая об измене короля, сделавшейся к этому времени совершенно очевидной, но не желая, вместе с тем, разрывать своего союза с королевской властью, решились на паллиатив — они приняли ряд мер, имевших своей задачей запутать Людовика XVI и заставить его честно служить народу. Таковы были соображения, заставившие Законодательное собрание принять декреты против неприсяжных священников, занимающихся контрреволюционной пропагандой об уничтожении «конституционной гвардии» короля и об образовании под Парижем лагеря в 20 тысяч национальных гвардейцев. Ниже мы приводим текст первого и третьего из этих декретов.

Национальное Собрание, заслушав доклад Комитета Двенадцати... принимая во внимание, что постоянные старания неприсяжных священников добиться низвержения конституции не дают

¹ Только что назначенный министр иностранных дел жирондистского правительства.

² Лафайет, после своей отставки, в конце 1791 г., от должности главнокомандующего национальной гвардии, был назначен командующим одной из армий.

возможности предположить наличности у них желания присоединиться к общественному договору;

что дальнейший взгляд, как на членов общества, на людей, которые явно стремятся к его разложению, составлял бы угрозу для общественного блага;

что карательные законы являются бессильными в отношении этих людей, которые, воздействуя на умы для введения их в заблуждение, почти всегда скрывают свои преступные действия от глаз тех, кто мог бы их предупредить и наказать, —

признает вопрос неотложным и декретирует нижеследующее:

Ст. 1. В случаях и порядке, указанных в нижеследующих статьях, будет, как мера общественного спокойствия и безопасности, применена высылка неприсяжных священников...

Ст. 3. Если 20 активных граждан одного и того же кантона потребуют высылки неприсяжного священника, директория департамента будет обязана произвести таковую, при том, однако, условии, чтобы ходатайство граждан было одобрено директорией дистрикта.

Ст. 4. Если директория дистрикта не одобрит ходатайства двадцати граждан, директория департамента будет обязана выяснить через любых комиссаров, действительно ли присутствие указанного или указанных священников нарушает общественное спокойствие. В случае утвердительного ответа, директория департамента будет обязана произвести высылку.

Ст. 5. В случае, если неприсяжный священник вызовет волнения посредством совершения каких-либо явных действий, директория департамента будет обязана произвести высылку, по проверенному ею доносу, хотя бы одного или нескольких активных граждан...

Ст. 14. В случае, если священник не подчинится постановлению директории добровольно, прокурор-синдик дистрикта будет обязан при помощи национальной жандармерии выслать его этапным порядком через ближайшую границу королевства. Зафиксированные в особом протоколе расходы по высылке будут покрыты из жалованья или доходов высланного...

Ст. 15. Те из приговоренных к высылке священников, которые, выйдя в отставку, останутся в пределах королевства, а также и те, которые, будучи высланы, возвратятся обратно, будут приговорены к десятилетнему тюремному заключению...

(M o r t i m e z — T e r n a u x. «Histoire de la terreur» t.I, p.p. 332—334).

37. Декрет Законодательного собрания от 8 июня 1792 г. об образовании лагеря под Парижем.

Национальное Собрание, обсудив проект военного министра, обращенный одним из его членов в предложение; заслушав доклад военного комитета, и приняв во внимание, что настало время при-

двинуть к границам находящиеся в столице войска, лишить всякой надежды врагов общественного блага, ткущих внутри государства сеть своих заговоров, что к 14 июля желательно еще более скрепить узы братства, соединяющие национальных гвардейцев всех других департаментов с национальными гвардейцами Парижа, которые так верно служили революции и своим безграничным самоотвержением, постоянной и тяжелой службой оказали большие услуги отечеству, —

Национальное Собрание, признав неотложность, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Уже сформированные вооруженные силы будут увеличены на 20 тысяч человек.

Ст. 2. Это увеличение будет произведено в департаменте, и все кантоны королевства будут призваны к укомплектованию национальной гвардии.

Ст. 3. Добавочные 20 тысяч человек соберутся в Париже к 14 июля с. г.

Ст. 4. Распределение этих 20 тысяч человек между департаментами будет произведено пропорционально их населению и согласно положения, прилагаемого к настоящему декрету.

Ст. 5. Распределение требуемого количества национальных гвардейцев внутри каждого департамента в соответствии с количеством населения будет производиться директориями департаментов между округами, а директориями округов — между кантонами.

Ст. 6. Соответственно этому, при муниципалитете главного города каждого кантона будет открыт специальный список добровольцев. В этот список будут внесены все те граждане, которые пожелают воспользоваться увеличением контингента вооруженных сил для того, чтобы поступить на службу в качестве добровольцев.

Ст. 7. В тех случаях, когда число записавшихся национальных гвардейцев превысит число, назначенное для данного кантона, они соберутся в присутствии муниципалитета, чтобы выбрать из свей среды тех, кто выступит в поход.

Ст. 8. Ни один гражданин не будет допущен к записи, если он служит в национальной гвардии начиная с 14 июля 1790 г., или со времени формирования национальной гвардии в кантоне коммуны, или же со времени достижения им 18-летнего возраста, за исключением тех случаев, когда вступление в ряды национальной гвардии имело место тотчас после увольнения со службы в линейных войсках по законному отпускному билету. При явке для записи все офицеры, унтер-офицеры и национальные гвардейцы должны будут представить в муниципалитет удостоверение о благонадежности из той части, в которой они служили.

Ст. 9. Исполнительной власти поручается озаботиться вооружением и обмундированием граждан, вступающих в войска; она озаботится изданием приказов о том, чтобы вещи, необходимые для их обмундирования, были доставлены в места, предназначенные для их явки.

Ст. 10. Принимая во внимание спешность похода, каждый волонтер получит пять су с лье, каковые деньги будут ему выданы вперед сборщиком округа.

Ст. 11. Вознаграждение добровольцев будет то же, что и в других батальонах национальных волонтеров. Они также будут получать наградные и добавочные, полагающиеся войскам, находящимся в походе.

Ст. 12. Исполнительная власть сделает надлежащие распоряжения для снабжения лагеря необходимыми вещами.

Ст. 13. Военный комитет должен представить в течение 8-ми дней проект регламента касательно всех подробностей, относящихся к вышеизложенному увеличению вооруженных сил.

(Buche et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution Française, t. XV, p. p. 13—15).

38. Из письма Ролана к Людовику XVI от 10 июня 1792 г.

Декреты Законодательного собрания о неприсяжных священниках и о лагере под Парижем не были утверждены королем. Ответом на это явилось нижеследующее письмо к Людовику XVI, написанное Роланом, жирондистским министром внутренних дел.

Ваше величество, нынешнее состояние Франции не может долго продолжаться. Это состояние кризиса, напряжение которого достигло крайней степени. Необходимо, чтобы государство вышло из этого состояния с блеском, к которому ваше величество не может не стремиться, так как он является необходимым для государства. Удостоенный доверия вашего величества и занимая пост, обязывающий меня говорить вам правду, я осмелюсь высказать вам ее целиком, ибо это обязанность, которую вы сами на меня возложили.

Французы добыли себе конституцию. Она создала недовольных и мятежников; большинство же народа хочет ее удержать и поклялось защищать ее ценою крови. Большинство народа с радостью взирало на войну, которая предоставляла ему способ укрепить конституцию. Но в то же время меньшинство, питаемое надеждой на успех, употребляло все усилия, чтобы одержать верх. Отсюда та междоусобная борьба, которая ведется против законов; это анархия, от которой стонут благонамеренные граждане и которую злоумышленники стараются использовать для клеветы на новый режим. В результате — вражда, всюду распространившаяся и всюду возбуждаемая, ибо нигде более не существует безразличных. Одни хотят торжества конституции, другие же изменения; одни действуют в целях ее поддержания, другие — в целях ее изменения.

Ваше величество пользовались большими прерогативами, которые вы считали принадлежностью королевского сана. Воспитанный в идее сохранения этих прерогатив, ваше величество не могли благосклонно взирать на лишение вас этих последних. Желание получить их обратно было так же естественно, как и сожаление об

народ прибегнет к эксцессам. Все попытки наших врагов; волнения, которые обнаружили в столице; крайнее беспокойство, возбужденное поведением вашей стражи и поддержанное выражением удовольствия, выраженным ей вашим величеством в прокламации, крайне неполитичной при современных обстоятельствах; положение Парижа, его близость к границе—все это заставило почувствовать необходимость создания лагеря в его окрестностях. Эта мера, мудрость и необходимость которой поразила всех благомыслящих людей, ожидает только санкции вашего величества. Для чего же нужно, чтобы промедление придало этой санкции вид вынужденной, в то время как быстрота привлекла бы к вам все сердца?

Уже возражения главного штаба национальной гвардии Парижа против этой меры заставили думать, что он действовал по внушению свыше; уже декламации некоторых демагогов вызывают подозрение в их сношениях с заинтересованными в ниспровержении конституции лицами; уже общественное мнение сомневается в намерениях вашего величества. Еще маленькая отсрочка—и опечаленный народ будет видеть в своем короле друга и соучастника заговорщиков!

О небеса! Неужели вы поразили слепотой земные власти, неужели они никогда не будут слушать других советов, кроме тех, которые ведут к их гибели?

Я знаю, что суровый язык истины редко выслушивается у трона; я знаю также, что именно потому, что его там почти не слышно, революции становятся необходимыми. Я знаю, наконец, что этим языком я должен говорить с вашим величеством не только как послушный закону гражданин, но и как министр, удостоенный доверия вашего величества и облеченный званием, которое его предполагает. Я не знаю ничего, что помешало бы мне выполнить не совести мой долг...

Жизнь ничто для человека, ставящего свой долг превыше всего. Но после счастья, которое дается его выполнением, единственное благо, к которому он чувствителен,—это доказать, что он исполнил свой долг с верностью, что и является первой обязанностью общественного деятеля.

Ролан.

(R u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. p. 4) — 45).

39. Манифестация 20 июня.

Ответом Людовика XVI на письмо Ролана явилась отставка, данная им жирондистскому министерству, и наложение вето на оба декрета—о неприсяжных священниках и о лагере под Парижем. Тогда жирондисты, надеясь устроить короля и возвратиться этим путем к власти и пользуясь царившим в Париже на почве экономического кризиса недовольством народных масс, организуют мирную манифестацию 20 июня, во время которой королевский дворец оказался во власти толпы, не причинившей, однако,

вреда ни королю, ни его семье. Приводим текст петиции, представленной в этот день Законодательному собранию гражданами Сент-Антуанского предместья, составлявшими ядро манифестации.

Законодатели! Французский народ пришел сюда для того, чтобы заявить вам о своих опасениях и беспокойстве. Сообщая вам о своих тревогах, он надеется, что вы найдете средства помочь его бедам. Сегодняшний день напоминает нам памятный день 20 июня в зале игры в мяч, когда представители народа собрались, чтобы поклясться перед лицом неба не оставлять нашего дела и умереть в его защиту.

Вспомните, господа, эту священную клятву и позвольте этому глубоко опечаленному народу спросить вас: неужели же вы намереваетесь его покинуть. От имени всего народа, глаза которого устремлены на этот город, мы пришли, чтобы заверить вас, что народ готов, что он на высоте положения и готов употребить великие средства, чтобы отомстить за свое оскорбленное величие. Эти суровые средства определяются ст. 2-ой Декларации Прав Человека как *противодействие угнетению*.

Какое несчастье для свободных людей, которые передали вам свои полномочия, видеть себя доведенным до жестокой необходимости обратить свои руки в крови заговорщиков! Но теперь не время скрывать, заговор раскрыт, час настал. Либо прольется кровь, либо посаженное нами древо свободы будет цвести в мире. Законодатели! Пусть вас не удивляет этот язык. Мы не принадлежим ни к какой партии и признаем лишь ту, которая будет в согласии с конституцией. Не воображают ли уже враги отечества, что люди 14 июля заснули. Если им кажется, что это действительно так, то их пробуждение будет ужасно. Они ничего не потеряли в своей энергии: бессмертная Декларация Прав Человека слишком глубоко запечатлелась в их сердцах. Это драгоценное благо, это благо всех народов, будет защищаться ими, и ничто не в состоянии будет похитить его у них. Настало время, господа, привести в исполнение пункт 2-ой Декларации Прав. Последуйте примеру Циперона и Демосфена и раскройте пред сенатом коварные происки Катилины. В вашей среде находятся люди, одушевленные священным огнем патриотизма. Пусть они говорят, а мы будем действовать. В вас пребывает залог общественного спасения. Мы всегда полагали, что наш союз составляет основу нашей силы; единение и всеобщее согласие должны были бы проявиться в нашей среде более настоятельно. Мы всегда полагали, что когда обсуждаются интересы государства, то нужно думать лишь о нем одном, и что законодатель должен оставаться глухим ко всем интересам частного порядка. Образ отечества есть единственное божество, которое позволительно обоготворять. Неужели же это божество, столь дорогое всем французам, найдет в своем собственном храме непокорных его культу? Существуют ли таковые? Пусть они назовут себя, эти друзья произвола, пусть открыто отдадут себя на суд народа, этого истинного суверена. Их место не здесь: пусть они очистят землю свободы,

пусть убираются в Кобленц увеличить число эмигрантов. Там их сердца раскроются, там они будут изливать весь свой яд, интриговать без раскаяния, устраивать заговоры против своего отечества, которое их никогда не утрашит! Так говорил Цицерон в римском сенате, когда он побуждал изменника Катилину присоединиться к изменникам отечества. Итак, заставьте выполнять конституцию и волю поддерживающего вас народа, который готов погибнуть, защищая вас. Соединяйтесь, действуйте, время пришло! Да, законодатели, настало время французскому народу показать себя достойным того звания, которое он на себя принял. Он отбросил все предубеждения, он хочет быть свободным и освободиться от тиранов, которые соединились против него. Вы знаете этих тиранов; не робейте же перед ними, ведь часто простой парламент разбивал волю деспотов.

Исполнительная власть с вами не согласна: нам не нужно никакого другого доказательства этого, как увольнение министров-патриотов. Итак, неужели счастье свободного народа будет зависеть от каприза короля? Но разве этот король может иметь другую волю, кроме воли короля? Народу так угодно, и его голова стоит не меньше, чем головы коронованных деспотов. Эта голова является его генеалогическим древом, и слабый тростник должен склониться перед этим могучим дубом.

Господа, мы жалуемся на бездеятельность наших армий. Мы просим, чтобы вы вникли в причину этого: если бездеятельность зависит от исполнительной власти, то пусть она будет уничтожена. Кровь патриотов не должна проливаться для удовлетворения гордости и честолюбия вероломного Тюльерийского дворца¹.

Что может остановить нас в нашем шествии? Неужели мы будем видеть наши армии гибнущими по частям? Так как наше дело является общим, то и действия должны быть объединенными, и если бы первые защитники свободы медлили, разве бы вы заседали сегодня в этом священном ареопаге?

Подумайте об этом: вас никто не может остановить, свобода не может быть поколеблена. Если исполнительная власть бездействует, то не может быть двух мнений о том, что активным должен быть сам народ. Один человек не должен оказывать влияние на волю 25-ти миллионов людей. Если мы все же оставляем его на своем посту, то лишь с условием, что он будет исполнять свои обязанности согласно конституции. Если же он от этого уклонится, то он перестает быть, чем бы то ни было для французского народа.

Мы жалуемся на медленность Национального Верховного Суда: вы передали ему меч закона: так чего же он ждет, чтобы опустить его на голову виновных? Неужели же здесь имеет место какое-либо влияние гражданского листа? Нет ли таких привилегированных преступников, которых он может безнаказанно избавить от мести закона? Не будет ли народ вынужден вновь возвратиться ко времени 14 июля и, взявши меч, одним ударом отомстить за оскорбленную

законность и наказать виновных и малодушных блюстителей закона. Нет, господа, нет, вы видите наши опасения, нашу тревогу и вы рассеете их.

Мы с вами поделились нашей великой скорбью, мы вам раскрыли наши уже с давних пор озлобленные сердца, в надежде, что последний призыв, с которым мы к вам обращаемся, найдет отклик в вашем сердце. За ним стоит народ; он молча ждет ответа, достойного его суверенитета. Законодатели, мы просим вооружить нас и сохранять вооруженными до тех пор, пока конституция не будет исполнена.

Эта петиция исходит не только от жителей Сент-Антуанского предместья, но и от всех секций столицы и окрестностей Парижа. Просители добиваются чести продефилировать пред вами.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. p. 136—139).

¹ Дворец, в котором жил Людовик XVI.

«Отечество в опасности».

40. Людовик XVI продолжает сношения с противником.

Манифестация 20 июня, вопреки ожиданиям жирондистов, не только не принудила короля стать на путь добровольного исполнения своих конституционных обязанностей, но, напротив того, заставила его еще больше стремиться к помощи неприятеля. Если он для видимости выпускает 5 июля обращение к европейским монархам, в котором осуждает все действия эмигрантов, то это не мешает ему одновременно продолжать начатые еще весной переговоры с австрийским императором, имевшие целью заставить монархов враждебных Франции держав выпустить манифест, который бы запугал революционеров и принудил их к послушанию. Приводим главные из относящихся сюда документов.

Обращение короля французов к европейским монархам, оглашенное в заседании Законодательного собрания 5 июля 1792 г.

Король французов, узнав, что продолжают пользоваться его именем, чтобы вести переговоры с иностранными дворами и заключать займы, и даже позволяют себе производить наборы воинской силы; желая вновь доказать торжественным образом свою приверженность конституции, которую он свободно принял и поклялся защищать, отрекается от всех заявлений, протестов, переговоров с иностранными дворами, от займов, наборов воинской силы, от покупки оружия, военной и прочей амуниции и вообще от всех публичных и частных актов, совершенных от его имени французскими принцами Людовиком-Станиславом Ксаверием, Карлом-Филиппом, Людовиком-Иосифом, Людовиком-Генрихом, Иосифом и Людовиком-Антуаном-Генрихом и прочими эмигрантами, не повиновующимися закону своего отечества. Он объявляет, что его интерес и интересы народа, наследственным представителем которого он является, навсегда нераздельны, что порядок управления, руководство которым ему поручено, будет им поддерживаться во всей своей неприкосновенности.

Твердый в своем решении, король французов уполномочивает своего министра иностранных дел довести до сведения держав, что, стоя всецело на страже интересов французского народа, он употребит все средства, которые конституция ему предоставила, против врагов Франции, какой бы предлог последние ни выставляли для допущения ими скопления армии эмигрантов или для поддержания их враждебных выступлений.

Людовик.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. p. 381—382).

II. Миссия Маллэ-дю-Пана. (Из мемуаров Бертрама де-Моллевиля¹).

Поражение при Монсе и Турне, ознаменовавшее начало военных действий, пока еще не имело иных последствий, кроме нескольких стычек сторожевых охранений, в которых верх всегда одерживали австрийские войска. Маршал де-Ропамбо окончательно оставил командование своей армией, и эта отставка побудила большую часть старых офицеров последовать его примеру. Число эмигрировавших с каждым днем становилось все значительнее. Бывало, что целые полки переходили на сторону неприятеля. «Как бы печальны ни были эти известия,—сказал по этому поводу министр Серван², на заседании 14 мая,—можно утешиться при мысли о том, что дезертировали лишь изменники; может быть это даже счастье, которое следует приветствовать, так как ничто так не благоприятно для войск, как чистка их от находящейся в их среде дряни. Вместо того, чтобы падать духом из-за потери этих мнимых соратников, друзья свободы должны бороться с препятствиями и вооружиться новым мужеством... Вы решите какие наказания следует применить по отношению не только к перебежчикам-офицерам, но и, осмелюсь сказать, к тем, у кого хватило низости подать в отставку в момент наступления». Далекий от того, чтобы разделять эту патристическую беспечность, король с глубочайшим прискорбием видел Францию втянутой в несправедливую кровавую войну, которую вследствие дезорганизации ее армии казалось невозможным продолжать и которая больше, чем когда бы то ни было подвергала опасности захвата наши пограничные провинции. Его величество больше всего опасался гражданской войны и не сомневался в том, что она разразится при первом же известии о победе, одержанной над французскими войсками отрядами эмигрантов, входившими в состав австрийской армии. Действительно, следовало серьезно опасаться, что якобинцы и разъяренный народ произведут самые кровавые репрессии против оставшегося во Франции духовенства и дворянства. Это беспокойство, о котором король сообщил мне посредством ежедневной переписки, которую я вел с его величеством, побудило меня предложить ему поручить доверенному лицу явиться к императору и к королю Пруссии и постараться добиться того, чтобы их величества не начинали наступления до последней крайности и чтобы они предпослали вступлению своих войск в королевство хорошо составленный манифест, в котором объявлялось бы ниже-следующее:

«Император и король Пруссии, вынуждены взяться за оружие, вследствие произведенного на них несправедливого нападения, приписывают объявление войны не королю или народу, а угнетающей их обеих преступной клике крамольников. Вследствие

¹ Реакционный министр Людовика XVI, уволенный в отставку весной 1792 года.

² Военный министр жирондистского министерства.

сего, отнюдь не отказываясь от дружественных чувств, связывающих их с королем и с Францией, их величества будут, напротив того, бороться лишь для избавления их от ига самой ужасной из когда-либо существовавших тираний и восстановления поправленной законной власти, порядка и спокойствия, при чем они никоим образом не намерены вмешиваться в образ правления, а желают лишь обеспечить народу свободу выбора наиболее для него подходящего. Их величества далеки от мысли какого бы то ни было захвата; частная собственность будет щадиться наравне с государственной. Их величества берут под свое особое покровительство всех мирных и благонамеренных граждан; единственные их враги, как и враги Франции—мятежники и их приверженцы и их величества желают знать и бороться лишь с ними и т. д. и т. д.»

Миссия эта была возложена на Маллэ-дю-Пана¹, способность и честность коего король очень ценил. Он был для этого особенно подходящим еще и потому, что его никогда не видели во дворце, что он не имел никаких связей с придворными и что отъезд его в Женеву, куда он часто наезжал, не мог возбудить никакого подозрения. Так как было бы слишком неосторожно снабдить его вверительными грамотами и вместе с тем было безусловно необходимо предоставить ему возможность доказать перед императором и королем Пруссии, что он послан королем, я предложил его величеству направить его к барону де-Бретейль и мотивировал это предложение наличием у него полномочий или инструкций, полученных, как мне передавали, от его величества этим бывшим министром. В ответ на это замечание король написал на полях: «Ничего подобного! их у него уже нет; вы можете направить Маллэ-дю-Пана от моего имени к маршалу де-Кастри, соблюдая при этом предложенные вами предосторожности, которые необходимы». Этот ответ напомнил мне признаки дурного настроения или злопамятности, которые я замечал на лице короля несколько раз, когда при нем упоминалось имя барона де-Брейтель. Однажды он даже не выдержал и суровым тоном сказал вполголоса г. де-Лессар и мне: «Ведь это он заставил нас совершить это проклятое путешествие в Варенн». Я впоследствии спросил у маркиза де-Булье о смысле этой фразы, совершенно несогласной с содержанием письма, написанного им собранию по возвращении короля. Он ответил, что письмо преследовало лишь цель отвлечь внимание от их величеств и взять исключительно на себя все бурное порицание и негодование, вызванное их отъездом.

Предосторожности, предписанные мне королем относительно миссии Маллэ-дю-Пана, касались писем и инструкций, которыми нужно было его снабдить. Его могли арестовать, а бумаги захватить. Поэтому было крайне необходимо, чтобы в них не могли найти ни одного слова, могущего скомпрометировать секрет короля. Этой опасности было легко избежать в письме, которое должно было

¹ Известный писатель и политический деятель, представитель умеренно реакционных кругов.

аккредитовать Маллэ-дю-Пана при маршале де-Кастри, и я средактировал его таким образом, что самый подозрительный комитет надзора не смог бы угадать, что оно имеет малейшее отношение к королю или что оно предназначается кому-либо другому, кроме самого Маллэ-дю-Пана, которому письмо было передано в конверте.

Это письмо, написанное моей рукой и за моей подписью, могло быть лишь очень неопределенным и незначительным, тем более, что я был мало знаком с маркизом де-Кастри и что я ему никогда не писал. Оно было составлено в следующих приблизительно выражениях:

«Милостивый государь, податель сего письма пользуется доверием и знает намерения семьи, которой вы так преданы и которая вполне рассчитывает на вашу привязанность. Я взял на себя обязанность направить его к вам и отрекомендовать. Он едет исключительно для того, чтобы быть полезным этой семье и я не сомневаюсь в том, что когда он познакомит вас с целью своего путешествия, вы не замедлите поддержать и аккредитовать его шагами всеми зависящими от вас средствами».

Лишь по приезде в Кельн, Маллэ-дю-Пан должен был переложить это письмо в другой конверт, адресованный на имя маршала де-Кастри.

Инструкции, относящиеся к этой миссии были слишком ясны и точны, чтобы допустить возможность такой маскировки; следовательно, нужно было прибегнуть к другим способам. Было решено, что Маллэ-дю-Пан, составивший их согласно установленным королем оснований, но повезет их с собой, а что шифрованная копия их будет послана ему в Женеву на имя одного из его друзей. Я придумал для этого шифр, который невозможно было разобрать, не имея к нему ключа. Для этого требовался словарь и я выбрал словарь рифм, так как каждая его строчка, состоявшая из одного только слова, облегчала дело шифровки и расшифровки и так как кроме того слоги, стоящие сверху каждой страницы, давали возможность шифровать одно и то же слово несколькими различными способами, чтобы вернее сбить с толку всех комитетских специалистов по расшифрованию. Инструкции эти состояли из семи статей; вот их содержание:

«1. Король присоединяет к своим увещаниям и свои мольбы, чтобы заставить эмигрировавших принцев и прочих французов не лишаться, посредством своего участия в военных действиях, настоящей войны характера внешней войны одной державы против другой.

«2. Он особенно рекомендует им положиться на него и на дружественные дворы в деле охраны их интересов, когда для этого наступит надлежащий момент.

«3. Нужно, чтобы казалось, что они являются лишь стороной, но отнюдь не посредником в споре; посредничество же должно быть предоставлено его величеству по возвращении ему свободы и тем державам, которые этого требуют.

«4. Всякое иное поведение вызвало бы гражданскую войну внутри страны, угрожало бы опасностью жизни короля и его семьи, опрокинуло бы трон, вызвало бы убийство роялистов, присоединило бы к якобинцам всех отколовшихся и ежедневно уходящих от них революционеров, оживило бы начавшее утихать возбуждение и усилило бы упорство сопротивления, которое будет сломлено при первых же успехах, если только станет ясным, что участь революции не будет предоставлена исключительно тем, против кого она была направлена и кто стал ее жертвами.

«5. Доказать Венскому и Берлинскому дворам пользу манифеста, составленного ими совместно с остальными державами, вошедшими в соглашение. Важно редактировать этот манифест таким образом, чтобы отделить якобинцев от остального народа, успокоить всех, согласных отречься от своих заблуждений, а также и тех, которые не будучи довольны настоящей конституцией, хотят вместе с тем отмены злоупотреблений и установления царства умеренной свободы под управлением ограниченного законом монарха.

«6. Включить в эту редакцию ту основную истину, что война ведется против анти-социальных мятежников, а не против французской нации, что становится на защиту законных правительств и народов против разъяренной анархии, порывающей среди людей все связи общительности, все условия, под защитой которых покоятся свобода, мир, внутренняя и внешняя общественная безопасность. Нужно успокоить все опасения относительно возможного захвата территории; не следует издавать никаких принудительных законов, а должно лишь решительно заявить собранию, правительственным учреждениям, муниципалитетам, министрам, что они будут персонально и индивидуально ответственны, как жизнью, так и имуществом, за все покушения на священные особы короля, королевы и их семьи, а также на личность и имущество кого бы то ни было из граждан.

«7. Выразить желание короля, чтобы при вступлении в королевство, державы объявили, что они согласны на мир, но будут вести переговоры лишь с самим королем; что, вследствие этого, они требуют предоставления ему полнейшей свободы, после чего будет созван конгресс, на котором различные интересы будут рассматриваться на уже установленных основаниях. На этот конгресс в качестве потерпевшей стороны будут допущены эмигранты, и общий план требований будет там обсужден под руководством и ответственностью держав».

Копия этих инструкций, помеченная королем особым росчерком пера, известным маршалу де-Кастри, должна была быть передана ему моим братом Шевалье. По желанию короля он должен был выехать первым, снабженный паспортом для проезда в Англию, и, сев в Дувре на остендский пароход, сообщить и засвидетельствовать маршалу важную миссию, возложенную на Маллэ-дю-Пана, дабы она не могла быть смешана с теми, на которые претендовали, не будучи на то уполномочены ни королем, ни королевой, многие при-

езжающие из Франции. К несчастью мой брат заболел за два дня до его предполагаемого отъезда, а когда он поправился, поездка его уже стала бесцельной.

(«Histoire de la Révolution de France par A. F. Bertrand de Molleville», t. VIII, p. p. 38—47).

III. Из письма Марии Антуанетты графу Мерси от 4 июля 1792 г.

Вы уже знаете о событиях 20 июня. Наше положение становится все более и более критическим. Напору и наглости одной стороны противопоставлены лишь слабость и нерешительность другой. Мы не можем рассчитывать на верность ни национальной гвардии, ни армии; мы не знаем должны ли мы остаться в Париже или броситься в другое место. Более чем пора, чтобы державы заговорили властным языком. 14 июля и последующие дни могут стать днями всеобщего траура по Франции и вызвать раскаяние держав, промедливших со своим выступлением.

Все будет потеряно, если заговорщики не будут остановлены страхом близкого наказания. Они во что бы то ни стало хотят республику; чтобы достигнуть ее, они решили убить короля. Необходимо, чтобы изданный державой манифест сделал Национальное Собрание и Париж ответственными за жизнь короля и его семьи.

Несмотря на все эти опасности, мы не меняем наших намерений, вы должны рассчитывать на них так же, как я рассчитываю на вашу привязанность...

(Arnoth. «Marie-Antoinette, Joseph II und Leopold II», s. 265).

41. Лафайет становится во главе контр-революции.

Манифестация 20 июня обманула ожидание жирондистов не только в отношении поведения Людовика XVI. Вместо того, чтобы явиться прелюдией возвращения к власти жирондистского министерства, день 20 июня, напротив того, вызвал полный поворот в сторону реакции со стороны той части умеренной буржуазии (фельяне), которая под влиянием неудач на фронте до того была готова оказать поддержку оборонческим мероприятиям жирондистов. Манифестация 20 июня, испугавшая крупно-собственнические элементы новым выступлением народных масс, привела к объединению всех реакционных элементов, во главе которого стал генерал Лафайет. Неожиданно явившись с фронта в Париж, он в заседании Законодательного собрания, 28 июня, выступил с яркими нападка на якобинский клуб, а 30 июня обратился к Легислативе с нижеследующим письмом:

Господа! Возвращаясь на пост, где храбрые солдаты, обречшие себя на смерть за конституцию, не должны и не хотят проливать свою кровь ни за что другое, как только за нее—я уношу глубокое и живое сожаление от того, что я лишен возможности передать армии, что Национальное Собрание уже сооблаговолило вынести постановление по поводу моего предложения. Голос всех добрых граждан государства, который мятежнические выкрики стараются заглушить, ежедневно предупреждает избранных народом представителей, так же, как и его наследственного представителя, что пока

будет существовать секта, препятствующая деятельности всех властей, угрожая их независимости, которая, вызвав войну, старается, извращая наше общее дело, лишить его защитников; что до тех пор, пока придется краснеть вследствие ненаказуемости преступления, именуемого оскорблением нации, которое возбудило справедливое и сильное беспокойство всех французов и всеобщее негодование— наша свобода, наши законы, наша честь—в опасности.

Таковы, граждане, истины, которые свободные и благородные души не страшатся повторять. Возмущенные всякого рода заговорщиками, негодуя против трусов, унижившихся до ожидания иностранного вмешательства, проникнутые принципами, честь исповедывания которых во Франции я приписываю себе первому, а именно: что всякая незаконная власть есть насилие, в отношении которого сопротивление является долгом—они чувствуют потребность сообщить Законодательному Корпусу все свои опасения в надежде, что они будут избавлены от них заботами народных представителей. Что касается, господа, меня, никогда не менявшего ни своих принципов, ни чувств, ни языка, то я думаю, что Национальное Собрание, сообразуясь с неотложностью и серьезностью обстоятельств, позволит мне к выражению моего глубокого почтения присоединить еще раз выражение моего сожаления и моих пожеланий.

Лафайет.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. p. 217—218).

42. Из речи Верньо в заседании Законодательного собрания 3 июля 1792 года.

Перед лицом опасностей, грозивших революционной Франции со стороны ее внешних и внутренних врагов, жирондисты, верные своей крупнобуржуазной природе, не решились сделать никаких значительных выводов, для осуществления коих пришлось бы опереться на поддержку народных масс; не решились даже предать суду ген. Лафайета, как того требовали Робеспьер и его сторонники. Жирондисты продолжают возлагать все свои надежды на меры устранительного (в отношении короля и министерства) характера и выдвигают с этой целью проект объявления «Отечества в опасности», что, по их мнению, должно было вызвать взрыв спасительного народного энтузиазма. Такова была программа действий, ярче всего выраженная в выступлении Верньо, от 3 июля 1792 года.

Господа, что это за странное положение, в котором ныне находится Национальное Собрание! Какой рок преследует нас, ознаменовывая каждый день великими событиями, которые, внося путаницу в наши работы, предают нас во власть беспорядочных тревожений, беспокойства, надежд и страстей? Какую судьбу приготовляет Франции это ужасное возбуждение, среди которого можно было бы усомниться—если не знать вечной любви народа к свободе—идет ли революция вспять или же доходит до своего предела...

Я попытаюсь высказать вам несколько мыслей...

Прежде всего, обращаю ваше внимание на внутренние волнения. Они вызваны двумя причинами — происками знати и происками духовенства. И те, и другие стремятся к одной цели—контр-революции. Вы предупредите действие первой причины при помощи умного и сильного управления; нужно спешить с обсуждением основ его устройства. Что же касается второй, после того, как вы сделали все, что было в ваших силах, чтобы спасти народ от ужасного влияния духовенства, — конституция оставляет в вашем распоряжении только одно средство: оно очень просто, но вместе с тем верно и действительно.

Король отказался утвердить декрет о волнениях на религиозной почве...

Вето, наложенное на ваш декрет, вызвало не мрачное оцепенение, с которым одряхлевший раб молча глотает свои слезы, но то чувство всеобщей боли, которое у свободного народа пробуждает страсти и увеличивает энергию. Спешите предупредить брожение, последствия которого вне человеческого предвидения; сообщите Франции, что впредь министры будут отвечать головой за все беспорядки, предлогом которых будет являться религия; скажите стране, что этой ответственностью кладется предел ее беспокойству; что эта ответственность порождает надежду, что мятежники будут наказаны, лицемеры разоблачены и спокойствие восстановлено.

Ваши заботы о внешней безопасности государства и военные успехи заставили вас принять проект лагеря или армии, расположенной между Парижем и границей; вы соединяли этот проект с планом гражданского праздника, которое должно было праздноваться в Париже 14 июля...

Отравленное дуновение клеветы омрачило этот патриотический проект; с чисто варварской черствостью отвергли праздника и обаятия; планы федерации и радости превратились в меры вражды и в пагубные события; король отказался утвердить ваш декрет. Я слишком уважаю применение конституционного права, чтобы предложить вам сделать министерство ответственным за те беспорядочные волнения, которые могли возникнуть вследствие этого отказа. Но министерство должно стать ответственным, если оно упустило хотя бы одну меру предосторожности, требуемую безопасностью нашей территории; министерство должно стать ответственным, если случится, что до сбора батальонов национальных гвардейцев, формирование которых предложено королем, земля свободы будет осквернена тиранами...

Король неприкосновенен, но пользуется неприкосновенностью только он один и она не может быть никому передана; он не отвечает ни за свои ошибки, ни за свои заблуждения, но за него отвечают его агенты—таковы два нераздельных основания организации исполнительной власти. Только благодаря этому, при царствовании

беззаботного монарха или монарха-заговорщика, во время великих опасностей, можно спасти отечество; только благодаря этому при монархе-тиране можно извратить закон от невероятного позора видеть безнаказанными самые серьезные преступления и предостереечь граждан от несчастий, источником которых могла бы быть столь постыдная привилегия...

Во имя короля пытались французские принцы поднять против народа все европейские дворы; чтобы отомстить за достоинство короля был заключен договор в Пильнице и образовался чудовищный союз между дворами Вены и Берлина; для того, чтобы защищать короля в Германии бежались под знамена мятежа отряды преданной лейб-гвардии. Для того, чтобы прийти на помощь королю, эмигранты добиваются и получают места в австрийских войсках и приготавливаются раздирать грудь своего отечества; для того, чтобы соединиться с отважными рыцарями прерогативы короля, другие рыцари, преисполненные чести и достоинства, оставляют свои посты пред лицом врага, изменяют своей присяге, обворовывают кассы, стараются развратить солдат и видят, таким образом, свою славу в трусости, клятвопреступлении, неповиновении, краже и убийствах! Против народа или только против Национального Собрания и для поддержки блеска трона король Богемии и Венгрии ведет с нами войну, а король Прусский наступает на наши границы; во имя короля нападают на свободу и если бы удалось ее ниспровергнуть, то государство было бы расчленено для того, чтобы вознаградить союзные государства за их убытки, ибо великодушные королей общеизвестно; все знают, с каким бескорыстием посылают они свои армии на опустошение чужой земли и насколько можно поверить, что они будут истощать свою казну ради ведения войны, которая не сулила бы им прибыли. В конце концов всем бедам, которые стараются обрушиться на наши головы, всему тому, чего нам нужно остерегаться, одно имя короля является предлогом и причиной...

И вот, если результатом политики, картину которой я вам нарисовал, будет то, что Франция будет плавать в крови, владычествовать в ней будут иноземцы, конституция будет потрясена, и контр-революция победит,—если тогда король в свое оправдание скажет вам:

Совершенно верно, что враги, раздирающие Францию, утверждают, что они действуют только для восстановления моей власти, которая по их мнению уничтожена; что они мстят за мое достоинство, которое по их предположению оскорблено; что они хотят вернуть мне права, которые по их мнению задеты или потеряны,—но я ведь доказал, что я не являюсь их сообщником. Я повиновался конституции, обязывающей меня категорически воспротивиться их проискам, ибо я выставил против них мои армии. Эти армии были, может быть, слишком слабы, но конституция вовсе не определяет степени силы, которую я им должен был придать. Верно, что

я собрал войска слишком поздно, но конституция вовсе не указывает срока, к которому они должны были быть собраны. Верно, что резервные отряды могли их поддержать, но ведь конституция вовсе не обязывает меня формировать резервы. Верно, что когда генералы победоносно подвигались по неприятельской территории, я приказал им остановиться, но ведь конституция не предписывает мне одерживать победы; напротив, она даже запрещает мне завоевания. Правда, что были сделаны попытки дезорганизации армии путем коллективной отставки офицеров, а также путем интриг. Я ничего не сделал, чтобы прекратить эти отставки и интриги, но ведь конституция не предусматривает, что мне следовало предпринять по отношению к такому преступлению. Верно, что мои министры беспрестанно обманывали Национальное Собрание по поводу численности и расположения войск и их снабжения, что я удерживал при себе как можно дольше тех из министров, которые ставили препятствия ходу конституционного управления и как можно меньше тех, которые старались его развивать. Но ведь конституция ставит назначение министров в зависимость исключительно от моей воли и нигде не предписывает, чтобы я оказывал доверие патриотам и прогонял контр-революционеров. Верно, что Национальное Собрание издало полезные или даже необходимые декреты и что я отказался их утвердить, но я, ведь, имел на то право, и это право священо, так как дано мне конституцией. Верно, наконец, и то, что наступает контр-революция, что деспотизм передаст в мои руки свой железный скипетр, что я раздавлю вас при его помощи. что вы будете раболепствовать передо мной, что я накажу вас за то, что вы имели наглость желать быть свободными. Но я сделал все то, что мне предписывала конституция, я не издал ни одного акта, которого конституция не одобряет, а потому никому не позволено сомневаться в моей верности конституции и в моем усердии к ее защите».

Если бы было возможно, говорю я, чтобы во время бедствий этой несчастной войны, во время неурядиц контр-революционных потрясений, король французов заговорил с французами таким презрительным языком, если бы было возможно, чтобы он заговорил о своей любви к конституции с такой оскорбительной иронией, то не вправе ли были бы ему ответить:

«О король, думающий, без сомнения, вместе с тираном Лизандром, что истина стоит не больше, чем ложь и что людей следует забавлять клятвами так, как детей забавляют побрякушками; король, притворяющийся любящим законы только для того, чтобы сохранить свою власть, дающую возможность эти самые законы презирать; король, любящий конституцию лишь для того, чтобы она не свергла его с трона, на котором ему необходимо остаться, чтобы уничтожить эту конституцию; король, любящий народ, чтобы укрепить успехи своего вероломства путем внушения ему доверия,—неужели же вы думаете ввести нас в заблуждение своими лицемерными уверениями? Неужели вы думаете обмануть нас отно-

сительно причины наших бедствий хитросплетением ваших извинений и смелостью ваших софизмов? Разве это значило защищать нас, когда вы противопоставляли иноземным войскам силы, уступающие им численностью и потому не оставляющие сомнения в их поражении. Разве это значило защищать нас, когда вы отклоняли проекты, имеющие целью укрепить внутреннее положение государства или сделать приготовления для оказания сопротивления в тот момент, когда мы могли сделаться добычей тирана? Разве это значило защищать нас, когда вы не обуздали генерала, нарушившего конституцию¹ и сдерживали мужество тех, которые ей служили? Разве это значило защищать нас, когда вы парализовали правительство постоянной дезорганизацией министерства? Для чего конституция предоставила вам выбор министерств—для нашего счастья или для нашей гибели? Для чего сделало оно вас главою армии—для нашей славы или для нашего позора? Наконец, конституция дала вам право санкции, гражданский лист и столь большие прерогативы лишь для того, чтобы конституционным образом погубить конституцию и самое государство? Нет, нет, вы, человек, которого не могло тронуть великодушие французов, вы, человек, которого могла сделать чувствительным только любовь к деспотизму, вы не выполнили требований конституции. Она, быть может, ниспровергнута, но вам не удастся собрать плодов вашего вероломства. Вы не воспротивились тем победам, которые одерживались над свободой от вашего имени, но вам все же не удастся воспользоваться плодами этих недостойных триумфов! Вы уже ничто для той конституции, которую вы так недостойно нарушили, вы ничто для того народа, который вы так трусливо предали!»...

Я предлагаю отправить королю послание, при помощи коего задав ему вопросы, которые обстоятельства побудят нас ему предложить, следует постараться выведать у него те истины, которые я только что изложил; доказать ему, что система нейтралитета между Кобленцем и Францией, которую, по видимому, хотят его заставить принять, была бы великой изменой со стороны короля французов, не могущей принести ему другой славы, кроме глубокого омерзения со стороны народа и обличительного презрения со стороны заговорщиков; что сделав выбор в пользу Франции, он должен громогласно провозгласить о своей непоколебимой решимости одержать победу или же погибнуть вместе с Францией и конституцией.

Но будучи в то же самое время убежден, что согласия между обеими властями достаточно для того, чтобы заглушить ненависть, сблизить враждующих, изгнать из государства распри, удвоить наши силы против внешнего врага, укрепить свободу и удержать грозящую падением монархию, я хотел бы, чтобы предметом этого

¹ Намек на Лафайета.

послания было стремление к установлению согласия, а вовсе не создание условий, при которых оно стало бы невозможным...

Перехожу теперь к другой временной мере, которую я нахожу нужным принять—это декларация о том, что отечество в опасности; вы увидите, что при этом возгласе тревоги все граждане объединятся, рекрутские наборы усилятся, батальоны национальных гвардейцев пополнятся, дух общества поднимется, департаменты усилят воинские упражнения, и численность солдат увеличится. Вы увидите возобновление чудес, которые покрыли бессмертной славой многие народы в древности! И в самом деле! Почему же французам быть менее великими? Разве то, что они будут защищать является менее священной? Разве они сражаются не за своих отцов, детей, жен, не за свою свободу и отечество? Разве века ослабили в человеческом сердце эти возвышенные и нежные чувства, или ослабили мужество, которое эти чувства внушают. Конечно, нет! Ибо они вечны, как природа, от которой они исходят, и природа не выкажет себя обессиленной в возродившихся французах, в французах 1789 г. Но, повторяю, необходимо эту декларацию сделать; дальнейшая беспечность была бы самой большой из возможных опасностей. Разве вы не видите наглую ошибку наших внутренних врагов, возмущающую приближение соединившихся против нас тиранов? Разве вы не чувствуете их гнусных надежд и преступных заговоров? Не внушает ли вам опасения тот характер вражды, который принимают наши внутренние разногласия? Не настал ли день для соединения тех, кто находится в Риме, с теми, кто живет на Авентинском холме? Неужели же вы будете ожидать того момента, когда слабые люди, уставшие от революции или развращенные привычкой раболепствовать пред дворцом и коварными предсказаниями умеренных партий, приучатся говорить о свободе без энтузиазма и о рабстве без отвращения? Почему установленные конституцией власти противоречат в самой деятельности друг другу? Почему армия забывает, что она по своему своему существу обязана повиноваться? Почему солдаты и генералы хотят оказывать влияние на Законодательный Корпус, а заблуждающиеся граждане пытаются путем насилия направлять действия главы исполнительной власти? Уж не хотят ли они установить военное управление? Против двора поднимается ропот и кто осмелится сказать, что этот ропот несправедлив? Двор подозревает в создании вероломных проектов, и что можно сказать, чтобы рассеять эти подозрения? Говорят о народных волнениях, о необходимости военного положения, пытаются приучить воображение к возможности пролития народной крови; дворец короля французов превратился в укрепленный замок. Но где же враги? Против кого направлены эти пушки и штыки? Защитники конституции были удалены из министерства, бразды правления государством предоставлены случаю, как раз в тот момент, когда нужно было бы выказать столько же твердости, сколько и патриотизма. Всюду разжигаются раздоры: фанатизм торжествует, а правитель-

ство, вместо того, чтобы взять твердый и патриотический курс, который бы спас его от бурь, позволяет управлять собой буйным ветрам, которые его треплют во все стороны. Непостоянство правительства внушает презрение иностранным государствам, придает смелость тем, кто выставляет против нас армии и цепи, охлаждает доброжелательность всех народов, которые дают тайные обеты в пользу торжества свободы. Вражеские когорты приходят в движение и, быть может, в своем оскорбительном высокомерии они уже делят между собою нашу землю и сокрушают нас со всей надменностью неумолимого тирана-победителя. Мы же раз'единены внутри. Интриганы и лицемеры замышляют измену. Законодательный корпус противопоставляет заговорщикам суровые, но необходимые декреты, но какая-то всемогущая рука их разрывает... А разве наши армии достаточно сильны для того, чтобы защищать нас извне, разве они достаточно дисциплинированы, достаточно усовершенствовались в той тактике, которая, более чем храбрость, решает победу? Наше имущество, наша жизнь, наша свобода находятся под угрозой; надвигается анархия со всеми бедствиями, дезорганизующими общественное целое и только один деспотизм, поднимая свою давно унижаемую голову, наслаждается нашими бедствиями и ждет свою добычу, чтобы пожрать ее! Час настал! Зовите, призывайте всех французов спасти отечество, укажите им на разверзшуюся перед нами пропасть во всей ее необъятности! Только сделав огромное усилие, они смогут переступить через эту пропасть. На вас лежит долг приготовить их к этому, дайте же им такой заряд, который внушил бы порыв всему государству!..

Нет, вам не нужно давать обетов, чтобы появились мстители за ваш прах; нет,—в тот день, когда ваша кровь обогривает землю, тирания, ее слава, ее дворцы, ее защитники, ее телохранители навеки исчезнут перед всемогуществом народа. И если скорбь о том, что вы не могли сделать ваше отечество счастливым, будет отравлять ваши последние мгновения, то вы сможете, по крайней мере, утешиться тем, что ваша смерть ускорила гибель поработителей народа и ваша самоотверженность спасла свободу!

Я предлагаю декретировать:

1. Что отечество в опасности.
2. Что министры ответственны за внутренние волнения, имеющие религию в качестве предлога.
3. Что они ответственны за всякое вторжение на нашу территорию, имевшее место вследствие непринятия своевременных мер в замену того лагеря, образование которого вы декретировали. Кроме того, я предлагаю составить послание к королю и воззвание к французам, с целью предложить им принять те меры, которые обстоятельства делают неизбежными.

Я предлагаю, чтобы 14 июля вы отправились в полном составе к федерации, чтобы возобновить присягу, данную 14 января. Наконец, я предлагаю, чтобы копии послания к ко-

ролю воззвания к французам и декрета, который вы издадите в результате сегодняшних прений, были бы разосланы во все департаменты через специальных курьеров. Наконец, я требую незамедлительного доклада о поведении генерала Лафайета.

(Buzot et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. p. 268—285).

43. Декрет Законодательного собрания от 11 июля 1792 г. об объявлении отечества в опасности.

Многочисленные войска приближаются к нашим границам. Все те, кому свобода внушает ужас, вооружаются против нашей конституции.

Граждане, отечество в опасности!

Пусть желающие иметь честь выступить первыми на защиту того, что они имеют самого дорогого, неизменно помнят, что они французы и что они свободны, пусть их сограждане поддерживают на местах безопасность личности и имущества, пусть должностные лица внимательно бодрствуют и пусть все со спокойным мужеством, являющимся признаком истинной силы, ждут призыва закона, чтобы начать действовать, и тогда *отечество будет спасено*.

(Buzot et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. p. 358—359).

44. Воззвание Законодательного собрания к французской армии от 11 июля 1792 г.

Храбрые воины! Национальное Собрание только что провозгласило, что отечество в опасности; это значит, что оно провозгласило силу государства; это значит, что оно возвестило, что вскоре французское юношество соберется под знаменем свободы. Вы научите его побеждать, вы укажете ему путь к славе. При сигнале об опасности отечества, вы почувствуете, что ваша энергия возрастает. Но пусть, воины, пусть дисциплина направляет движения вашей энергии, ибо она одна—ручательство победы. Обладайте тем спокойным и холодным мужеством, которое должно дать вам сознание ваших сил. Настоящая армия—это огромное тело, приводимое в движение одной головой. Оно ни на что не способно, если в нем нет безусловного повиновения от чина к чину, от солдата до генерала...

Не забывайте, что речь идет о нападении на вашу конституцию! Вас хотят исключить из доблестного числа свободных народов. Пусть! Храбрые воины, конституция должна восторжествовать или французский народ покроет себя несмываемым позором! Ваши сограждане со всех сторон стараются вам помочь. Будьте уверены—нет ни одного француза, который бы заколебался. Нет, ни одного который бы в дни опасности или славы рискнул обесчестить всю

свою жизнь постыдной и трусливой бездеятельностью. Каким несчастным был бы тот, кто не смог бы сказать своим детям или своим согражданам: «И я также сражался, когда нападали на нашу свободу, я принимал участие в той битве, в которой французское оружие восторжествовало над врагами, я защищал подступы города, на который они тщетно нападали, и моя кровь текла за отечество, за свободу, за равенство!»

(Buzeh et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. p. 359—360).

45. Воззвание Законодательного собрания к французам от 11 июля 1792 года.

Ваша конституция покоится на принципах вечной справедливости. Для ее уничтожения образован союз королей. Их батальоны приближаются, они многочисленны, подчинены строгой дисциплине и издавна упражняются в военном искусстве. Не чувствуете ли вы, что ваше мужество воспламеняется благородным пылом? Неужели вы потерпите, чтобы иноземные орды устремились, как разрушительный поток на ваши поля, чтобы они опустошили наше отечество огнем и мечом, одним словом, чтобы они отяготили вас цепями, окрашенными кровью того, что вы имеете самого дорогого?

Наши армии еще не готовы. Неблагоразумная беззаботность слишком рано умерила порывы патриотизма; наборы не имели того успеха, на которые рассчитывали ваши представители. Внутренние волнения увеличили трудность нашего положения, и наши враги предаются безумным надеждам, являющихся для нас оскорблением.

Спешите, граждане! Спасите свободу и отомстите за вашу честь! Национальное Собрание объявило, что отечество в опасности...

Не думайте, что эта декларация есть результат страха, недостойного ни Собрания, ни вас. Вы дали клятву жить свободными, или умереть. Национальное Собрание знает, что вы сдержите эту клятву и оно клянется подать вам к тому пример; но дело идет не о пренебрежении к смерти, а о победе. Она возможна, если вы откажетесь от вашей ненависти, если вы забудете ваши политические разногласия, если вы присоединитесь к общему делу, если вы будете неустанно наблюдать за внутренним врагом, если вы будете предупреждать всякие беспорядки и вытекающие из них отдельные насилия, если в государстве укрепится власть закона и, отвечая на призыв отечества организованным выступлением, вы поспешите к границам и в лагери с великодушным энтузиазмом свободы и с глубоким чувством долга солдата-гражданина.

Французы! Уже четыре года предупреждаем мы вас, сражающихся против деспотизма, об угрожающих вам опасностях и призываем к необходимым усилиям для их преодоления. Мы указываем вам на угрожающую пропасть. Какая слава ожидает вас после того, как вы перейдете через нее! На вас взирают народы; поразите же их величественным выявлением ваших сил и вашего характера!

Итак,—единение! Уважение к законам! Непокоримое мужество — и скоро победа увенчает пальмовой ветвью алтарь свободы, и народы, которые теперь вооружаются против вашей конституции, будут стремиться соединиться с вами узами нежного братства. Скоро, благодаря победному миру, укрепятся основы вашего управления и вы, наконец, соберете все плоды революции и вашим счастьем уготовите счастье и для вашего потомства.

(Buzeh et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. p. 360—361).

46. Речь Робеспьера в якобинском клубе 10 июля 1792 г. по поводу объявления отечества в опасности.

Наступил момент пренебречь всеми личными интересами, чтобы всецело отдаться общественным. Это чувство запечатлено во всех сердцах и только что принятый торжественный декрет¹ сделал из этого священную обязанность для нас всех.

Что же это за декрет? Не есть ли это формула, лишенная реального смысла? Не есть ли это оружие, которым деспотизм рассчитывает воспользоваться, чтобы раздавить свободу и уничтожить ее верных поклонников? Нет! Не напрасно граждане департаментов пришли присоединиться к крикам об опасности отечества.

Отечество в опасности! Эти слова говорят все для пылких сердец, действительно проникнутых любовью к отечеству и свободе. Эта формула не дает нам никаких новых фактов. И до издания этой декларации мы знали, что во главе наших армий находится генерал-заговорщик; мы знали, что развращенный двор беспрепятственно злоумышляет против нашей свободы и нашей конституции. И не для того, чтобы нас просветить, произнесло Национальное Собрание эту внушительную формулу. Слова «отечество в опасности» есть обращенное ко всему народу увещание выказать всю энергию, на которую он только способен, чтобы предупредить опасность. Народ хорошо знает опасности, но он казался оцепеневшим на краю опасности, и Национальное Собрание захотело разбудить его от летаргического сна.

Произнося свою формулу, Национальное Собрание хотело сказать: «Мы напрасно придумываем хорошие законы, если исполнительная власть не заставляет им повиноваться, если она препятствует исполнению этих законов своим вероломным вето, если развращенные администраторы составляют вместе со двором заговоры с целью уничтожить конституцию при помощи ее самой; напрасно армии патриотически настроенных и доблестных солдат рискуют в борьбе своей жизнью, если их победное шествие задерживается и их посылают в бой только для того, чтобы они пали в бою с врагом, вдвое превосходящим их численностью. При таких исключи-

¹ Речь идет о декрете, объявляющем отечество в опасности, окончательно принятом 11 июля, но принятие коего было предпринято уже 10-го.

тельных обстоятельствах обыкновенные меры недостаточны.—Спасайтесь, французы!»

Или эта торжественная декларация обозначает все то, что я только что перечислил, или она является предательством, ибо указывает народу на угрожающие ему опасности, но не дает возможности принять те меры, которые он находит пригодными для своего спасения. Уже сейчас враги свободы надеются использовать ее убийственным образом, и когда, после обсуждения декларации, я увидел некоего Воблана, предлагающего издание адреса к армии, я сказал себе: раз эта формула не пугает некоторых людей, значит они надеются извлечь из нее пользу. Люди этого рода скажут вам: «Отечество в опасности, это правда, но откуда взялась эта опасность? Разве со стороны двора? Нет, потому что двор желает соблюдения конституции и повиновения законам. Или может быть опасность надвигается со стороны священников, разжигающих пламя гражданской войны? Нет, ибо что могут сделать эти одинокие, лишённые всех способов подкупа, существа? Быть может опасность надвигается со стороны дворянства, которое хотело бы вновь добыть свои привилегии? Нет, ибо дворяне находятся во главе наших армий, чтобы защищать дело равенства. Если отечеству угрожает опасность, то это со стороны граждан, соединившихся в общества, чтобы следить за поведением избранных ими чиновников, со стороны народа, который не хочет, чтобы его слепо вели; со стороны должностных лиц, которые не захотели продать заговорщикам свои таланты и право высказываться».

Итак, все эти люди не будут смущены этой формулой, а истолкуют ее так, как они истолковывают конституцию, в которой они находят способы для ее уничтожения. Для нас, не желающих ничего другого, кроме всеобщего блага человечества, отечество в опасности потому, что существует преступный и не поддающийся никаким убеждениям двор. Отечество в опасности потому, что идолопоклонство и подкуп доставили этому двору достаточное количество низких администраторов, пресмыкающихся перед ним. Едва выйдя из собрания, где они льстили народу, чтобы получить места, они оказались настолько подлыми (как, например, администраторы Соммы, Па-де-Кале и другие), что вошли в преступный союз со двором против свободы. Отечество в опасности потому, что на основе свободы возвысился аристократический класс людей, который только и старается превратить своих братьев в канибалов. Отечество в опасности потому, что существует главный штаб, хотя и распущенный Национальным Собранием, но действующий для того, чтобы составлять заговоры.

Как отечеству не быть в опасности, когда генерал¹, которого считали французским генералом и который в действительности является генералом Венского двора, интересы которого он защищает и языком которого он говорит, попирает ногами французский народ,

¹ Лафайет.

оскорбляя его представителей? Как отечеству не быть в опасности, когда такой человек с помощью своих комиссаров и соучастников обманывает другого генерала, когда пламя Куртре является единственным свидетельством нашей привязанности к брабанцам, когда этот Жарри остается безнаказанным, когда мы отказываемся от наших побед и даем враждебным государствам время собрать свои войска?

Вот, по мнению народа, причины опасности; нации опасности не прекратятся, пока эти причины не будут вырваны с корнем. Если бы убрали этого генерала, виновника наших бед, война бы окончилась, Брабант был бы свободен, все эти маленькие курфюрсты давно остались бы без трона и без подданных. Свобода была бы прочно установлена на берегах Рейна и Шельды и она образовала бы непродоходимую стену из свободных людей вокруг наших границ.

Свобода будет в опасности до тех пор, пока Лафайет будет стоять во главе наших войск, до тех пор, пока управление департаментов будет вверено людям, достаточно бесстыдным, чтобы осмелиться своими преследованиями оказать честь немногим администраторам, которых народ почтил своим уважением¹.

Я надеюсь, что, еще до истечения трех дней, мы будем освобождены от нашего самого опасного врага, что изданный Национальным Собранием декрет накажет Лафайета, ибо без этого декрета, каким образом сможем мы сражаться за свободу? Можем ли мы надеяться, что не будет больше существовать директории, выказавшей себя непокорной, если не по отношению к власти двора, то, по крайней мере, по отношению к суверенитету народа? Будем надеяться, что в самом Национальном Собрании, люди, которые обязаны народу всем своим существованием, не осмелятся разделять народ на две половины: австрийскую и французскую.

Если через месяц отечество еще будет в опасности, если положение вещей радикально не изменится, нельзя будет говорить, что народ в опасности, а нужно будет сказать—народ погиб! Я был всегда апостолом конституции и защитником законов, но главнейший закон, на котором покоится конституция, есть равенство и свобода. Нам нужна установленная законом конституция, но она нам нужна целиком и свято охраняемая на благо народа, без чего слово «конституция» становится насмешкой заговорщиков, желающих завладеть ею для уничтожения свободы. Исходя из этих принципов, я составил воззвание к федератам, которое хочу прочесть обществу, если ему это будет угодно.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. p. 364—367).

¹ После манифестации 20 июня, парижский мэр Петрон был отрешен от должности фельдански-настроенной директорией парижского департамента.

14. Национальное Собрание, указав французским гражданам правила, с которыми оно считало нужным предложить им сообразоваться, и принимая во внимание, что обстоятельства и справедливость требуют вознаграждения выборщиков... постановляет, что выборщики, которые принуждены будут отлучиться от своего постоянного места жительства, получают 20 су с каждого лье расстояния и, кроме того, 3 ливра в день в продолжение всей отлучки...

Вышеизложенный декрет и инструкция будут для более быстрого распространения адресованы непосредственно, как администрациям дистриктов, так и администрациям департаментов. Администрациям округов будет послано такое количество экземпляров декрета и инструкции, что они смогут их безотлагательно передать всем муниципалитетам.

(Buzot et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XVII, p.p. 43–45).

Законодательное собрание и Коммуна.

52. Монтаньяры требуют углубления революции (выступление Робеспьера перед Законодательным собранием 11 августа 1792 г.).

Если в конце июля 1792 г. головокружительно развивавшийся темп событий застал монтаньярских вождей врасплох и заставил их несколько отстать от движения, руководство коим перешло в руки секций и образовавшейся в ночь на 10 августа революционной Коммуны, то уже к вечеру этого дня они целиком и безоговорочно признают и приветствуют свершившийся переворот. Войдя в состав Коммуны 10 августа, монтаньярские лидеры руководят ее работой и выдвигают как основные лозунги момента, требования энергичной организации обороны против наступающего противника и принятия всех мер, вытекающих из победоносной революции 10 августа.

Генеральный Совет Коммуны послал нас к вам по вопросу, который касается общественного спасения. После великого акта, которым суверенный народ только что завоевал себе свободу, не может существовать посредников между народом и вами. Вы знаете, что свобода рождается в результате распространения просвещения. Итак, всегда руководствуйтесь чувством патриотизма, которое подняло народ Парижа и всей Франции до той степени величия, на которой он находится; вы можете, вы должны даже, понимать язык правды, которым он будет говорить с вами устами своих делегатов.

Мы только что говорили вам о декрете, который вы издали этим утром, о декрете, относящемся к организации новой директории департамента. Народ принужден сам стоять на страже собственного дела, позаботиться о своей безопасности через своих уполномоченных. Народ принужден принимать в высшей степени решительные меры, чтобы спасти государство; а потому те, кого он избрал сам в качестве своих чиновников, должны иметь всю полноту власти, которая присуща суверену; если вы создадите другую власть, которая будет преобладать или уравновешивать власть непосредственных избранников народа, то народная власть не будет едина, и в вашей административной машине будет существовать вечный зародыш раз'единения, которое породит в врагах свободы новые преступные надежды. Народу потребуются еще раз вооружиться мстостью для освобождения от этой разрушительной силы; в этой новой организации народ видит между собой и вами высшую власть, которая, как и раньше, будет только тормозить работу Коммуны. Когда народ спас родину, когда вы приказали созвать Национальный Конвент, который должен вас заменить, что иное вы должны делать, как не удовлетворять народные желания? Или вы боитесь положиться на мудрость народа, который стоит на страже спасения родины, спасти которую может только народ?

Учреждая противоречивые власти, вы погубите отечество: только путем единения, непосредственного общения представителей с народом вы можете поддержать родину. Соболаговолите нас успокоить относительно этой опасной меры, которая уничтожит то, что сделал народ; соболаговолите сохранить нам возможности для спасения свободы. Только таким путем вы разделите славу героев, посвятивших себя делу освобождения человечества. Только таким путем, накануне окончания своих полномочий, вы унесете с собой благословение свободного народа.

Мы заключаем вас принять серьезно во внимание и утвердить постановление, принятое Генеральным Советом Парижской Коммуны, чтобы не приступали к организации новой директории департамента.

(Жан Жорес. Конвент, вып. I, Республика, стр. 5—6).

53. Жирондисты считают революцию законченной.

В противоположность монтаньярам жирондисты приняли переворот 10 августа без всякой радости. Признав его, как совершившийся факт, они не только не стремились к углублению революции, но, напротив того, считали ее законченной и делали все возможное, чтобы свести на нет практические результаты 10 августа. Очень характерна в этом отношении следующая выдержка из газеты Бриссо «Французский Патриот» от 29 августа:

...Власти, назначенные для того, чтобы привести политическую машину в революционное движение, должны считать свое дело законченным с окончанием этого движения, потому что существование этих властей повело бы к диктатуре, а продолжительная диктатура была бы ничем иным, как могилой свободы. Пока временные комиссары Парижской Коммуны занимались только тем, что направляли революцию 10 августа, преследовали заговорщиков и наблюдали за подозрительными, до тех пор патриоты могли без всяких опасностей оставлять в силе эти власти, которые, возникнув с брожением, с брожением и кончались и должны были уступить место народовластию. Но когда увидели, как эти комиссары продолжают пользоваться своей исполнительной властью, как они узурпируют права магистратов, как они сами распускают и опять формируют учреждения, которые в праве распускать и формировать только магистраты, как они распределяют между собой должности, которые только они должны бы замещать, как они смещают членов городского управления, которые народом избраны и народом излюблены, как, наконец, они совершают деяния, не оправдываемые даже обстоятельствами, тогда у добрых граждан открылись глаза; они сказали себе, что не для того они во второй раз завоевали свободу, чтобы отдать ее интриганам, и что они не допустят, чтобы на развалинах королевского и дворянского абсолютизма возник новый, еще более суровый и ненавистный...

(Генрих Кунов. «Борьба классов и партий в Великой Французской Революции», стр. 295).

54. Аграрные законы Законодательного собрания.

Противоречие настроений жирондистов и монтаньяров наложило очень резкий отпечаток на законодательство Лейслативы в период после 10 августа. Если, уступая давлению Парижской Коммуны, в руках которой в эти дни была вся полнота реальной власти, жирондистское большинство¹ Законодательного Собрания сплошь и рядом принимает меры, диктуемые ему монтаньярским меньшинством, то делает оно это крайне неохотно и непоследовательно, вследствие чего все акты Лейслативы последнего периода ее существования носят чрезвычайно колеблющийся и путанный характер. Особенно характерны в этом смысле аграрные законы Законодательного Собрания.

I. Декрет 14 августа 1792 г.

Национальное Собрание, по предложению, внесенному одним из его членов, признав вопрос неотложным, постановляет:

1. Начиная с нынешнего года, немедленно после уборки урожая, все общинные земли и общинные права, иные чем на леса, будут разделены между всеми гражданами каждой общины.

2. Эти граждане получают свои участки в полную собственность.

3. Общинные земли, известные под названием пустошей и остатков, будут также разверстаны между жителями.

4. Для определения способов раздела комитет земледелия представит не позже трех дней проект закона².

(Archives parlementaires, I série, t. 48, p. 118).

II. Из декрета 25 августа 1792 г.

Национальное Собрание, принимая во внимание, что хотя феодальный режим и уничтожен, но последствия его все же продолжают существовать, и что ничто не является более настоящим, чем заставить исчезнуть во Франции обломки крепостной зависимости, загромождающие недвижимые имущества и уменьшающие их ценность, постановляет, что данный вопрос является спешным.

Национальное Собрание, признав спешность, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Все последствия, вытекающие из правила «Нет земли без сеньера», из чересполостности владения, из статутов, обычаев и правил, как общего, так и частного характера, тесно связанных с феодализмом—признаются как бы не существующими.

Ст. 2. Всякая поземельная собственность считается свободной от всяких прав, как феодальных, так и чиншевых, до тех пор, пока лица, претендующие на означенные права, не докажут противного в порядке, установленном ниже.

¹ После 10 августа депутаты правого крыла Собрания перестали посещать его заседания, вследствие чего жирондисты сделались в нем полными хозяевами положения.

² Этот проект представлен не был.

Ст. 3. Все акты об освобождении от поземельной и смешанной крепостной зависимости и все акты, им равнозначные — отменяются и аннулируются. Все установленные этими актами платежи, десятины и прочие обязательства, а равным образом и представительство в праве на крепостное состояние отменяются без всякого вознаграждения. Все наследственные имущества, уступленные, как общинами, так и частными лицами, под условием освобождения от крепостной зависимости, находящиеся поныне в руках бывших сеньеров, подлежат возвращению тем, кто их уступил. Обещанные, но все же не выплаченные бывшим сеньерам по тем же поводам суммы, не могут быть взысканы этими последними.

Ст. 5. Все вообще сеньеральные права, как феодальные, так и чиншевые, сохраненные предшествующими законами в силе, или объявленные ими подлежащими выкупу, каковы бы ни были их сущность и наименования, в том числе и те, которые могли быть пропущены в вышеназванных законах или в настоящем декрете, а равно и все платежи, уплаты натурой и другие обязательства, вытекающие из этих прав — отменяются без всякого вознаграждения, если только не будет доказано, что они имеют своим источником первоначальную уступку недвижимости. Это обстоятельство может быть установлено только в том случае, если о нем будет ясно упомянуто в основном акте пожалования помещьем, в арендном контракте или в чиншвом договоре, каковой должен быть представлен в суд.

Ст. 8. Права, наличность коих будет установлена в порядке, предписанном ст.ст. 5-ой и 7-ой ¹ настоящего декрета, подлежат выкупу.

Ст. 10. Недоимки по отмененным без вознаграждения правам, даже те, которые должны быть внесены в силу судебных решений, договоров или сделок, не подлежат взысканию, но платежи, уже произведенные, согласно предшествующих законов, не могут быть истребованы обратно.

Ст. 17. Настоящий декрет не распространяется на ренты, натуральные подати и всякие другие повинности, не связанные с феодальными правами и подлежащие уплате частными лицами частным же лицам, не являющимся сеньерами или владельцами ленов.

¹ В ст. 7-ой речь идет о пеажжах, в отношении выкупа коих устанавливается правило, аналогичное требованиям ст. 5-ой.

Ст. 20. Все предыдущие законы, противоречащие в чем-либо постановлениям настоящего декрета, объявляются уничтоженными.

Archives parlementaires, I série, t. 48, p.p. 698—700).

III. Из закона 28 августа 1792 г.

Ст. 1. Параграф 4-ый главы 25 ордонанса о водах и лесах 1669 г. равно как все эдикты, декларации, постановления совета и патенты, которые, начиная с этого времени, дозволяли обязательный выдел одной трети угодий в пользу сеньера, как в случае, указанных в названном ордонансе, так и вне их, а равным образом и все вынесенные на их основании судебные решения и произведенные вследствие таковых действия, — отменяются и считаются как бы не имевшими места. Для того, чтобы вступить во владение той частью общинного имущества, которой они были лишены на основании указанных ордонанса, эдиктов, деклараций, постановлений, патентов, судебных решений и действий Коммуны, обязаны в течение пятилетнего срока подать заявления в суды, но без права претендовать на возвращение полученных доходов.

Ст. 3. Постановление двух ¹ предыдущих статей будут иметь применение лишь постольку, поскольку бывшие сеньеры и в настоящее время продолжают владеть означенными частями лесов и других угодий, которых общины были лишены, но последние не имеют права вчинять иска о возврате захваченного имущества, если бывшие сеньеры продали его частным лицам, не являющимся сеньерами и последние уже успели вступить во владение.

Ст. 7. Общины, которые докажут, что они издавна владели имуществом или какими-либо правами пользования, которых они были лишены целиком или частично бывшим сеньером, могут восстановить себя в правах собственности и владения этими имуществами или правами пользования, не взирая на эдикты, декларации, постановления совета, патенты, судебные решения, мировые сделки, разве только бывшие сеньеры представят подлинные акты, доказывающие, что они приобрели названные имущества законным образом.

Ст. 8. Пустопи или пустопорожные земли и песчаники, относительно которых общины не смогут доказать, что они издавна ими владели, считаются принадлежащими им и будут присуждены им судами, если они в течение пятилетнего срока предъявят иск о возврате, за исключением лишь тех случаев, когда бывшие сеньеры докажут свое право собственности документально или же путем ссылки на исключительное, непрерывное и спокойное владение этим имуществом в течение сорока лет.

¹ Ст. 2-ая содержит постановление об отмене захватов общинных лесов и других угодий, имевших место на особых основаниях в некоторых отдельных частях Франции.

Ст. 9. Те из вышепоименованных в предыдущей статье земель, которые не входят в пределы какой-либо общины или бывшей сеньерии, считаются принадлежащими нации, но без нарушения прав, которые частные лица или общины могли приобрести на эти земли и которые они обязаны доказать документально или путем ссылки на сорокалетнее владение.

Ст. 10. При рассмотрении в апелляционных или касационных судах исков о праве собственности, земельных сервитутах и правах пользования, в которых сталкиваются несколько правовых оснований, предпочтение отдается общинам или частным лицам, независимо от большей или меньшей давности указанных в представленных документах оснований, не взвирая на вопреки в законную силу предыдущие решения в пользу бывших сеньеров.

Ст. 16. Все изданные ранее законы, противоречащие постановлениям настоящего декрета — считаются отмененными.

(«Archives parlementaires», I série, t. XLIX, p.p. 75—77).

55. Монтаньяры требуют решительных мер.

Колблющееся настроение жирондистов, принявших революцию 10 августа, но боявшихся вместе с тем всяких решительных мер, необходимых для укрепления ее завоеваний, меньше всего соответствовало тому катастрофическому положению, в котором Франция очутилась к концу августа 1792 года перед лицом победоносно наступавшего противника. Видя это и ясно сознавая грозящую революции опасность, монтаньяры берут дело обороны в свои руки. Главная роль в этом деле пала на долю Дантона, единственного монтаньяра — члена Временного Исполнительного Совета и в особенности на Парижскую Коммуну, бывшую, наряду с секциями, важнейшей цитаделью монтаньярского влияния в Париже.

I. Речь Дантона в Законодательном Собрании 28 августа 1792 года.

Временная национальная исполнительная власть поручила мне доложить Национальному Собранию о тех мерах, которые она признала необходимыми для спасения государства. В качестве народного министра, министра революции, я дам мотивировку этих мер.

Наши враги заняли Лонгви. Но Лонгви — это еще не вся Франция. Наши армии еще целы. Вы согласитесь, что опасения по поводу нашего положения сильно преувеличены, так как у нас еще есть армии.

Мощной конвульсией нам удалось сбросить деспотизм в столице; судорожным движением всей нации мы отбросим деспотов.

Вы отдали распоряжение о наборе 30 тысяч человек в парижском и соседних департаментах. Некоторые люди, побуждаемые наилучшими намерениями, не слишком подозрительные, вообразили в первый момент, что этот набор будет произведен только в Париже; они опасались, как бы центр революции не лишился своих лучших защитников. Это заблуждение было рассеяно и я могу заверить, что

секции прилагают величайшие усилия для набора своих контингентов. До сих пор велась поддельная война в стиле Лафайета; теперь вы должны начать войну настоящую — войну народов против деспотов. Настало время сказать народу, что он должен всей своей массой обрушиться на врага.

Когда корабль терпит крушение, экипаж бросает в море все, что может увеличить опасность. Точно также все, что может вредить нации, должно быть выброшено из ее недр, и все, что может послужить ей на пользу, должно быть передано в распоряжение муниципалитетов под условием вознаграждения собственников.

Наше положение таково, что все, что может служить к нашему спасению, должно быть пущено в ход. Исполнительная власть немедленно назначит комиссаров, чтобы воздействовать на общественное мнение в департаментах. Она полагает, что вы, в свою очередь, также должны избрать комиссаров, чтобы совместное действие представителей обеих властей привело к благодетельным и быстрым результатам.

Мы предлагаем вам объявить, что каждому муниципалитету вменяется в обязанность собрать всех граждан, какие только у него есть, способных носить оружие, снарядить их, снабдить всем необходимым и немедленно отправить на границы.

Мы еще раз просим Собрание разрешить домашние обыски для подсчета имеющегося у граждан оружия.

До сих пор держали закрытыми ворота столицы, и на это были серьезные основания. Важно было захватить изменников, но если нужно их арестовать даже в числе 30 тысяч, то надо, чтобы это было сделано завтра же, и чтобы завтра же Париж мог выступить сообща со всей Францией. Муниципалитеты должны получить полномочие задерживать всех подозрительных, но весь народ должен завтра же встать на вашу защиту и беспрепятственно поддерживать связь с жителями Парижа.

Разве мы имеем право ждать врага, укрывшись за стенами города, если наш авангард будет разбит?

Мы все должны пойти навстречу ему! Без этих мер, без обращения к народу, вы ничего не достигнете.

В Париже должно иметься 80 тысяч годных к употреблению ружей. Прекрасно! Надо, чтобы те, кто вооружен, помчались к границам.

Как народы, завоевав свободу, пользовались ею? Они устремились навстречу врагу, а вовсе не ждали его. Что сказала бы вся Франция, если бы Париж в оцепенении ждал прихода врагов?

Французский народ захотел быть свободным и он будет свободным. Скоро сюда придут значительные силы. В распоряжение муниципалитетов предоставят все, что будет необходимо, обязавшись перед собственниками возместить причиненный им ущерб. Все принадлежит отечеству, когда оно в опасности!

Итак, мы требуем, чтобы вы дали нам полномочия производить домашние обыски, чтобы раздать защитникам отечества оружие, скрытое злонамеренными или глупцами, распорядиться, затем, открытии ворот Парижа и о возобновлении сношений с соседними департаментами при сохранении закона о паспортах.

В заключение, просим Собрание избрать из своей среды комиссаров и пусть они, совместно с исполнительной властью, призвуют граждан от имени отечества на его защиту.

(Дантон. «Избранные речи», стр. 5—6).

II. Речь Дантона в Законодательном Собрании 2 сентября 1792 года.

С чувством глубокого удовлетворения я, как министр свободного народа, спешу сообщить вам радостную весть о том, что спасение отечества не за горами. Вся Франция пришла в движение, все горят желанием сразиться.

Вам уже известно, что Верден еще не в руках неприятеля; вы знаете, что гарнизон поклялся уничтожить всякого, кто посмеет заговорить о сдаче. Все граждане столицы разделятся на три отряда: одни, готовые двинуться к границам, — это те, кто имеет оружие, — другие будут рыть окопы, третьи составят огромную массу, оцетинившуюся пиками; их делом явится защита города.

Париж готов всецело поддержать великие усилия народа. Сейчас, когда я говорю с вами, комиссары Коммуны выпускают торжественное воззвание, призывающее граждан вооружиться и идти на защиту родины. В этот решительный момент, господа, вы можете открыто признать, как велика заслуга Парижа перед всей Францией, в этот момент Национальное Собрание должно стать подлинным военным комитетом.

Мы просим вашего содействия в нашей работе; помогите нам направить по должному пути этот великий народный подъем, назначьте дельных комиссаров, которые будут нам помогать в этих великих мероприятиях. Мы требуем смертной казни для тех, кто откажется идти на врага или выдать имеющееся у него оружие. Необходимы меры беспощадные; когда отечество в опасности, никто не имеет права отказываться служить ему, не рискуя покрыть себя бесчестием и заслужить имя предателя отчизны. Мы требуем, чтобы были изданы инструкции, указывающие гражданам их обязанности. Мы требуем, чтобы были посланы курьеры во все департаменты — оповестить граждан обо всех декретах, издаваемых вами. Набат, уже готовый раздаться, прозвучит не тревожным сигналом, — но сигналом к атаке на наших врагов. Чтобы победить их, господа, нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость — и Франция будет спасена!

(Дантон. «Избранные речи», стр. 5—6).

56. Парижская Коммуна организует оборону (из постановления Совета Парижской Коммуны 2 сентября 1792 г.).

К оружию, граждане, к оружию!.

Враг у наших ворот!

В виду того, что прокурор Коммуны сообщил об ужасной опасности и изменах, грозящих отечеству, о бедственном положении города Вердена, осажденного в данный момент врагами и который еще до конца недели будет, может быть, в их руках.—

Генеральный Совет постановляет:

1. Заставы будут немедленно закрыты.
2. На всех лошадях, могущих быть годными для лиц, отправляющихся к границам государства, будет наложен арест.
3. Все граждане должны быть готовы выступить по первому сигналу.
4. Все граждане, которые по своему возрасту и болезненному состоянию не могут немедленно выступить — доставят свое оружие в секции для того, чтобы им можно было вооружить малоимущих граждан, желающих отправиться на фронт.
5. Все подозрительные лица, а также и те, которые из трусости откажутся выступить — будут немедленно разоружены.
6. 24 комиссара немедленно отправятся к армиям, чтобы сообщить им настоящее постановление и в соседние департаменты, дабы пригласить их присоединиться к своим парижским братьям и вместе выступить против врага.
7. Военный Комитет будет заседать непрерывно. Его заседания будут происходить в здании Коммуны в зале б. королевы.
8. Для того, чтобы осведомить граждан об угрожающих отечеству опасностях, будут немедленно произведены тревожные выстрелы из пушек и во всех секциях будет пробита тревога.
9. Национальное Собрание и Временный Исполнительный Совет будут заблаговременно извещены о настоящем постановлении.
10. Члены Генерального Совета немедленно отправятся в свои секции, чтобы сообщить о настоящем постановлении. Они в энергичных выражениях изобразят перед своими согражданами угрожающие отечеству неминуемые опасности и окружающую нас и грозящую нам измену; они ярко обрисуют им опасности, угрожающие свободе и напомним, что французская земля занята неприятелем. Они заставят их почувствовать, что целью наших врагов является возвращение нас к самому позорному рабству; они внушат им, что наш долг — лучше погибнуть под развалинами отечества, чем претерпеть все это и что мы должны отдать наши города только тогда, когда они превратятся в груды пепла.
11. Настоящее постановление должно быть немедленно отпечатано, опубликовано и расклеено.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XVII, p.p. 407—408).

57. Сентябрьские дни (письмо наблюдательного комитета Парижской Коммуны к провинциальным муниципалитетам от 3 сентября 1792 года).

Необычайное волнение, царившее в Париже в конце августа и в начале сентября 1792 г., вылилось, по получении известия о том, что Верден осажден пруссаками, и что в случае его взятия, дорога на Париж будет открыта, в форму чисто стихийного нападения толпы на тюрьмы, в которых находились арестованные в конце августа контр-революционеры, и избития этих последних.

Братья и друзья!

Двор составил страшный заговор, чтобы погубить всех французских патриотов; в этом заговоре замешано большое число членов Национального Собрания. Вследствие этого, Парижская Коммуна была вынуждена, в силу печальной необходимости, 9 числа прошлого месяца вновь вызвать к действию народные силы, чтобы спасти нацию, при чем она не пренебрегла ничем для того, чтобы заслужить благодарность отечества, что и было засвидетельствовано самим Национальным Собранием. Но кто же мог подумать? С тех пор были тайно составлены новые, не менее ужасные, заговоры. Они были обнаружены в тот самый момент, когда Национальное Собрание, забыв, что оно только что возвестило о спасении Парижской Коммуны отечества, поспешило в награду за ее пылкие гражданские доблести ее распустить. Но народные вопли, поднявшиеся со всех сторон при этом известии, заставили Национальное Собрание почувствовать настоятельную необходимость соединиться с народом и, отменив декрет о роспуске, возвратить Коммуне ту власть, которой оно ее наделило.

Парижская Коммуна, гордая тем, что она пользуется полнотою народного доверия, которое она будет стараться все более и более заслужить, находясь в самом центре всех заговоров, полная решимости принести себя в жертву общественному благу, лишь тогда будет гордиться тем, что она всецело выполнила свой долг, когда добьется вашего одобрения, составляющего предмет ее мыслей в котором она будет уверена только тогда, когда все департаменты одобряют меры, принятые ею для спасения общественного блага.

Исповедуя принципы самого неограниченного равенства, не помышляя ни о каких других привилегиях, кроме привилегии быть первой в борьбе, Парижская Коммуна постарается ступеваться до уровня самой маленькой коммуны государства в тот момент, когда отечеству не нужно будет более опасаться устремившихся к столице полчищ кровожадных приверженцев старого режима.

Парижская Коммуна спешит уведомить своих братьев во всех департаментах, что часть содержащихся в тюрьмах кровожадных заговорщиков убита народом. Это явилось актом справедливости, который казался народу неизбежным, чтобы посредством террора удержать легионы изменников, спрятавшихся в стенах города в тот момент, когда народ выступал против неприятеля. Нет сомнения, что весь народ, претерпевший целый ряд измен, приведших его на

край пропасти, поспешит одобрить эту необходимую для общественного спасения меру, и все французы воскликнут, как это уже сделали парижане: «Мы идем против врага, но мы не оставим позади себя разбойников, которые могут погубить наших жен и детей!».

Братья и друзья! Мы ожидаем, что многие из вас примчатся к нам на помощь и помогут нам отбросить бесчисленные легионы прихвостней деспотов, поклявшихся погубить французов. Вместе с вами мы спасем отечество и разделим славу удержания нашей родины на краю обрыва.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XVII, p.p. 432—434).

58. Жирондисты готовятся к нападению.

Сентябрьские события вызвали у жирондистов, как и следовало ожидать, ужас и негодование. Не решаясь, однако, вследствие недостаточности своих сил, на открытое нападение (известно, что еще до этих событий, декрет Законодательного Собрания о роспуске Парижской Коммуны был аннулирован им самим), жирондисты, одобряя для видимости только что происшедшие события, на самом деле готовят нападение на Коммуну и монтаньяров и пытаются в этих целях использовать панику, царившую в это время в Париже. Во главе этого движения становятся несколько преданных жирондистам крупнобуржуазных секций, выставивших лозунг организации межсекционного союза, направленного к охране «безопасности лиц и имуществ».

I. Петиция секции Ломбар Законодательному Собранию от 8 сентября 1792 г.

Законодатели! Граждане и гражданки секции Ломбар, всегда покорные зову отечества, явились в полном составе в святилище законов, чтобы поклясться защищать свободу и равенство и заявить, что они до последней капли крови будут поддерживать безопасность лиц и собственности.

Страшная, но справедливая и необходимая народная месть обрушилась на голову преступников и заговорщиков; народ положил предел этой мести, но мы знаем, что тайные агитаторы, которые прячутся среди нас под личиной гражданственности, хотят, чтобы эти ужасы достигли порогов наших жилищ. Но пусть они трепещут — граждане всех секций заключили святой охранительный союз, они приняли под свою защиту безопасность имуществ и лиц. Наши глаза раскрыты, мы бодрствуем, мы будем искать и найдем всех преступников, которые вводят в заблуждение народ, преследуют граждан, поддерживают разбой и анархию, способствуют назреванию гражданской войны; мы будем их преследовать и, об'явив их предателями и изменниками отечества, предадим их в руки того самого закона, который они хотели уничтожить и его меч явится справедливым мстителем за граждан и свободу.

Законодатели! Вы знаете, что различие во мнениях отделило от нас некоторых заблудших и обманутых граждан, но зов отече-

ГОРА и ЖИРОНДА

Первые бои.

59. Открытие Национального конвента.

I. Речь Дантона в заседании Национального конвента 21 сентября 1792 года.

Прежде чем высказать свое мнение о том, с чего должно начать свою деятельность Национальное Собрание, я прошу позволения сложить перед вами полномочия, вверенные мне Законодательным Собранием. Я получил их под грохот орудий, которыми жители столицы громили деспотизм.

Теперь, когда произошло соединение армий, когда произошло объединение представителей народа, я должен отказаться от своих прежних полномочий министра; теперь я только доверенный народа и в качестве такового я говорю сейчас с вами.

Вам предложили принять присягу; действительно, необходимо, чтобы вы в сознании громадной ответственности, принятой вами на себя, объявили в торжественной декларации народу, каковы те чувства и принципы, которыми вы будете руководствоваться в своей работе. Вспомните, граждане, как вело себя первое Национальное Собрание, все несовершенство изданных им законов, его соглашение с тиранией. Не может существовать иной конституции, кроме той, какая текстуально и путем примененного голосования будет принята большинством первичных собраний.

Вот что вы должны объявить народу. Тогда исчезнут все ложные призраки диктатуры, нелепые слухи о триумvirате, весь этот вздор, придуманный для запугивания масс, так как конституционным законом будет признано лишь то, что будет принято самим народом.

После этой декларации вы должны будете принять другую, не менее важную для дела свободы и общественного спокойствия.

До сих пор народ всячески возбуждали, так как надо было его поднять на борьбу с тиранами, надо было дезорганизовать деспотизм. Теперь необходимо, чтобы законы были так же беспощадны к тем, кто посмеет посягнуть на завоевания народа, как был беспощаден сам народ, уничтожая тиранию.

Необходимо, чтобы закон наказывал всех виновных, и тогда народ будет вполне удовлетворен.

Многие, даже самые честные граждане, выражали опасения, что пылкие друзья свободы способны нанести непоправимый вред общественному порядку, сделав преувеличенные выводы из своих принципов. Итак, решительно откажемся здесь от всяких крайностей, провозгласим, что всякого рода собственность—земельная, личная,

ства их пробудил, они снова проявили энергию, приличествующую свободному человеку, они пришли к нам, чтобы откровенно заявить о своих ошибках и броситься в наши объятия. Братство нас воссоединило и посреди вас, пред алтарем отечества, мы клянемся быть единомышленными! Эти граждане придут к нам в наше собрание, они научатся вместе с нами честно служить отечеству, защищать его священные интересы, и ненависть к тиранам займет в их сердцах место рядом с любовью к свободе.

Законодатели! Уничтожьте же источник столкновений, пусть исчезнут проскрипционные списки — эти антигражданские петиции, известные под названием «двадцати тысяч» и «восьми тысяч», и пусть от них не останется другого следа, кроме нашего великодушия и раскаяния их подписавших.

Законодатели! Девятьсот наших братьев из секции Ломбар, вооруженные и обмундированные, спешат в этот момент с двумя пушками, чтобы вступить в бой с рабами, которых коронованные разбойники с большим трудом привели из глубин севера.

Среди нас находятся несчастные швейцарцы, мы считаем их своими братьями и они будут вместе с нами сражаться с врагом. Да, законодатели, на зло тиранам и вы и мы все останемся свободными, мы в этом клянемся и да погибнет тот трус, который осмелится нарушить эту клятву!

Законодатели! Шесть тысяч наших сограждан, все готовые защитить вас своими телами, ожидают чести продефилировать перед вами; снизойдите к их нетерпению и примите самую лучшую награду за ваши труды — благословение народа.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XVII, p.p. 448—449).

II. Постановление Законодательного Собрания.

Национальное Собрание, принимая во внимание, что в момент, когда все французы берутся за оружие для защиты свободы и равенства, все чувства должны слиться в единой любви к родине, а ненависть исчезнуть,—

постановляет, что оригиналы так называемых петиций, двадцати тысяч и восьми тысяч, а также и других, подобных им, петиций подлежат сожжению.

Национальное Собрание приглашает всех граждан, у которых найдутся отпечатанные экземпляры этих петиций, уничтожить таковые и объявляет всех, стремящихся сделать из них какое-либо употребление, врагами должествующей отныне вопариться братской солидарности всех французов.

(Mortimer—Ternaux. «Histoire de la terreur», t. IV, p. 8).

промышленная—должна на вечные времена остаться неприкосновенной.

Вспомним затем, что нам необходимо все пересмотреть, все переиздать, что и сама Декларация Прав не совсем безупречна и что она должна подвергнуться пересмотру истинно свободного народа.

(Дантон. Избранные речи, стр. 6—7).

II. Постановления Национального конвента
21 сентября 1792 года.

А.

Национальный Конвент постановляет:

1.—Не должно существовать иной конституции, кроме той, которая будет принята народом.

2.—Личность и собственность находятся под охраной французского народа.

В.

Национальный Конвент объявляет, что неотменные законы временно остаются в силе; лица, не отрешенные от должности, остаются при исполнении своих обязанностей; государственные налоги, ныне существующие, будут взиматься попрежнему.

В.

Национальный Конвент постановляет, что монархия во Франции отменяется.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XIX, p. p. 16, 17, 18).

60. Жирондисты переходят в наступление.

Если первый день существования Национального конвента демонстрировал не столько наличность расхождения между жирондистами и монтаньярами, сколько общность их позиций по некоторым вопросам (республика и собственность), то такое положение вещей не могло, само собой разумеется, быть мало-мальски продолжительным. Расхождение интересов крупной и мелкой буржуазии было в этот момент слишком глубоко, чтобы между ними могло наладиться соглашение, и уже в следующие же дни жирондисты переходят в яростное наступление против монтаньярской фракции Конвента и в особенности против ее основного ядра—парижской делегации во главе с Робеспьером.

I. Речь Бюзо в заседании Национального конвента 24 сентября 1792 года.

Среди страстных волнений, вызванных в этом собрании предложением гражданина Керсена¹, я должен сохранить хладнокровие.

¹ Предложение жирондиста Керсена заключалось в том, чтобы Конвент избрал четырех депутатов, имеющих целью «выяснить положение государства и столицы» и представить на рассмотрение Конвента меры, необходимые для упрочения общественного спокойствия и отпущения за нарушенные права человека (под этим подразумевались сентябрьские убийства).

приличествующее свободному человеку: нельзя называться республиканцами и в то же время сохранять монархический образ мыслей. Нас хотели заставить упустить из виду вопрос, о котором идет речь. Будучи чужд волнениям Парижа, я пришел сюда в надежде сохранить свою независимость и хотел бы знать, чего я должен ожидать или бояться. О чем идет речь в предложении гражданина Керсена? Прежде всего—о том, чтобы ознакомить каждого из нас с современным состоянием как республики, так и столицы. Вот первый пункт, относительно которого я требую сведений. Второй пункт заключается в том, чтобы узнать, существуют ли законы против тех, кто призывает к убийствам. Существуют законы против тех, кто призывает к поджогам, а если запрещено поджечь мой дом, то не является ли такой же драгоценностью моя собственная жизнь? Не является ли такой же драгоценностью моя честь? И мы также пришли сюда с республиканской душой, но она не способна склониться перед угрозами и насилиями людей, цели и намерения которых нам неизвестны. Я не присутствовал при принесении клятвы, объявляющей Францию республикой, но когда в 1791 году еще боялись думать об этом, я уже был на своем посту и голосовал за республику.

Нам нужна общественная сила, чтобы заставить выполнять законы, и не в этом ли заключается сущность просьбы министра внутренних дел, того министра, который, несмотря на направленную против него клевету, все же является в моих глазах, а также и в глазах департаментов, одним из лучших людей Франции?

То, чего я добиваюсь—это создание общественной силы, в которой будут участвовать все департаменты; ведь я принадлежу Парижу столько же, сколько и другим департаментам. Вот мое пожелание, настойчиво выраженное, которое не удастся подавить путем декламации тех, кто говорит о пруссаках и которых я не имею чести знать, так как проживал на покое в моем департаменте. Необходимо, чтобы истина была услышана; необходимо, чтобы мы, действительно, знали положение Парижа; необходимо, чтобы в то время, когда мои братья направляются к границам, я бы знал хорошо ту среду, среди которой я нахожусь. Я говорю, что необходимо издать закон против бесчестных людей, которые убивают исподтишка потому, что они слишком трусливы, чтобы открыто нападать. Я требую, чтобы были назначены четыре или шесть комиссаров для ознакомления с положением Парижа и 83 департаментов, для предложения проекта закона, но не кровожадного (я всегда поднимал голос против издания кровожадных законов и спорил с Мирабо, бывшим творцом закона о военном положении); я высказываюсь за издание закона милостивого, который, успокаивая добрых граждан, наказывал бы только негодяев. Я требую, чтобы Национальный Конвент был окружен столь внушительной силой, чтобы не только нам самим нечего было бы больше бояться, но и чтобы в этом были твердо убеждены и наши департаменты.

Неужели же думают сделать нас рабами некоторых из депутатов Парижа? Я употребил это выражение, и оно не является слиш-

ком сильным. Я требую, чтобы Конвент рассмотрел этот вопрос и чтобы нас перестали изображать врагами народа в то время, когда мы хотим лишь установить правительство, которое бы обеспечило народу спокойствие и дало бы ему хлеб.

(Bucheux et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XIX, p. p 61—63).

II. Из письма министра внутренних дел Ролана Национальному конвенту.

... Я знаю, какие нам предстоят бури. Враги свободы напрасно рычат вокруг нас; они чувствуют, что нас нужно атаковать в нашей же среде; они соединяют все свои усилия, чтобы нас разединить, они распространяют тревогу, они возбуждают алчность, они пользуются обстоятельствами, чтобы волновать народ, они сеют тревогу по поводу продовольствия для того, чтобы приостановить его подвоз, вызвать голод и восстание. Люди пылки, быть может заблуждающиеся, считают свои страсти добродетелью и, полагая, что принести пользу свободе могут только они одни, желают сохранить для себя все преимущества. Вследствие этого они сеют недоверие ко всем властям, не ими учрежденным, доносят на всех не ими избранных, говорят только об измене, не желают ничего кроме волнений, парализуют меч закона, чтобы на его место поставить нож гильотины. Они делают из своей смелости право, из страха, который они стараются внушить, они создают себе оплот; они жаждут силы, власти, которыми, по их мнению, они одни способны надлежащим образом пользоваться. Они хотят довести дело до анархии и до распада государства, несчастье которого состоит в том, что оно не имеет граждан, способных распознать этих людей и остановить их.

Сколько виновен был бы человек, стоящий по своим силам или способностям выше этой безумной орды, который бы захотел заставить ее служить своим честолюбивым намерениям, который бы, то с видом великодушной снисходительности прощал ей ее заблуждения, и смягчал ее эксцессы, то с внешней суровостью, поднимаясь против нее, чтобы простить ей еще более мрачные дела, всегда тайно покровительствовал бы ей, льстя ее заблуждениям, возбуждая ее гнев и направляя ее шаги!

Таковы были приемы всех узурпаторов от Суллы до Риенци; таковы опасности, которые следуют за революциями. Они не являются и теперь чем-то своеобразным, но вытекают из природы вещей; их нужно узнать, наблюдать, чтобы с ними бороться — вот долг основателей свободы.

Вам говорили о проектах диктатуры и триумvirата. Эти проекты существовали, ибо такие проекты возникают всегда, когда ниспровергается тирания. Это ее последняя попытка, это — форма, под которой она пытается возродиться в то время, когда всеобщая ненависть осуждает ее на смерть; она прикрывает свое отвратительное лицо маской патриотизма, но ее поступки ее выдают: видно, что она

привлекает к себе, чтобы подчинить и что она преследует всех тех, пронизательного взора которых она боится.

Меня обвиняют в недостатке мужества и в том, что я внес в министерство проект покинуть Париж¹. Что касается первой части этого обвинения, то я спрошу: в чем было больше мужества в печальные дни, последовавшие за вторым сентября — доносить об убийствах или защищать убийц? Известно, как я выполнил свой долг, какая участь была мне приготовлена и с какой твердостью я ее ждал. Что касается второй части обвинения, то я его громко отрицаю, призывая в свидетели моих коллег, обвиняемых вместе со мной. Неправда, что никто из нас не подал голоса за оставление Парижа, но то, что соответствует действительности и что являлось мудрым и необходимым, — это то, что мы обсуждали вопрос о нужных для блага государства мерах, которые следует принять в случае приближения неприятеля к Парижу; мы обсуждали, не следует ли включить в число этих мер удаление принадлежащих всей Франции Национального Собрания, государственного казначейства, исполнительной власти и самого короля, и не будет ли спасение Парижа более обеспечено эвакуацией тех предметов, нападение на которые, их рассеяние и уничтожение является главной целью врага? Конечно, этот важный вопрос заслуживал быть предметом обсуждения, и мы были бы недостойными народа министрами и бездарными администраторами, если бы не сочли нужным предвидеть все это и распространить наши заботы по обороне по ту сторону стен Парижа. Клевещут на народ те люди, которые думают, что он обрек бы на общую погибель вместе с ним все средства, остающиеся еще для служения Франции. Население Парижа знает, что государство не заключается только в нем, что оно может существовать и без него, и на краю пропасти, даже мужественно бросаясь в нее, — оно все же спасло бы своими собственными руками все то, что могло бы послужить на благо Франции.

Без сомнения, Париж оказал большие услуги свободе, и потому нельзя позволить слепцам и подкупленным людям, чтобы ее там задушили и заковали в цепи во имя народа, который они ввели в заблуждение. Именно потому Париж должен ограничить себя одной восьмьюдесят третьей долей влияния, так как более значительное влияние могло бы возбудить опасения, а ничто не было бы вреднее для Парижа, как недовольство и недоверие департаментов. Именно потому, что Париж оказал услуги свободе, необходимо обеспечить ему пользование ею путем полного равновесия и самого тесного единения между всеми частями государства. Поэтому не следовало бы допускать, чтобы какая-нибудь депутация, как бы многочисленна она ни была, претендовала получить над Конвентом какое бы то ни было влияние. Хорошие законы могут являться плодом лишь мудрого и зрелого обсуждения, а таковое может иметь место лишь при наличии полной независимости и самой неограни-

¹ Это обвинение было выставлено Дантоном.

ченной свободы мнений. Вот почему Конвенту нужна вооруженная сила, которая бы принадлежала не Парижу и не какому бы то ни было другому городу, а всей республике, ибо Конвент есть представительство всей республики, и он не может быть подчинен какой-либо части республики без того, чтобы это не оказалось чем-то чудовищным, уродливым, затруднительным и приносящим неисчислимые бедствия.

Таковы истины, которые необходимо высказать, потому что они касаются безопасности, мира и благоденствия Франции.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XIX, p. p. 150—153).

III. Из речи Луве в заседании Национального конвента 29 октября 1792 года.

Уже с января месяца можно было заметить у якобинцев партию, слабую численно и по своим способностям, но сильную дерзостью и безнравственностью; партию, которая вошла в нашу среду, чтобы прикрасить нашим славным именем свое не без оснований внушающее подозрение имя; чтобы, захватив то имущество, которое мы добыли, присвоить его себе; чтобы пропагандировать в нашем более удобном, чем их, помещении, учение, выдаваемое ими за наше; чтобы исказить наше учреждение; чтобы утомить, преследовать, беспокоить всякого, кто решился бы возвратиться к первоначальной чистоте этого учреждения, теперь столь жалкое, что у него, поистине, ничего не остается, кроме названия, которым захватчики злоупотребляют, чтобы удержать в нем и провести в него несколько жестоко обманутых порядочных людей. В январе месяце, глубокомысленные и блестящие прения, прославившие нас и оказавшие нам услуги в Европе, сменились жалкими дебатами, чуть не погубившими нас, и тогда, среди глубоко справедливых обвинений, которыми преследовали предательский двор, они начали бросать жестокие обвинения и против достойной левой части Национального Собрания—обвинения, зерно которых должно было развиться, когда наступит момент для ничем не прикрытой клеветы. Хотя никто не должен был иметь особых привилегий, можно было видеть человека, желавшего говорить всегда, говорить непрерывно, говорить исключительно одному и не для того, чтобы просветить членов общества, но для того, чтобы вызвать между ними постоянно вспыхивающие раздоры, а в особенности — для того, чтобы быть услышанным несколькими сотнями зрителей, аплодисментов которых он хотел добиться какой бы то ни было ценою. По произведенному заранее уговору, его сторонники, чередуясь между собой, выступали тот или иной декрет, того или иного члена левой части Собрания на поругание легковверных зрителей или, наоборот, стремились вызвать их восхваление в отношении человека, которому некоторые пылкие говоруну постоянно воздавали хвалу, если только этого не делал он сам. Мы же, оставшиеся в небольшом количестве вследствие многочисленных оскорблений, которыми нас

забрасывали, мы, постоянные наблюдатели, несмотря на беспрестанно возобновлявшееся преследование, мы выходили из этого собрания, подавленные грустью и изумлением гораздо больше, чем беспечностью. Наши глаза еще не были раскрыты, и мы ограничивались жалобами на человеческие слабости некоторых людей, которых мы считали лишь снедаемыми завистью и которые все же сумели окружить себя некоторого рода уважением.

Но перейдем теперь к эпохе, когда тираны были ниспровергнуты, к эпохе конца августа и начала сентября. Вот тогда-то увидели человека, который руководил якобинцами и затем избирательным собранием, произносящим речи против такого-то философа, такого-то писателя, такого-то оратора-патриота. Тогда-то увидели посредственных интриганов, провозглашавших Робеспьера единственным добродетельным человеком во Франции и уверявших, что спасение отечества должно быть вверено только тому, кто расточал самую низкую лесть несколькимстам граждан, которых вначале называли народом Парижа, затем просто народом, а затем—сувереном; человеку, которого всегда слышали говорящим о своих заслугах, о своем совершенстве, о своих бесчисленных добродетелях, которыми он был преисполнен, и который после того, как восхвалял могущество народа, его суверенитет, никогда не упускал случая прибавить, что народ — это он сам. Это была хитрость столь же грубая, сколь преступная, хитрость, которой пользовались все узурпаторы от Цезаря до Кромвеля, от Суллы до Массанбеля. Тогда все, не желавшие остаться в ослеплении, должны были прозреть. Людям, становившимся все более наглými в их клеветнических преследованиях, все более пресмыкавшимися в своей низкой угодливости, все более бесстыдными в своем смехотворном обоготворении — этим людям стало невозможно носить долее маску.

Казалось бесспорным, что между этими людьми существовало тайное соглашение, целью которого было обратить подготовляющуюся революцию в свою пользу, так как оно стремилось ниспровергнуть народное представительство. Оказав содействие при ниспровержении королей, они сами захотели сделаться королями. В это время мы, старые члены почти разрушенного общества, верные принципам равенства, изыскивали революционное средство для нанесения удара предательскому двору и для сохранения доверия к двумстам с чем-то депутатам левой части Законодательного Собрания, доверия, по справедливости заслуженного благодаря их характеру и поведению, доверия, столь необходимого для сохранения центра, к которому могли бы примкнуть истинные друзья свободы. Мы шли вперед с твердым решением никогда не примиряться с тем, чтобы святую любовь к отечеству подменяли обоготворением одного человека, и с тем, чтобы никогда не соглашались на унижение величия народа. Мы льстили себя надеждой, что воля народа, победив прежних тиранов, сумеет справиться и с тиранами новыми.

Они, правда, в день 10-го августа способствовали в некоторой мере падению того, кого под различными именами они жаждали заменить, но полезность их помощи достаточна ли для того, чтобы смыть пятно преступления? Нет, свобода, чистая, как и ее неразлучная спутница — добродетель, отвергает всех тех, кто служит ей из-за недостойных ее побуждений! Наконец, как оставить безнаказанным заговор, когда видишь, что заговорщики снова злоумышляют?

Но возвратимся ко дню 10-го августа. Вы знаете, что честь этого дня они приписывают только себе. Остается только удивиться, каким образом люди, считающие себя защитниками народа и беспрестанно восхваляющие его благоразумие и силу, осмеливаются претендовать на то, что без их слабой поддержки, народ был бы побежден? Революция 10-го августа есть дело всех; она принадлежит предместьям, которые все целиком восстали, и мужественным федератам, которых в свое время некоторые люди не хотели допустить в Париж и против призыва коих высказывался тогда Робеспьер. Революция принадлежит мужественным депутатам, которые под шум артиллерийских залпов декретировали отрешение Людовика XVI, обновили министерство и издали много других заранее приготовленных декретов; она принадлежит великодушным воинам Бреста и мужественным детям гордого Марселя.

Ну, а революция 2 сентября? Жестокосердые заговорщики, эта революция принадлежит вам! Они сами гордятся ею, они сами с жестоким презрением называют нас только патриотами 10-го августа, оставляя за собой звание патриотов 2-го сентября. О, пусть остается это различие, вполне достойное того рода мужества, которое им свойственно! Пусть оно остается нам в оправдание, а им — на вечный позор!

Итак, мы дошли до этой злополучной эпохи. Прежние друзья народа захотели свалить на него все те ужасы, которыми запечатлена эта роковая неделя, и тем самым нанесли ему самое ужасное оскорбление. Я знаю народ Парижа, я жил с ним: он велик и вместе с тем, как все мужественные люди, добр и милостив: он с трудом сносит оскорбление, но великодушен после победы. Я разумею здесь не ту часть народа, которую вводят в заблуждение, но громадное большинство граждан Парижа, предоставленных самим себе. Этот народ умеет сражаться, но не убивать. Правда, что его видели в Тюльерийском дворце в великий день 10-го августа, но ложь, что он был перед тюрьмами в ужасный день 2-го сентября. А внутри тюрем — сколько там было людей? Едва ли не двести человек. А сколько было зрителей снаружи, привлеченных совершенно непонятным любопытством? Едва ли вдвое больше. Если у вас есть на этот счет какие-либо сомнения, спросите об этих фактах добродетельного человека — Петюна, который сам рассказал мне об этом. Но подождите, — если народ не принимал участия в этих убийствах, то почему он им не противился? Почему?

Потому, что охранительная власть Парижа была связана; потому, что Ролан говорил совершенно впустую; потому, что тогдашний министр юстиции совсем не говорил; потому, что председатели 48 секций, все готовые подавить беспорядки, ждали на то приказания, которого главный начальник так и не дал; потому, что муниципальные чиновники в своих шарфах присутствовали при этих ужасных событиях.

Но Национальное Собрание — почему оно, говорят, не помешало этим преследованиям? Законодательное Собрание! Бессилие в которое оно в это время впало, сказывается во всех преступлениях, о которых я вам сейчас говорю и это бессилие является самым большим из преступлений, содеянных заговорщиками. Авторитет Законодательного Собрания не признавался, он был унижен наглым демагогом, который являлся в Собрание, чтобы диктовать ему декреты, шел в Генеральный Совет, чтобы доносить на Национальное Собрание, доходил даже до комиссии двадцати одного, угрожая ей ударить в набат.

Какими путями надеялись они выполнить свое великое назначение? Теми же самыми, какими шли до сих пор. Невероятно возгордившись произведенными убийствами, они жаждали новых убийств для завершения террора, а также для того, чтобы устранить тех, кто в эти дни разрушения, будучи более привязан к свободе, чем к жизни, пытался оказать сопротивление тому влиянию, которого они добивались. Можно было видеть проскрипционные списки с именами многочисленных патриотов, которые лишь на мгновение были ослеплены и введены в заблуждение¹; уже жаждали имущества и крови огромного числа осужденных и в течение сорока восьми часов царил всеобщий ужас, что могут подтвердить тридцать тысяч приведенных в отчаяние семейств. Каждый дрожал за своих близких; жены и дети в слезах приходили, заклиная нас спасти жизнь их отцов и мужей. Увы, просить нас помешать этим убийствам — это значило упрекать нас в тех, которые уже были совершены! И как мы могли им помешать? Ведь мы сами находились под угрозой кинжалов! Все те, кто мужественно и бескорыстно защищали интересы народа, подвергались клевете, преследованию и угрозам. Оскорбительные домашние обыски, не предвещавшие ничего хорошего, были сделаны у самых энергичных республиканцев, из одного имени которых заговорщики хотели сделать ругательство². Предписания об аресте были приготовлены в отношении всех тех, кто осмелился поднять голос, кто осмелился заставить слышать слова правды и, к величайшему ужасу, в отношении самого Ролана, этого достойного и мужественного министра, который стоит выше всяких похвал. Когда я видел столь много губительных для свободы жесто-

¹ Т.-е. лица, подписавшие петиции двадцати тысяч и восьми тысяч.

² Ролан и Бриссо, по именам коих тогда называли жирондистов («роландисты» и «бриссотинцы»).

костей, я спрашивал себя: уж не приснилась ли мне наша победа 10-го августа и, быть может, герцог Брауншвейгский со своими контр-революционными когортами вступил уже в наши стены? Нет, это были лишь жестокие заговорщики, желавшие скрепить кровью свою нарождающуюся власть. Варвары — они сами сознались, что им нужны были 28 тысяч голов! И тогда я снова вспомнил о Сулле, который начал с убийств презираемых граждан и который затем заставил выставлять перед трибуной для речей и перед Форумом головы самых знаменитых граждан. Так шла к своей цели эта дезорганизаторская партия, сопровождаемая террором и предшествуемая пасквилями кровожадного человека¹. Заговорщики двигались по развалинам ими же разрушенных властей, но на их пути стали решительные люди, поклявшиеся именем Брута не потерпеть дольше одного дня установления диктатуры.

Робеспьер, я обвиняю тебя в том, что ты в течение долгого времени клеветал на самых честных патриотов; я обвиняю тебя в этом, так как считаю, что честь гражданина, и в особенности представителя народа, тебе более не принадлежит. Я обвиняю тебя в том, что ты оклеветал этих людей в ужасные дни первой недели сентября, т. е. в такое время, когда твоя клевета была равносильна проскрипции; я обвиняю тебя в том, что ты, поскольку это от тебя зависело, не признавал, унижал и преследовал народных представителей и заставлял других не признавать и умалять их авторитет. Я обвиняю тебя, что ты постоянно представлял из себя объект почтения, что ты позволял, чтобы в твоём присутствии на тебя указывали как на единственного добродетельного человека во Франции, могущего спасти народ. Я обвиняю тебя в том, что ты, посредством всякого рода интриг и угроз, диктовал свою волю избирательному собранию парижского департамента; я обвиняю тебя, наконец, в том, что ты явно стремился к высшей власти, что доказывается как приведенными мною фактами, так и всем твоим поведением, которое больше дает для твоего осуждения, чем все мои слова. Предлагаю, чтобы расследование поведения Робеспьера было передано какому-либо комитету.

Но среди вас находится еще другой человек¹, имя которого не осквернит моих уст, которого мне незачем обвинять, так как он сам себя обвинил, не побоявшись сказать вам, что по его мнению нужно снять еще двести пятьдесят тысяч голов. Он сам признался в том, что призывал к ниспровержению правительства; и этот человек находится еще в вашей среде! Франция возмущена этим, а Европа изумляется вашей столь продолжительной слабости. Я требую, чтобы вы сделали постановление о возбуждении обвинения против Марата и чтобы Комитету Общественной Безопасности было поручено обследовать поведение Робеспьера и некоторых других; я требую, чтобы к этим мерам общего характера (ибо, когда дело идет о заговоре, то

¹ Марат.

мера, поражающая главарей, является мерой общего характера) вы присоединили еще некоторые меры, специально согласованные с тем положением, в котором вы находитесь. Ведь, их заговоры лишь отсрочены на некоторое время; они хотят за вами наблюдать, ибо приняли вашу снисходительность за слабость...

Я предлагаю вам немедленно заняться обсуждением законопроекта, направленного против тех, кто призывает к убийствам. Я предлагаю, чтобы министру внутренних дел было дано право, в случае беспорядков в Париже, собрать всю вооруженную силу, находящуюся в пределах департамента и представить ее в распоряжение Конвента, который обсудит, что надлежит делать дальше. Я настаиваю на том, чтобы вы сейчас же сделали постановление о возбуждении преследования против человека, преступления которого доказаны, и верьте мне: ради вашей чести, ради блага отечества вам не следует расхотиться не учинив над ним суда.

(Buche et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XIX, p. p. 425—436).

61. Что означали требования жирондистов.

I. Из речи Кутона в якобинском клубе 12-го октября 1792 г.

Граждане, никогда истинные друзья народного верховенства и счастья нации не нуждались так в объединении. Не будем скрывать от себя: в Конвенте существуют две партии.

Есть другая партия — людей остроумных, ловких, интриганов и в особенности крайне честолюбивых; они хотят республики потому, что таково общественное мнение, но сами хотят аристократии, хотят, чтобы их влияние было вечно, чтобы в их распоряжении были места, должности и в особенности казна республики. Разве мы не имеем уже тысячи доказательств тому? Посмотрите на раздачу мест, она целиком зависит от этой партии. Посмотрите на состав конституционного комитета, что особенно заставило меня прозреть. Этой партии, добывающей свободы только для себя, надо нанести решительный удар! Для этого, граждане, необходимо, чтобы люди действительно, безупречные и испытанные, твердо решили это и затем объединились. Где же? Здесь, чтобы сконцентрировать для этого средства. . . . Первая мера, которую надо принять, — это помешать провести проект об учреждении так называемой гвардии для охраны безопасности Национального Конвента, проект, предложенный комиссией по очень веским причинам. В первую минуту я с ним согласился: я думал, что он установит еще одну братскую связь между департаментами: к тому же он был направлен к укреплению единства республики. Но состав конституционного комитета открыл мне глаза. Я вижу в этом проекте только одну цель — создать известное боевое ядро. Правда, теперь

требуют только 4.500 человек, но могут ввести народ в заблуждение, вызвать волнения и предложить Конвенту увеличить это число до 10-ти, 12-ти, 15-ти и 30-ти тысяч; тогда эта партия будет располагать средством, с помощью которого сможет по своему выбору препятствовать или содействовать любому постановлению; тогда верховная власть народа будет сведена на-нет, и получится аристократия должностных лиц. . . . Я умоляю моих товарищей по Конвенту объединиться здесь, сговориться для борьбы с этой кликой; я несколько не боюсь за себя, но очень опасаясь за отечество; надо избавиться от этих интриганов, составляющих несчастье Республики!

(Жорес. «Конвент. вып. I, Республика» стр. 292—293).

II. Из «Журнала Французской Республики» Марата, № 20.

Величайшую трудность представляет определение способа, могущего вывести французов из той анархии, в которую они с каждым днем все глубже и глубже погружаются, и лишь глубокий политик может разрешить эту проблему. «Это сделает Национальный Конвент», — скажут мне простаки-обыватели. Всей душой желаю ему успеха, но, ведь, ясно же, что к этому успеху нельзя прийти тем путем, который он избрал. «Ведь он же хочет добра», — воскликнут иные: я это знаю, но, чтобы сделать его, еще недостаточно одного желания, а надо знать способ, как его осуществить. А в этом-то отношении у Конвента как раз и нет плана действий, и он всецело поддается влиянию шайки из Учредительного Собрания и Легислативы, во главе которой находится клика из департаментов Жиронды и Устьева Роны.

Педант Бюзо, формалист Лакруа, раздражительный Гаде, вероломный Бриссо, двуличный Жансонне и лицемер Рабо — вот душа этой банды. Не буду говорить здесь о Кондорсе; говорят, что он ушел из этой шайки, которую он презирает так же, как Антуан и Базир. Пусть бог сжалится над их душами на том свете; я же помилую их в этом, лишь бы только они не пали еще глубже. Ничего не скажу я и о мерзавце Горса, ни о Мишель-Морэн-Барбару, который на всех заседаниях занимается распространением постановлений совета заговорщиков, раздавая поручения на выполнение все новых и новых мошеннических проделок.

Постепенно все более и более развращаясь и развращая, эта лицемерная и варварская шайка, или, вернее, ее подлые вожаки, давно уже задумывают столь же гнусные, сколь и пагубные проекты. Когда властвовал двор, эта шайка способствовала его преступным покушениям, подставляя шею под его ярмо; с 10-го же августа она сгорает честолюбием. Ее упрекают в стремлении добиться министерских кресел, но это не основательно. Я не скажу, что она предпочитает назначать министров, вместо того, чтобы добиваться этих должностей для себя, но замечу лишь, что шайка эта состоит больше чем из тридцати членов, и их алчности могло бы быть предоставлено

всего шесть мест, которые служили бы вечным яблоком раздора, соперничества и борьбы. Нет, не для овладения кормилом государственного управления замышляют они свои козни, но для того, чтобы стать полными хозяевами в своих городах — таков проект, который удовлетворяет честолюбие всех этих мелких интриганов.

Среди заговорщиков двух предыдущих Собраний, одни, сожалея о своем прежнем могуществе, взволнованы опасностью увидеть уничтоженной всю их работу; другие, оплакивая потерю своей популярности, силятся увлечь Национальный Конвент за пределы Парижа, где их так хорошо разоблачили и где они так хорошо известны; вожди же шайки Жиронды и Устьева Роны злоумышляют и днем и ночью, как бы расколоть государственное единство, образовать федеративную республику, водворить на развалинах монархии — аристократию, захватить первые места в своих городах, сосредоточить в своих руках всю власть, привести к процветанию места своего рождения и заставить превозносить себя как спасителей отечества.

Эти честолюбивые планы, задуманные в большом масштабе, обсуждались на тайных совещаниях еще до созыва Конвента. Для успешного их выполнения нужно было, прежде всего, объединиться с исполнительной властью, которая держит в своих руках все пружины государственного механизма. Соответственно этому организовали они эту власть 10-го августа, возвратив туда трех своих креатур и назначив в состав правительства своих сообщников, присоединив к ним человека, пользовавшегося любовью народа. После этого нужно было поработать над тем, чтобы парижане потеряли уважение в глазах своих департаментских собратьев. Клевета, окутанная ненавистью, притеснениями и произволом, — обычнейшее оружие негодяев — распространилась с трибуны Легислативы и из канцелярии Ролана во все части государства, чтобы по поводу бедственных событий 2 и 3 сентября расписать Парижскую Коммуну как какую-то орду каннибалов.

Ведь именно против муниципалитета и его наблюдательного комитета были направлены наиболее ядовитые стрелы. Во множестве распространенных пасквилей и в афишах, республикованных по всем муниципалитетам еще до того, как они были опубликованы в Париже, расписывали членов муниципалитета 10-го августа, которые спасли Францию, как узурпаторов, захвативших всю власть, произвол которых посеял якобы повсюду ужас и смуту. Целая сотня сообщников-заговорщиков, впутанная неизвестно кем в дело, протестует против мнимых незаконных арестов, мнимых оскорблений, мнимых покушений. Гаде, Верньо, Ласурс, Лакруа, оглашают своды законодательного корпуса своими лживыми заявлениями, требуя отрешения членов муниципалитета и восстановления их контр-революционных предшественников. Каждый день приходит Ролан и причитывает, рассказывая одни и те же выдумки, домогаясь все того же роспуска муниципалитета. . . . ; за одной клеветой следует ряд новых.

Тайные приказы Ролана привели во многих департаментах к аресту комиссаров парижского муниципалитета. Вскоре после этого от различных административных управлений приходят угоднические доносы, объявляющие этих комиссаров угнетателями, ворами, убийцами. Момент, кажется, благоприятным для того, чтобы погубить депутатов Парижа. Бриссотинская шайка нападает на них в стенах Конвента, обвиняя в стремлении к триумвирату, к трибунату, к диктатуре. Едва только «Друг Народа» разрушил этот заговор, как шайка тотчас же организует новый, имеющий целью похоронить Наблюдательный Комитет под тяжестью ужасных обвинений. Она инкриминирует ему расхищения, произвольные аресты, клевету на законодательный корпус. Ее прихвостни из комиссии 24-х нагромождают клевету за клеветой. Но истина все-таки торжествует, и шайка, отброшенная в свое последнее убежище, вынуждена распространять тревогу посредством рокового проекта окружения Конвента войсками, преторианской гвардией, следуя в этом обычаю тиранов. Их цель — возбудить смуту в Париже, обвинить мирных жителей в беспорядках, устраиваемых сговорившимися с ними мятежниками, запугать честных, но слабых депутатов относительно их личной безопасности, кричать о ниспровержении государства, поднять департаменты против Парижа и доставить самим себе повод бежать из его стен и увлечь за собою Национальный Конвент. Таков роковой исход, который они всячески провозглашают для того, чтобы основать федеративную республику, но этот исход будет предотвращен парижанами посредством их сдержанности, выдержки и благоразумия. К этому — во имя общественного спасения — призывает их «Друг Народа», неизменно изображаемый предателями как зажигатель и заговорщик.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XX, p. p. 34—38).

Катастрофа в Бельгии.

Крутой поворот моптаньяров направо, обозначившийся в конце февраля 1793 г. в результате выступления «бешеных», был оборван печальными событиями, происшедшими в первых числах марта на внешних фронтах Республики. Причиной этих событий была неудачная политика Конвента в отношении оккупированных французскими войсками областей.

70. Декрет Национального конвента 15 декабря 1792 года об оккупированных местностях.

После побед при Вальми и Жемаппе, одержанных французами над прусско-австрийскими войсками осенью 1792 года, союзники были вынуждены не только оставить захваченную ими территорию, но и эвакуировать Бельгию и часть юго-западной Германии. В связи с этим для Франции возник вопрос о способе управления оккупированными местностями, который и был разрешен декретом 15 декабря.

Ст. 1. В областях, занятых или имеющих быть занятыми войсками Французской Республики, генералы немедленно же обязуются провозгласить от имени французской нации об уничтожении существующих налогов или контрибуций, отмене постоянных и случайных феодальных прав, личной или имущественной крепостной зависимости, исключительного права охоты; об упразднении дворянства и вообще каких бы то ни было привилегий. Они объявят народу, что принесли ему мир, помощь, братство, свободу и равенство.

Ст. 2. Они провозглашают суверенитет народа и уничтожение всех существующих властей; затем они созовут народ на первичные или общинные собрания для создания и организации временной администрации; они опубликуют, распространят и приведут в исполнение в каждой общине на местном языке или наречии прокламацию, приложенную к настоящему декрету.

Ст. 3. Все агенты и чиновники прежнего правительства, равно как и лица, почитавшиеся прежде знатыми или состоявшие членами какой-либо корпорации, считавшейся ранее привилегированной, не будут допускаться (но только во время первых выборов) к занятию временных административных или судебных должностей.

Ст. 4. Генералы немедленно возьмут под покровительство и протекторат Французской Республики все движимые и недвижимые имущества, принадлежащие казне, государю, его единомышленникам, сторонникам и добровольным приверженцам, равно как и общественным учреждениям, духовным и светским общинам; они немедленно составят подробную их опись, перешлют ее в Исполнитель-

ный Совет и примут все зависящие от них меры для охранения означенного выше имущества.

Ст. 5. Избранной народом временной администрации вменяется в обязанность наблюдение за предметами, состоящими под покровительством и протекторатом Французской Республики и управление ими; она должна следить за исполнением действующих законов, касающихся гражданских и уголовных дел, полиции и общественной безопасности; ей поручается также устанавливать и производить как расходы на местные нужды, так и расходы, необходимые для совместной обороны; ей предоставляется право налагать контрибуции, но с условием, чтобы они не обременяли неимущую и трудящуюся часть населения.

Ст. 6. После того, как временная администрация будет организована, Национальный Конвент назначит из своей среды комиссаров для установления с нею дружеского контакта.

Ст. 7. Исполнительный Совет также назначит национальных комиссаров, которые немедленно же направятся на места, с тем, чтобы сговориться с избранной народом временной администрацией относительно мер, необходимых для совместной обороны, нахождения требующегося для армии Республики продовольствия и одежды и изыскания средств для покрытия уже сделанных и имеющих быть сделанными ими во время пребывания на данной территории издержек.

Ст. 8. Национальные комиссары, назначенные временной исполнительной властью, обязаны каждые две недели отдавать ей отчет о своих действиях, прилагая свои замечания; Исполнительный Совет может их принять или отвергнуть и, в свою очередь, обязан отдавать обо всем отчет Конвенту.

Ст. 9. Избранная народом временная администрация будет ликвидирована, а функции национальных комиссаров будут упразднены немедленно после того, как жители, провозгласив народный суверенитет, свободу и независимость, организуют свободный и демократический образ правления.

(Buche et Roux «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXI, p.p. 351—352).

71. Присоединение бельгийских областей (речь Дантона в Конвенте 31 января 1793 г.).

Применение декрета 15 декабря вызвало сильное недовольство со стороны населения оккупированных местностей. Но это не только не послужило на пользу Конвенту, но, напротив того, заставило его пойти дальше по тому же рискованному пути, вытекавшему, впрочем, из совокупности обстоятельств момента и, в частности, из острой пужды Франции в средствах на дальнейшее ведение войны. Мотивировка этой политики была дана Дантоном, бывшим одним из комиссаров в Бельгии, в его речи 31 января.

Не только от своего имени, но и от имени бельгийских патриотов и комиссаров Конвента, находящихся в Бельгии, я пропущу вас

вынести такое же постановление, какое вы вынесли по поводу Ниццы¹.

Я не рассчитываю на ваш энтузиазм, но исключительно на ваш разум, на желание соблюсти интересы Французской Республики.

Я ожидал услышать доклад вашего дипломатического комитета; в сущности, что нового мог бы он дать? Декретировав временное государственное устройство Бельгии соответственно французским законам, разве вы тем самым уже не решили вопроса о ее присоединении? Что сказать о политике великого народа, который, даря свободу другому народу, дал бы ему государственное устройство, соответствующее принципам этой свободы, и затем предоставил бы его собственным силам? Такое поведение было бы преступным, оно было бы убийственным.

Вы совершили великое дело одним тем, что сказали народам, населяющим Бельгию, особенно область Льежа: мы вас организуем по нашему образцу. Этим самым вы дали им уверенность в том, что согласитесь на присоединение их к Франции, когда они вам это предложат. Отлично! Сегодня они предлагают вам это почти единогласно, всесторонне обсудив вопрос о том, чего они могут бояться и на что они могут рассчитывать.

Я утверждаю, что напрасно высказываются опасения по поводу чрезмерного расширения Республики. Ее границы определены самой природой. Мы ограничены ею со всех четырех сторон горизонта — со стороны Рейна, со стороны океана, со стороны Альп и Пиренеев. Границы нашей республики должны закончиться у этих пределов, и никакая сила на земле не помешает нам достигнуть их.

Вам угрожают короли; вы объявили им войну, вы бросили им перчатку, и этой перчаткой была голова тирана.

Мы приближаемся к тому великому моменту, когда весь мир увидит последний мощный подъем вашей энергии. Этот подъем восторжествует над всем.

Нам угрожают: Англия собирается с силами и готова напасть на нас; и все же свобода воцарится и в этой стране.

В тот день, когда вы назначите, следуя данному совету, комиссаров Национального Конвента, которые опросят все коммуны Республики: «Сколько у вас людей? Сколько у вас оружия? Сколько у вас припасов?»—тогда вы сможете бросить всю Францию на ваших врагов.

Можете ли вы еще колебаться относительно приказа, которого требует чувство справедливости и гуманности? Не нужно никаких докладов там, где все уже известно, где все исчерпано.

Не заблуждайтесь; простолюдин и земледелец Бельгии хотят этого присоединения; для доказательства я вам приведу один пример: мы появились в Намюре на собрании временных представителей. Жителей деревни ввели в заблуждение по поводу смысла вашего

¹ Декретом того же дня бывшее Ницское графство было присоединено к Франции.

декрета. Когда мы разъяснили честным жителям деревни, этим добродетельным земледельцам, этим истинным сынам родины и свободы, что они все получили избирательное право, они поняли, что изгнание касалось только врагов свободы, они приветствовали вашу мудрость и потребовали выполнения вашего декрета от 15 декабря.

Можно сказать еще больше: результат отмены феодальных прав и податей, установленных деспотизмом, таков, что мы были вынуждены выставить вооруженную силу для охраны сборщика прежних податей, так как народ требовал возврата налогов, которые он платил тирании. Так что же, скажете вы, что эти люди не созрели для свободы, что они не понимают своих интересов?

Интересы народа заключаются в том, чтобы не позволять угнетать себя, в том, чтобы не служить своим трудом тиранам. Если они вполне сознают свои права и интересы, они достойны присоединения к нам.

Обратите внимание на то, что от немедленного присоединения буквально зависит торжество свободы в Бельгии, потому что излюбленный метод приверженцев старого режима заключается в том, чтобы уверить население в вашем нежелании прибегнуть к этой мере. И только благодаря колебаниям слабых умов, благодаря их страхам по поводу этой аннексии, усиливается австрийская партия в Брюсселе.

Пусть присоединение Льежа станет фактом! Как только эта весть дойдет до Бельгии, к вам со всех сторон устремятся аналогичные петиции; тогда мы введем французские законы: священники и мятежные аристократы будут изгнаны из свободной страны, и после этой чистки у нас будут новые люди, новые средства — будут истинные республиканцы. Европа увидит, что наши принципы не химеричны, так как мы даем этому доказательства. Осуществите присоединение и вы приобретете в бельгийцах людей достойных вас, людей, которые покончат с приверженцами Австрии и соединят свое оружие с нашим для разгрома общих врагов. Я предлагаю Национальному Конвенту декретировать присоединение Льежской провинции к Французской Республике.

(Дантон. «Избранные речи», стр. 26—28).

72. Декрет Национального конвента от 1 февраля 1793 года об объявлении войны Англии и Голландии.

Тяжелое положение, сложившееся для Франции в результате войны, экономического кризиса и затруднений в оккупированных областях, усугубилось еще присоединением к числу ее прежних врагов (Австрия, Пруссия и Сардиния) еще Англии и Голландии, а затем и Испании. Приводим текст декрета об объявлении войны Англии и Голландии.

Национальный Конвент, выслушав доклад своего комитета общей обороны относительно поведения английского правительства по отношению к Франции;

принимая во внимание, что английский король не переставал, особенно после революции 10 августа 1792 г., давать французской нации доказательства своего недоброжелательства и приверженности к коалиции коронованных особ;

что около этого же времени он отозвал из Парижа своего посла, не желая признавать Временный Исполнительный Совет, созданный Законодательным Собранием;

что Сент-Джемский кабинет одновременно с этим прервал сношения с французским послом в Лондоне под предлогом отречения бывшего короля французов;

что со времени открытия Национального Конвента он не пожелал ни поддерживать обычных сношений между этими двумя государствами, ни признать власти этого Конвента;

что он отказался признать посла Французской Республики, не взирая на то, что последний был снабжен надлежащими верительными грамотами;

что он пытался препятствовать закупкам зерна, оружия и других товаров, производимых в Англии как французскими подданными, так и агентами Французской Республики;

что он приказал задержать несколько барж и кораблей, груженных зерном для Франции, в то самое время, когда, вопреки содержанию договора 1786 года, экспорт его продолжал производиться в другие чужеземные страны;

что для того, чтобы воспрепятствовать еще более ощутительным образом коммерческим операциям Республики в Англии, он посредством парламентского постановления запретил обращение ассигнаций;

что, в нарушение статьи 4-ой договора 1786 года, он заставил этот же парламент в течение января настоящего года издать постановление, подчиняющее французских граждан, как постоянно живущих в Англии, так и приезжающих туда, в высшей степени инквизиторским, притеснительным и угрожающим их безопасности, формальностям;

что в то же самое время, вопреки содержанию ст. 1-ой мирного договора 1786 года, он оказывал покровительство и денежную помощь эмигрантам и даже вождям бунтовщиков, уже сражавшихся против Франции;

что, находясь с ними в постоянных сношениях, явно направленных против французской революции, он точно таким же образом поступал по отношению к вождям мятежников в западных колониях Франции;

что с той же самой целью и без малейшего к тому повода, во время, когда все морские державы находятся в состоянии мира с Англией, Сент-Джемский кабинет издал приказ о значительном вооружении морских и увеличении сухопутных сил;

что приказ об этом вооружении был издан в тот самый момент, когда английское министерство с ожесточением преследовало всех

сочувствующих в Англии принципам французской революции и употребляло при этом всевозможные средства как в парламенте, так и вне его, для того, чтобы покрыть бесчестием Французскую Республику и навлечь на нее проклятие английской нации и всей Европы;

что цель этого вооружения, как направленного против Франции, не скрывалась даже в английском парламенте;

что, не взирая на то, что Временный Исполнительный Совет Франции употреблял все меры для сохранения мира и братства с Англией и на клевету и нарушение договоров отвечал лишь требованиями, основанными на принципах справедливости, выраженными с достоинством, присущим свободным гражданам, — английское министерство упорно проводило свою систему недоброжелательства и враждебности, продолжало вооружение и отправило эскадру по направлению к Эско, имеющую целью помешать французским операциям в Бельгии;

что, узнав о казни Людовика, он нанес величайшее оскорбление Французской Республике, приказав французскому послу в восьмидневный срок покинуть территорию Великобритании;

что английский король явно выказал, как свою приверженность к делу этого изменника, так и свое намерение поддерживать это дело посредством всевозможных распоряжений, изданных в момент его смерти и касающихся назначения генералов для сухопутной армии, значительного увеличения, с разрешения английского парламента, сухопутных и морских сил и вооружения канонерских лодок;

что его секретное соглашение с врагами Франции, и в частности с императором и Пруссией, только-что дополнено договором, заключенным 1 января текущего года;

что он вовлек в эту коалицию штатгальтера Соединенных Провинций; что этот последний, рабская преданность которого по отношению к приказам, исходящим от Сент-Джемского кабинета и из Берлина, более чем ясно выявилась за все время революции, вопреки обещанному им нейтралитету, — с презрением относился к агентам Франции, притеснял французских патриотов, препятствовал их действиям и освободил, вопреки принятому обычаю и не взирая на просьбу французского министерства, поддельвателей фальшивых ассигнаций; что в последнее время, для того, чтобы содействовать враждебным намерениям лондонского двора, он издал приказ о морском вооружении, назначил адмирала, приказал голландским кораблям присоединиться к английской эскадре, объявил заем для покрытия связанных с войной расходов и препятствовал экспорту во Францию, содействуя в то же самое время снабжению прусских и австрийских интендантств;

принимая, наконец, во внимание, что все эти обстоятельства не оставляют Французской Республике никакой надежды добиться путем дружественных переговоров удовлетворения ее жалоб и рас-

сматривая все акты британского двора и Голландии как враждебные и равноценные объявлению войны, —

Национальный Конвент постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Национальный Конвент от имени французской нации объявляет, что, вследствие многочисленных вышеприведенных доказательств враждебности и недоброжелательства, Французская Республика объявляет себя в состоянии войны с английским королем и штатгальтером Соединенных Провинций.

Ст. 2. Национальный Конвент поручает Временному Исполнительному Совету развернуть кажущиеся ему необходимыми силы для отражения нападения и сохранения независимости, достоинства и интересов Французской Республики.

Ст. 3. Национальный Конвент уполномочивает Временный Исполнительный Совет использовать морские силы республики так, как того, по его мнению, требуют интересы государства, и отменяет все особые распоряжения предшествующих декретов по этому поводу.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXIV, p.p. 201—207)

73. Поражение в Бельгии (из донесений бельгийских комиссаров комитету обороны Национального конвента).

Недовольство бельгийского населения французской оккупацией, бывшее естественным следствием политики Национального Конвента, грозило французам самыми опасными последствиями в случае хотя бы незначительного поражения их на фронте. Это и случилось в начале марта 1793 г., когда произошли события, представление о которых дают нижеследующие отрывки из донесений французских комиссаров в Бельгии.

I.

Льеж, 2 марта.

Мы прибыли в Льеж в 6 часов утра и только-что получили сведения, что наш авангард сегодня ночью был вынужден эвакуировать Аахен и отступить в направлении Эрве, куда мы завтра отправляемся. Это поражение, всех подробностей о котором мы еще не имеем, вызвало здесь настроение, последствия коего могут оказаться чрезвычайно плачевными...

*Госсуэн, Делакруа, Мерлен
(Из Дуэ).*

II.

Льеж, 3 марта.

...Все находится в ужасном состоянии; армия, отступившая от Аахена, почти совершенно разгромлена. Завтра, а может быть и сегодня ночью, неприятель будет в Льеже, том самом Льеже, где

сосредоточены все наши склады и где имеются громадные сокровища. Мы говорим это со слов самого генерала Баланса Мы стараемся остановить бегущих, мы употребляем все усилия в отношении временной администрации и граждан, чтобы льежский народ нас поддержал и помог прекратить панику нашей армии. Опасности, вытекающие из этой паники, тем более велики, что неприятель обладает значительной кавалерией, которой мы почти совершенно лишены...

*Госсюэн, Делакруа, Мерлен
(Из Дуэ).*

(Jaurès, La «Convention», t. II, p. p. 1086—1087).

Мартовские дни.

74. Монтаньяры требуют энергичных мер.

Известие о катастрофе в Бельгии разом оборвало обозначившийся в конце февраля поворот монтаньяров вправо, ибо связанная с поражением на внешнем фронте грозная опасность требовала принятия самых энергичных мер, проведение которых, при неподлежавшей сомнению оппозиции жирондистов, было возможно лишь при самом тесном контакте с народными массами Парижа. Эти соображения определили собой всю тактику монтаньяров в начале марта 1793 года.

4. Из протокола заседания Генерального Совета Парижской коммуны 8 марта 1793 года.

По открытии заседания Совет постановил внести в протокол декрет, в силу которого Национальный Конвент приглашает всех граждан, способных носить оружие, поспешить на помощь своим братьям в Бельгии¹.

Мэр даст отчет о происходящем в Париже. Он приказал закрыть все театры и пробить сбор, чтобы пригласить всех граждан собраться по своим секциям для выслушания комиссаров, направленных туда Конвентом.

Заместитель прокурора Коммуны зачитывает следующий проект воззвания, редакция которого одобряется:

«К оружию, граждане, к оружию!

«Если вы промедлите, все будет потеряно. Большая часть Бельгии захвачена; Аахен, Льеж, Брюссель находятся в настоящее время, вероятно, во власти врага.—Тяжелая артиллерия, обоз, армейское казначейство быстро отступают к Валансену, единственному городу, могущему на некоторое время задержать врага; все то, что не сможет отступить — будет сброшено в Маас. Дюмурье побеждает в Голландии, но если значительные силы его не поддер-

¹ Вот текст этого декрета: «Национальный Конвент, выслушав доклад своих бельгийских комиссаров, постановляет, что избранные из его среды комиссары сегодня же отправятся во все сорок восемь секций Парижа, с целью осведомить их о настоящем положении армии, дабы напомнить всем способным носить оружие гражданам, принесенную ими клятву о том, что они будут поддерживать свободу и равенство до последнего издыхания и для увещания их именем отечества устремиться на помощь их братьям в Бельгии».

жат, то Дюмурье и вместе с ним лучшая часть французской армии может погибнуть.

«Парижане, представьте себе размеры опасности; можете ли вы допустить, чтобы враг пришел сюда опустошить землю свободы, сжечь ваши города и деревни? Парижане, против вас прежде всего направлена эта гражданская война; хотят убить ваших жен, ваших детей, а самый Париж превратить в пепел. Вспомните, что наглый Брауншвейгский поклялся не оставить в Париже камня на камне!—

«Парижане, спасите еще раз общественное дело, еще раз подайте пример!—Поднимайтесь, вооружайтесь, выступайте—и банды рабов отступят перед вами! Необходимо еще одно последнее усилие, необходимо нанести страшный удар, последний удар, необходимо, чтобы эта кампания решила судьбу мира, необходимо устранить, уничтожить королей. Люди 14-го июля, 5-го октября, люди 10-го августа—проснитесь!

«Ваши братья, ваши сыны, преследуемые и, быть может, окруженные врагом, взывают к вам; ваши братья, ваши сыны, убитые 10-го августа, на равнинах Шампани, под обломками сожженного Лиля, ваши братья убитые в Жеманне, взывают к вам: поднимитесь, вам нужно за них отомстить!—

«Пусть все оружие будет снесено в секции, пусть все граждане соберутся туда, пусть они поклянутся спасти отечество, и да будет оно спасено!

«Горе тому, кто вздумал бы колебаться! Пусть завтра же тысячи людей выйдут из Парижа; теперь идет смертный бой между людьми и королем, между рабством и свободой!».

Мэр предлагает, чтобы над зданием Коммуны было поднято знамя, возвещающее, что отечество в опасности, и чтобы на вершине архиепископской церкви было вывешено черное знамя.

Генеральный Совет одобряет эти меры.—Он постановляет, что те из его членов, которые избраны для этой цели, немедленно отправятся по одному в каждую секцию, чтобы прочесть только-что принятое воззвание, и что завтра это же самое воззвание будет прочитано на всех перекрестках Парижа.

Полицейские чиновники докладывают муниципалитету, что в Париже все спокойно.

Депутаты секции Ломбар¹ являются сообщить, что эта секция заметила в воззвании, которое было ей прочитано, преувеличение в изложении фактов, могущее возбудить тревогу в гражданах.—Депутация предлагает, чтобы это воззвание не читалось завтра на улицах Парижа.—Мэр и прокурор Коммуны восстанавливают полный текст воззвания, несколько искаженный комиссарами и успокаивают опасения секции на этот счет.

Секция Санкюлотов требует, чтобы заставы были немедленно закрыты, дабы тусы, желающие избежать набора, не могли убе-

¹ Одна из крупнобуржуазных секций, поддерживавших жирондистов.

жать. В ответ на это требование, мэр ссылается на противоречащий этому закон.

Секция Бют-де Мулен постановила не выдавать никому паспортов, прежде чем набор не будет совершенно закончен.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p.p. 2—4).

II. Обращение Парижской коммуны к Национальному конвенту, оглашенное в заседании 9 марта 1793 года.

Граждане законодатели, республика может рассчитывать на непобедимую армию. Секции поднялись еще раз; многие из них хотят отправиться в полном составе; все они соперничают в желании принести наибольшую жертву. Отныне существует только одна страсть—любовь к отечеству. Энтузиазм столь велик, что вы будете вынуждены, быть может, его умерить.—Что касается нас, вынужденных в силу своих обязанностей, оставаться в городе, то мы будем заботиться о нуждах матерей, жен и детей, и вы поможете нам в этих почетных заботах.—Мы не забыли, что главную поддержку республики составляют нравы.

Генеральный Совет предложил выступить всем молодым людям из своих канцелярий. Они все внесены в списки и выступают. Совет постановил, что они будут замещены отцами семейств и что впредь ни один холостяк не будет принят в канцелярию Коммуны. Мы требуем от Национального Собрания, чтобы имеющиеся в настоящий момент в школах стипендии были предназначены специально для детей тех, кто отправляется к границам. Беднейший класс населения постоянно приносит жертвы; все, вплоть до последней капли крови, было отдано за свободу.—Настало время, чтобы богатый себялюбивец разделил те тяготы, которые до сих пор нес только бедняк. Мы предлагаем, чтобы с богатых был взят военный налог.

Таковы пожелания наших сограждан. Мы представляем их на ваше усмотрение и уверяем вас от их имени и от имени тех, кто остается, в их ненарушимой привязанности к Конвенту. В то время как одни пойдут утверждать триумф Республики вне ее пределов,—другие составят уважать законы внутри ее.—Нам поручено потребовать создания революционного трибунала, на решения которого нельзя было бы апеллировать; мы узнаем, что этот принцип положен в основу уже изданного декрета¹, и мы присоединяемся к нему. Секция Люксембург, помимо многочисленного набора воинов, послала Совету Коммуны сверх нормы отряд артиллеристов, которые оставляют свои ружья тем из своих братьев, которые отправляются в поход. Эти граждане были живо приветствуемы. Один из них встал и произнес фразу, которую мы должны передать вам

¹ См. ниже, стр. 223—225.

и даже всей Республике—он нам сказал: «Чтобы нас приветствовать, подождите нашего возвращения». Эти мужественные добровольцы просят оказать им честь, разрешив им продефилировать перед Конвентом.

(Bûche et Roux: «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p.p. 16—17).

75. «Бешеные» снова выступают на сцену.

Народное возбуждение, имевшее место в Париже в начале марта 1793 г. и связанное с известиями из Бельгии о полевые монтаньяров, не могли, конечно, не быть использованы «бешеными» в целях усиления их деятельности. Вот почему, наряду с приведенными выше монтаньярскими выступлениями этих дней, мы имеем в это же время ряд выступлений, явно связанных с деятельностью «бешеных».

I. Обращение председателя секции Пуассоньер к представителям Национального Конвента, явившимся на заседание секции 8 марта 1793 года.

Граждане!

Бывают обстоятельства, при которых военные неудачи обращаются на пользу Республики.

Стрела, поразившая наших братьев на фронте, затронула сердца всех французов.

Весь народ подымается и, как новый Геракл, он не положит оружия до тех пор, пока не сотрет с лица земли рабство и тиранию.

Законодатели, вы явитесь свидетелями этого великого усилия. И недалеко то время, когда побежденные и униженные деспоты склонят голову перед суверенным народом. Париж, и в особенности секция Пуассоньер, счастливы возможностью представить новые блестящие доказательства своей любви к свободе.

А теперь, представители народа, я должен изложить вам справедливые жалобы и нарекания присутствующих здесь граждан.

Конвент не развернул всей той энергии, которую народ был в праве ожидать от него. Бернонвиль ¹ не должен был достигнуть министерского кресла; он не пользуется народным доверием, и от имени настоящего собрания я прошу вас об его отставке.

Наши генералы не находились на своих местах, и вследствие их предательства наш авангард был на равнинах Бельгии принесен в жертву прихвостням тиранов.

Мы просим вас о предании суду Дюмурье ² и его штаба. Мы просим вас, чтобы декрет 15 декабря прошлого года, изданный в отношении Бельгии, был распространен на всю Республику, и чтобы ни один представитель ранее привилегированных классов не

¹ Военный министр.

² Известный своей близостью к жирондистам генерал, командовавший в это время французскими войсками в Голландии, а затем в Бельгии.

мог занять никакой общественной должности. Ответственность министров все еще является пустым звуком. Вампир государства, которого самое легкое из обвинений должно было давно привести на эшафот—Ролан—все еще жив. Мы просим вас издать декрет о предании его суду.

Другой, не менее опасный деятель, министр общественных платежей, этот прихвостень спекуляции, растрчивает на подлые цели взносы бедняков, предназначенные на поддержание государства. Он не пользуется доверием народа, и мы просим вас об его увольнении и предании суду. Мы просим Национальный Конвент отменить его роковой декрет, объявляющий деньги товаром. Мы просим Национальный Конвент, чтобы он исполнил свои обещания относительно наших волонтеров и не терпел больше, чтобы ассигнат, который они получают как пятилировый, на самом деле стоил только 45 су. Мы просим его о закрытии биржи, этого гнусного убежища всех кровопийц народа.

Мы просим его, чтобы он в благожелательном и полезном для народа духе разрешил продовольственный вопрос и чтобы спекуляция была навсегда изгнана из страны свободы.

Национальный Конвент далеко не свободен от упреков: он часто проходил мимо наиболее достойных его внимания петиций, исходивших от Парижской Коммуны и департаментов.

Народ не может смотреть без волнения на то, что многие из его уполномоченных недостаточно регулярно исполняют свои обязанности; заседания начинаются очень поздно, и эта беззаботность вызывает большие опасности для народного дела, так как благодаря ей имеет место неудачный выбор членов президиума. Секция с горем узнает, что Национальный Конвент избрал Жансонне своим председателем.

Граждане, передайте Национальному Конвенту, что народ находится на высоте революции и отнюдь не повинен в excessах, недавно произведенных его отдельными заблуждающимися членами. Передайте ему, чтобы он принял меры, достойные великого характера революции—и все народные движения прекратятся.

Народ поднялся еще раз; он хочет всей свободы полностью. Он получит ее, ибо он ее заслуживает. Пребывая в течение четырех лет без законов, без правительства; подвергаясь со всех сторон нападениям извне и оклеветанный, брошенный, преследуемый изнутри; преданный почти всеми своими вождями, продавшимися неприятелю; имея за собой лишь свои несчастья и свои добродетели; состоящий из великодушных граждан, отказывающихся от самых нежных привязанностей, бросающих отцов, матерей, сестер, жен и детей, чтобы лететь на защиту простирающей к ним свои руки родины и легко приносящих все жертвы с девизом:—свобода или смерть,—такой народ непобедим; это народ богов!

Граждане законодатели, секция Пуассоньер устремилась бы вся целиком к границам, если бы от этого не могли проистечь самые печальные последствия. Но она оторвет от своей груди возможно

большее число членов, а те, кто останутся, будут служить щитом для Национального Конвента и заставят уважать суверенитет народа в лице его представителей. Таковы пожелания членов настоящего собрания; возможно, что я кое-что пропустил, но присутствующие здесь граждане надеются на вашу энергию и на ваш патриотизм.

(Mortimer-Ternaux. «Histoire de la terreur», t. VI, p. 473—475).

II. Петиция секции Гравилье Национальному конвенту 9 марта 1793 года.

Секция Гравилье не даром поклялась защищать Республику; кровь наших братьев по оружию, окрасившая поля Жемаппа, возбуждает нашу смелость при виде опасности, угрожающей народному делу. Но если слава призывает нас к границам, то долг наш заключается в том, чтобы укрепить внутри Республики мир, свободу и благоденствие. Нация почтила вас своим доверием лишь для того, чтобы вы поддержали равенство посредством установления законов, приносящих выгоду не управляющим, а управляемым, не богатым, а трудящемуся и добродетельному классу общества; законов, основанных на принципах разума и вечной справедливости.

В течение всех четырех лет нашей революции—мы вам это смело говорим—свобода остается лишь пустым призраком.

Интриганы, вероломные люди и мошенники угнетают нас под сенью закона, порожденного гордостью и развращенностью, а декрет, объявивший деньги товаром, явился источником общественных бедствий, единственной предпосылкой, развращающей государство спекуляции, основанием для грабежа и барышничества, причиной дороговизны различных предметов первой необходимости.

Уполномоченные народа, настало время спасти Республику! Злейшие враги суть те, кто грабят и морят голодом народ и заставляют его приходиться в отчаяние; те же, кто терпит эти преступления, являются их соучастниками.

Неужели в то самое время, когда наши батальоны разворачивают на внешнем фронте знамя национальной мести, вы будете и дальше терпеть, чтобы жены и дети наших храбрых волонтеров стонали и издыхали под ударами аристократии богатства? Останетесь ли вы глухими к голосу граждан этого огромного города, коих друзья покойного короля, разделяющие ненависть эмигрантов и заговорщиков, пытаются подчинить посредством голода и нищеты, чтобы таким образом отомстить за их борьбу против тирании? А между тем,—вдумайтесь в это хорошенько,—свобода не может существовать без хороших законов, и нет равенства там, где один класс людей может безнаказанно морить голодом и предавать другой.

Уполномоченные народа, неужели же вы хотите, чтобы Франция поднялась вся целиком? Накажите смертью эгоистов, убивающих посредством монополии тех граждан, коих старость или недуг удер-

живают у их очагов! Обрушьте громы вверенной вам власти на головы тигров, ведущих торговлю, вредную для трех четвертей всех людей и накапливающих на своих складах предметы первой необходимости и продовольствия, на которые все люди имеют законное право с самого момента своего появления на свет!

Уполномоченные народа, ради спасения Французской Республики, мы просим вас об отмене декрета, объявившего деньги товаром!

Мы просим вас об издании репрессивных законов против спекуляции и барышничества. Мы просим вас о введении сбора, известного под названием военного налога, с тем, чтобы тот, кто имеет свыше 1.500 ливров дохода, платил одну четверть излишка сверх этой суммы, дабы поощрить отpravку волонтеров и доставить средства на содержание их жен и детей. Отечество в праве распоряжаться нами, но уполномоченные народа обязаны предоставить национальные богатства в распоряжение тех, кто находится в нищете, тех, кто страдает от отсутствия своих мужей. Они должны очистить Республику от изменников, наносящих ей смертельные удары своими ростовщическими стремлениями; они должны, наконец, узнать желание народа, исцелить его раны, удовлетворить его нужды и сделать все возможное для его счастья. Если они этого не сделают, то будут на век обесчещены и, подобно последнему французскому королю, умрут смертью предателей.

(Jaurès. La «Convention», t. II, p. 1092—1094).

76. Конвент становится на путь террора (Декрет 10 марта 1793 г. об учреждении Революционного Трибунала).

Перед лицом достаточно ясно обнаружившегося в эти дни решительного настроения парижского населения, жирондистам, поставленным перед угрозой полной изоляции, не осталось ничего другого, как присоединиться к монтаньярским требованиям энергичных мер для борьбы с нависшей над Республикой грозной опасностью. Вот почему предложение об учреждении Революционного Трибунала, выставленное Парижской Коммуной и секциями и поддержанное депутатами-монтаньярами, было принято Национальным Конвентом в его заседаниях 9 и 10 марта 1793 года.

Национальный Конвент, выслушав доклад комитета законодательства, постановляет нижеследующее:

Глава первая. О составе и организации Чрезвычайного Уголовного Трибунала.

Ст. 1.—В Париже учреждается Чрезвычайный Уголовный Трибунал, который будет ведать контр-революционными делами, всеми преступлениями против свободы, равенства, единства и нераздельности Республики, внешней и внутренней безопасности государственной власти, или же установление всякой другой власти, покушающимися на свободу, равенство и суверенитет народа, безотносительно к тому, будут ли обвиняемые гражданские или военные чиновники или же простые граждане.

Ст. 2.—В состав Трибунала будут входить присяжные заседатели и пять судей, которые будут вести следствие и применять закон согласно решения присяжных заседателей относительно фактов преступления.

Ст. 3.—Суд не в праве постановлять решения в составе менее трех человек.

Ст. 4.—Судья, избранный первым, будет председательствовать, а в случае его отсутствия—его место займет старейший по возрасту из остальных судей.

Ст. 5.—Судьи будут избраны Национальным Конвентом относительным большинством голосов, которое, однако, не должно быть меньше одной четверти голосующих.

Ст. 6.—При Трибунале будет находиться общественный обвинитель и два заместителя, избранные, как и судьи, Национальным Конвентом на тех же самых основаниях.

Ст. 7.—Национальный Конвент в следующем заседании назначит из числа граждан парижского и четырех соседних департаментов 12 граждан, которые будут выполнять обязанности присяжных заседателей, и четырех заместителей, которые будут замещать заседателей в случае их отсутствия, болезни или отвода. Присяжные заседатели будут выполнять свои обязанности до 1 мая, и Национальный Конвент позаботится их заменой и формированием нового состава, избранного из граждан всех департаментов.

Ст. 8.—Обязанности полиции общей безопасности, присвоенные муниципалитетам и административным учреждениям в силу декрета 11 августа прошлого года, распространяются и на все преступления и проступки, упомянутые в ст. 1-ой настоящего закона.

Ст. 9.—Все протоколы об обвинении, следствии и задержании будут направлены, в засвидетельствованных административными учреждениями копиях, Национальному Конвенту, который передаст их комиссии из своих членов, на обязанности которых будет рассмотреть таковые и сделать о них доклад.

Ст. 10.—Будет создана комиссия из шести членов, которой будет поручено рассмотрение всех документов, доклад о них, составление обвинительных актов, предявление этих актов, наблюдение за следствием, которое будет вестись в Чрезвычайном Трибунале, постоянная переписка с общественным обвинителем и судьями относительно всех дел, которые будут переданы в Трибунал, и представление отчета о них Национальному Конвенту.

Ст. 11.—Обвиняемые, которые заявят отвод против одного или нескольких заседателей, обязаны объяснить причину отвода в одном для всех отводимых заявлении, и Трибунал должен высказаться об основательности отвода в течение 24-х часов.

Ст. 12.—Присяжные заседатели будут выносить решение публично, громогласно, по абсолютному большинству голосов.

Ст. 13.—Решения будут приводиться в исполнение без права обращения к Кассационному Трибуналу.

Ст. 14.—Находящиеся в бегах обвиняемые, которые не явятся в течение трех месяцев по постановлению приговора, будут считаться эмигрировавшими и подлежащими соответствующим наказаниям, как в отношении их личности, так и имущества.

Ст. 15.—Судьи Трибунала изберут большинством голосов одного секретаря и двух судебных приставов. Секретарь будет иметь двух канцелярских служащих, допущенных судьями.

Глава вторая. О наказаниях.

Ст. 1.—Судьи Чрезвычайного Трибунала будут присуждать изобличенных в преступлениях обвиняемых к наказаниям, указанным в уголовном кодексе и последующих законах. Если же проступки окажутся несомненными, но будут относиться к категории тех, которые подлежат наказанию по суду исправительной полиции, то Трибунал все же определит наказание, не отсылая обвиняемых в полицейские суды.

Ст. 2.—Имущества присужденных к смертной казни будут переданы Республике, при чем вдовам и детям будет выдано пропитание, если они не имеют иного имущества.

Ст. 3.—Изобличенные в преступлениях или проступках, не предусмотренных уголовным кодексом и последующими законами, или наказание за которые не определено законом, если их антигражданское поведение и пребывание на территории Республики могут стать причиной общественных волнений и беспорядков,—будут присуждены к ссылке.

Ст. 4.—На Исполнительный Совет возлагается обязанность озаботиться нахождением помещения для Трибунала. Содержание судей, секретаря, канцелярских служащих и приставов будет таким же, какое было установлено для судей, секретаря, служащих и приставов уголовного трибунала парижского департамента.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p. 59—61).

77. Жирондисты против «бешеных» (Из речи Верньо в заседании Национального конвента 13 марта 1793 г.).

Если жирондисты, поставленные лицом к лицу с опасностью направленного против них восстания «бешеных», сочли за лучшее принять, как они ни были им неприятны, террористические предложения монтаньяров, то естественным продолжением этой тактики явилось стремление заключить с этими последними союз против «бешеных». Хорошо помня враждебное отношение монтаньяров к «бешеным», обнаружившееся в конце февраля, жирондисты теперь пытаются снова пробудить это настроение и с этой целью переходят против «бешеных» в яростную контратаку. Такова сущность принятой в эти дни жирондистами линии поведения, задача осуществления которой была возложена на Верньо.

...Я прошу разрешения изложить факты, относящиеся к большому заговору, главную нить которого случай помог нам вчера

вскрыть¹. Я умоляю Национальный Конвент разрешить мне сделать несколько разъяснений о средствах, употребляемых в течение многих месяцев аристократией, чтобы постепенно привести нас к гибели.

Постоянно окруженный клеветой, я воздерживался от появления на трибуне до тех пор, пока полагал, что не смогу выступить с надеждой быть полезным моей родине и что мое выступление может лишь содействовать возбуждению страстей. Но сегодня, когда мы все, по моему мнению, объединены чувством опасности, сделавшейся общей для всех; сегодня, когда Национальный Конвент в полном составе находится на краю пропасти, куда его вместе со свободой может навсегда сбросить самый легкий толчок; сегодня, когда посланцы Катилины не только показываются у ворот Рима, но и имеют наглую смелость прийти в это здание, чтобы развернуть знамя контр-революции²,—я не могу больше молчать, так как такое молчание могло бы превратиться в измену. Твердо решившись избежать личных нападков, недостойных меня и могущих внести беспорядок в собрание, я обращаюсь ко всем его членам с просьбой не делать выводов, от которых моя мысль далека,—я скажу все, что мне известно и все, что я считаю истинным. Я буду говорить, не опасаясь народа, так как народ любит истину. Я буду говорить без страха пред убийцами, так как убийцы трусливы и я сумею защитить от них свою жизнь.

Такова уже природа захватившего нас движения, что уже в течение долгого времени нельзя говорить об уважении к законам, к человечеству, к справедливости, к правам человека, завоеванных нами лишь в результате четырех лет борьбы, не будучи при этом причисленным, по меньшей мере, к интриганам, а чаще всего к аристократам и контр-революционерам. Наоборот, призывать к убийству, возбуждать к грабёжам—это самое верное средство получить от людей, захвативших руль общественного мнения, венок гражданственности и славное звание патриота. Таким образом, народ как бы разделен на два класса, из которых один, находясь в бреду, вследствие избытка экзальтации, к которому его привели, ведет себя изо дня в день к своей собственной гибели, а другой, пораженный оцепенением, влачит жалкое существование, напуганный террором, которому не видно конца.

Заблуждение столь глубоко, что было бы ошибкой приписывать февральские грабежи лишь временному ослеплению. Эти грабежи

¹ 12 марта в Конвент явилась депутация от секции Пуассоньер, с сообщением об ответе, данном 8 марта ее председателем делегатам Национального Конвента (см. выше стр. 220—222). Депутация эта была враждебно встречена не только жирондистами, но и монпаньярами.

² При приеме Конвентом, 12 марта, депутации секции Пуассоньер, было обнаружено, что на ее знамени вышиты белые лилии (символ монархии). Факт этот, чрезвычайно просто объясняющийся тем, что для изготовления трехцветных республиканских флагов употреблялись старые монархические (белые), был, однако, использован жирондистами для обвинения «бешеных» в контр-революции.

были последствием глубоко вкоренившегося мнения, ярко выраженного в некоторых речах, что эти покушения на собственность, эти насильственные действия, приведшие многие семьи к нищете, являются актами патриотизма и что все, относящиеся к этому с порицанием, являются низкими покровителями барышников.

Это пагубное заблуждение общественной мысли было косвенно поощряемо мерами, принятыми Конвентом, мерами, которые я не намерен подвергать оценке: политическая терпимость могла заставить их одобрить. Я хочу лишь сказать об амнистиях. В тот день, когда убийцы Симоно¹ остались безнаказанными—мужественное решение умереть за закон должно было, естественно, ослабеть в сердцах народных чиновников; и, наоборот, у мерзавцев должна была возрасти смелость, с которой эти законы нарушаются.

В тот день, когда зачинщики первых продовольственных беспорядков остались безнаказанными, образовались новые заговоры, имеющие целью вызвать в Республике волнения; отсюда эти безумные петиции и проклятия по адресу ваших собственных комиссаров.

Таким образом, переходя от преступлений к амнистиям и от амнистий к преступлениям, многие граждане дошли до того, что смешали мятежнические бунты с великим мятежом свободы и стали смотреть на провокационные выходы разбойников, как на проявление энергии, а на разбой—как на меру общественной безопасности. Это был большой шаг вперед для врагов Республики—суметь до такой степени развратить умы и уничтожить понятие нравственности. У народа оставались еще защитники, которые могли ему все разъяснить, люди, которые с первых дней революции посвятили себя ее успехам не ради выгоды, не для того, чтобы заставить забыть свою преступную жизнь или найти под знаменем свободы способы осквернить себя новыми преступлениями; не для того, чтобы, лицемерно произнося речи против богатых, приобрести для себя дома и экипажи,—а для того, чтобы иметь честь способствовать благу своей родины, принося в жертву этому своему единственному честолюбивому желанию свое положение, свое состояние, свой труд, даже свою семью, словом, все то, что было у них самого дорогого. И вот, аристократия решила погубить их посредством клеветы. Она преследовала их вероломными обвинениями, доносами, истуканными криками, то гнусными пасквилями, то еще более гнусными речами, произносимыми с трибуны народных собраний, в общественных местах, ежедневно, ежечасно, повсюду. Всем известно, как развивалась эта странная система свободы, согласно которой вам говорят: «вы свободны, но извольте думать, как мы по такому-то и такому-то вопросу политической экономии, или мы вас предадим народной мести. Вы свободны, но склоняйте голову перед идолом, которому мы воскуряем фимиам, или мы вас пре-

¹ Мар города Этампа, убитый весной 1792 г., при попытке расстрела толпы, самочинно таксировавшей продукты на рынке.

дадим народной мести. Вы свободны, но присоединяйтесь к нам в преследовании людей, просвещенности и честности которых мы боимся, или мы выставим вас на посмешище и предадим мести народа».

Итак, граждане, можно опасаться, что революция, пожирая, как Сатурн, своих собственных детей, породит деспотизм со всеми сопутствующими ему несчастьями.

В то самое время когда аристократия питает народное воображение подозрениями, недоверием, заблуждениями и преувеличениями,—она старается внести раскол в Национальный Конвент и к несчастью, она в этом слишком преуспела.

Одна часть составляющих его членов считает революцию оконченной с того момента, когда Франция превратилась в Республику. С этого времени она старается приостановить наступательный ход революции, вернуть народу спокойствие и возможно скорее создать законы, необходимые для того, чтобы сделать это спокойствие продолжительным.

Другие же члены Конвента, напротив того, будучи напуганы опасностями, грозящими нам со стороны коалиции тиранов, считают, что интересы нашей обороны требуют и дальнейшего продолжения революционного возбуждения.

Под влиянием идущих из-за границы инсинуаций и искусно построенной клеветы, последние стали называть первых сначала фельянами, а затем аристократами: первые же именуют последних анархистами

Разрешите мне теперь сказать несколько слов относительно того, что делается во многих секциях Парижа. Их непрерывные заседания уже давно утомили большую часть граждан, которых привел туда патриотизм, и если их усердие заставляет их еще посещать секционные собрания, то они все же являются в меньшем числе и не так исправно. Если заседания затягиваются слишком долго, то они уходят, призываемые своими домашними делами, заботами о семье, а часто и гражданскими обязанностями. Таким образом вы можете увидеть в секциях только праздных людей, не имеющих постоянного занятия; неизвестных, чуждых часто секции, а иногда даже Парижу и самой Республике, невежественных людей, любящих частые выступления и движимых при этом либо желанием произвести шум, либо недоброжелательством или внушениями иностранных держав. В результате — смехотворные, возмутительные постановления, от которых секции поспешили бы отказаться, если бы только они о них знали.

Во время обсуждения дела Людовика, вам сообщили о постановлении одной секции, в силу которого она объявила себя в состоянии восстания. Впоследствии выяснилось, что под словом восстание секция понимала надзор; это объяснение, повидимому, вас удовлетворило. В это же самое время образовался комитет, названный комитетом восстания или революционным комитетом. Говорят,

что этот комитет существует и поныне. Революционный комитет наряду с Национальным Конвентом! Но каковы же его полномочия? Какое решение хочет он вынести? Ведь деспотизма больше не существует—значит, он хочет уничтожить свободу; тирана больше нет,—значит, он хочет ниспровергнуть народное представительство

Граждане, такова глубина той пропасти, которую вырыли под вашими ногами.—Я рассказывал вам все то, что знал об опасностях, которым вы подвергались, не для того, чтобы возбудить опасения—опасность уже прошла; всякий страх был бы теперь почти столь же смешон, как ваша беспечность могла бы сделаться для вас гибельной. Но я думаю, что распознавание этих опасностей важно для направления вашего поведения в будущем. Спала ли, наконец, с ваших глаз пелена? Научились ли вы, наконец, распознавать людей, узурпирующих звание друзей народа?

Итак, несчастный народ, неужели ты будешь еще долго одурачиваем этими лицемерами, которые больше любят срывать аплодисменты, чем заслуживать их, и предпочитают посредством обмана получать твою благосклонность, льстя твоим страстям, чем оказывать тебе хотя бы одну услугу? Неужели ты никогда не признаешь мужества гражданина, который, будучи в свободном государстве в состоянии прославиться не иначе, как через народ, все же решается противоречить тебе, когда ты введен в заблуждение и презирает даже твой гнев, желая укрепить твое благополучие? Роялисты пытались подавить тебя словом «конституция», анархисты обманывали тебя, злоупотребляя словом «суверенитет». Очень немногого недоставало, чтобы они потрясли Республику, внушив каждой секции, что суверенитет находится в ней самой. В настоящее время контр-революционеры вводят тебя в заблуждение словами «равенство» и «свобода».

Один древний тиран имел железную кровать, на которой он укладывал свои жертвы, укорачивая тех, кто был больше и вытягивая тех, кто был меньше кровати, дабы они достигли, таким образом, ее размеров.—Этот тиран любил равенство, и именно таково равенство негодяев, раздирающих тебя своими злодействами. Для человека, живущего в обществе, равенство есть только равенство в правах; оно также мало имеет в виду равенство имущества, как и равенство роста, силы, ума, активности, мастерства и труда.

Народу часто представляют равенство в виде двух тигров, раздирающих друг друга.—Нет, лучше понимай его под более утешительной эмблемой двух обнимающих друг друга братьев! То равенство, которое тебя хотят заставить принять, является порождением ненависти и зависти, и оно всегда вооружено кинжалами.—Истинное равенство—дитя природы,—вместо того, чтобы разделять людей, соединяет их узами всемирного братства. Только оно одно может составить счастье народа и счастье вселенной.—Что касается до твоей свободы, народ, то чудовища душат ее и представляют вместо нее распущенность, как предмет поклонения для твоей заблуждаю-

щейся веры. Распущенность, как и все ложные боги, имеет своих жрецов, желающих приносить им человеческие жертвы. Пусть же этих жестоких жрецов постигнет судьба их предшественников! Пусть позор навсегда запечатлется на камне, который покроет их прах!

Что же касается вас, мои коллеги, то час настал; необходим выбор между спасительной энергией и губительной для всякого правительства слабостью, между законом и анархией, между республикой и тиранией. Если вы, лишив преступление популярности, захваченной им у добродетели, проявите по отношению к нему суровость, — тогда все спасено. Если же вы, являясь игролищем всех партий, жертвой всех заговорщиков, сробеете, то будете вскоре рабами

Граждане, мы можем потрясти чужие государства нашими победами, но мы сможем вызвать у других народов революцию только зрелищем нашего счастья!

Мы хотим свергнуть троны, докажем же, что мы умеем быть счастливы при республике! Если наши идеи так медленно распространяются среди других народов, то это происходит оттого, что блеск их потускнел, благодаря анархическим софизмам, мятежным движениям, и, в особенности, благодаря окровавленному трауру.

Когда народы впервые простерлись ниц перед солнцем, называя его отцом природы, неужели вы думаете, что оно было покрыто тучами, несущими бурю? Конечно, нет! Сияя славой, солнце двигалось тогда в бесконечности пространства, распространяя по вселенной плодородие и свет.

Итак, разгоним нашей твердостью те тучи, которые заволакивают наш политический горизонт, поразим громом анархию, не менее враждебную свободе, чем деспотизм; заложим фундамент свободы на основе законов и мудрой конституции. — И вскоре вы увидите, что троны дадут, скипетры разобьются, и народы, простирая к нам свои длани, кликами радости провозгласят всемирное братство!

Я предлагаю: 1) обязать Исполнительный Совет дать отчет о тех сведениях, которыми он располагает относительно революционного комитета и событий 9, 10 и 11 числа сего месяца;

2) обязать его арестовать членов повстанческого комитета, главным образом, Дефье и Лажуского;

3) обязать секции Парижа и клуб Кордельеров представить свои протоколы;

4) составить воззвание к народу с целью разъяснить ему происки контр-революционеров;

5) обязать министра юстиции представлять каждые три дня отчеты о преследованиях, возбужденных согласно нашему декрету против зачинщиков заговоров.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p.p. 86—98).

Измена Дюмурье.

В своей попытке привлечь монтаньяров на свою сторону и направить их против «бешеных», жирондисты не учли того обстоятельства, что создавшаяся для революции на внешнем и внутренних фронтах, серьезная опасность, делала для монтаньяров неминуемой необходимостью опереться на народные массы, ибо только при этом условии приходилось рассчитывать на торжество революции над ее грозными противниками. Как раз в те самые дни, когда имела место указанная попытка жирондистов, началось восстание в Вандее и с этого момента не только монтаньяры, но и так называемое «болого» Конвента, вступают на террористический путь.

78. Чего хотели вандейцы (Из одного вандейского воззвания).

Народ области Ретца и соседних местностей, собравшийся по собственному побуждению в городе Машекуль с целью положить предел разбою, свергнуть иго тирании и вернуть себе свои права и имущества, коих он был лишен посредством гнета и насилия со стороны разбойников, узурпировавших законную власть, поднявших свои богопротивные руки на голову лучшего из королей, уничтоживших монархию, справедливость и религию, —

перед лицом неба и земли объявляет, что не признает и никогда не признает никого, кроме французского короля в качестве своего единственного законного суверена, которому он клянется в верности и послушании;

что он не признает ни так называемого Национального Конвента, ни департаментов, ни дистриктов, ни муниципалитетов, ни клубов, ни национальной гвардии. Деяния всех этих мерзавцев навлекут на них небесное проклятие и самые сокрушительные наказания.

Всем и каждому запрещается им повиноваться, под угрозой быть наказанным, как ослушник его величества.

Народ объявляет, что в качестве представителя короля признает командующего городом Машекуль, областью Ретца и прилегающими местностями, и клянется ему повиноваться. Единогласно постановлено, что настоящая декларация будет опубликована в городе Машекуль и во всех приходах области Ретца и прилегающих местностей, дабы никто не мог отговариваться ее незнанием.

Народ города Машекуль, области Ретца и прилегающих местностей.

Сушо.

Машекуль, 12-го марта 1793 года последнего года тирании.

(«La Révolution Française», 925, Janvier — Février — Mars, p. p. 25—26).

79. Национальный конвент делает дальнейшие шаги по пути террора.

I. Декрет 19 марта о наказании мятежников.

Национальный Конвент, заслушав доклад своего комитета законодательства, декретирует нижеследующее:

Ст. 1. Все те, кто принимают или примут участие в контр-революционных мятежах или восстаниях, вспыхнувших или могущих вспыхнуть в различных департаментах Республики в связи с набором рекрутов, а также и те, кто нацепили или нацепят белую кокарду или какой-либо другой знак восстания,—объявляются вне закона. Вследствие этого к ним не могут быть применены законы, устанавливающие порядок уголовного судопроизводства и, в частности, закон о суде присяжных.

Ст. 2. В случае захвата означенных лиц с оружием в руках, они, в двадцатичетырех-часовой срок по установлению обстоятельств дела, будут переданы в руки палача и преданы смерти. Установление обстоятельств дела подлежит ведению военной комиссии, составленной из офицеров всех дивизий, принимавших участие в борьбе с мятежниками. Каждая комиссия будет состоять из пяти членов, взятых из офицеров различных чинов означенных дивизий.

Ст. 3. Для установления обстоятельств дела необходима наличность либо протокола, снабженного двумя подписями, либо протокола за одной подписью, подтвержденного устным показанием хотя бы одного свидетеля, либо, наконец, устного показания двух согласных между собой свидетелей.

Ст. 4. Все лица, носившие оружие или принимавшие участие в восстании или сборище, но захваченные без оружия, или после того, как положили оружие, будут отправлены в местопребывание уголовного суда соответствующего департамента, где они будут подвергнуты допросу, результаты коего должны быть записаны в протокол. В случае, если в результате допроса члены уголовного суда признают означенных лиц виновными в ношении оружия в среде восставших или в участии в восстании, то таковые, если они подходят под условия, означенные в ст. 6-ой настоящего декрета, будут в двадцатичетырех-часовой срок переданы в руки палача и наказаны смертью.

Ст. 5. Способы доказательств, могущие быть примененными уголовными судами, суть те же самые, что и для военных комиссий.

Ст. 6. Священники, бывшие дворяне, сеньеры, а также служащие и прислуга всех этих лиц; иностранцы; лица, занимавшие или занимающие какие-либо общественные должности как при прежнем правительстве, так и со времени революции; лица, подстрекавшие или поддерживавшие заговорщиков; главари, подстрекатели и лица, виновные в убийстве, поджоге или грабеже—подлежат смертной казни. Что же касается до остальных задержанных, то они будут подлежать дальнейшему содержанию под стражей и их судьба будет

решена лишь после издания специального на этот счет декрета Национального Конвента.

Ст. 7. Смертная казнь, примененная в согласии с постановлениями настоящего закона, влечет за собой конфискацию всего имущества. Конфискованные имущества пойдут на содержание отцов, матерей, жен и детей, не имеющих достаточных средств для своего прокормления; кроме того, доходы с этих имуществ будут употреблены на возмещение убытков лиц, пострадавших от действий восставших.

Ст. 8. Имущества лиц, указанных в первой части ст. 6-ой и захваченных с оружием в руках, объявляются конфискованными в пользу Республики и конфискация их будет производиться судьями уголовного суда на основании протоколов, устанавливающих обстоятельства дела.

Ст. 9. Командующие вооруженными силами немедленно опубликуют воззвания, предписывающие мятежникам разойтись и положить оружие.

Лица, подчинившиеся этим предписаниям и возвратившиеся к исполнению своего долга, согласно требованиям воззваний и в течение двадцати четырех часов, будут освобождены от всяких преследований.

Точно также не будут подлежать преследованию, а вынесенные по отношению к ним приговоры не будут подлежать исполнению, те, кто, в любой срок, но не позже окончательного поражения восставших, выдадут главарей, руководителей или подстрекателей заговора.

Правила, установленные в настоящей статье, не распространяются на лиц, указанных в ст. 6-ой, и они понесут наказания, указанные в настоящем законе.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p. 131—133).

II. Декрет 21 марта об учреждении революционных комитетов и об иностранцах.

Национальный Конвент, принимая во внимание, что в то время, когда соединившиеся в коалицию деспоты больше угрожают Республике своими интригами, чем успехами своего оружия; что на его обязанности лежит предупреждать заговоры, гибельные для свободы; принимая, далее, во внимание, что французский народ дал Конвенту поручение представить ему конституцию, построенную на принципах свободы и равенства, вследствие чего его долгом является, удвоив бдительность, воспрепятствовать внутренним врагам подавить желания патриотов и заменить общую волю—волей отдельных личностей;—

наконец, желая предоставить должностным лицам все средства наблюдения за злом и приостановить его рост,—
постановляет нижеследующее:

Ст. 1. В каждой коммуне Республики и в каждой секции коммун, разделенных на секции, в срок, заранее установленный Генеральным Советом, будет образован комитет, состоящий из двенадцати граждан.

Ст. 2. Члены этого комитета, не могущие быть избранными из числа духовных лиц, бывших дворян, бывших местных сеньеров и их служащих, — подлежат избранию закрытым голосованием по большинству голосов.

Ст. 3. Для каждого избрания необходимо, чтобы на каждую тысячу жителей коммуны или секции коммуны, присутствовало по крайней мере сто голосующих.

Ст. 4. Комитеты коммуны или секций коммуны обязаны принимать в пределах своего округа заявления от всех иностранцев, проживающих в настоящее время в коммуне или могущих туда прийти.

Ст. 5. Эти заявления должны заключать в себе фамилию, возраст, профессию и месторождение заявителя с указанием средств, на которые он живет.

Ст. 6. Заявления должны быть представлены в течение 8-ми дней по опубликовании настоящего декрета; список их будет напечатан и расклеен.

Ст. 7. Всякий иностранец, отказавшийся или не потрудившийся в указанный выше срок представить свое заявление комитету коммуны или секции, в которой он проживает, будет обязан покинуть пределы коммуны в течение двадцати четырех часов, а территорию Республики — в течение восьми дней.

Ст. 8. Всякий иностранец, родившийся в стране, с правительством которой французы ведут войну и который при представлении своего заявления не сможет, посредством показаний шести свидетелей, проживающих в течение по крайней мере одного года в пределах коммуны или секции (если коммуна разделена на секции), доказать комитету, что он либо имеет во Франции какое-либо заведение, либо занимается какой-нибудь профессией, либо владеет недвижимостью, либо наконец проникнут гражданскими чувствами — обязан в течение двадцати четырех часов покинуть коммуну, а в течение восьми дней — территорию Республики. В случае же доказательства указанных выше обстоятельств, ему будет выдано удостоверение на право свободного проживания.

Ст. 9. Иностранцы, не имеющие во Франции недвижимости или не занимающиеся полезной профессией, обязаны под страхом нижеуказанных наказаний, помимо показаний шести граждан, представить залог в размере до половины их предполагаемого состояния.

Ст. 10. Все те, кто, будучи в силу предписаний предыдущих статей изгнаны из пределов французской территории, не покинут ее в назначенный срок, подлежат преследованию, возбуждаемому общественным обвинителем места их жительства и будут присуждены к десяти годам каторжных работ.

Ст. 11. Заявления, сделанные комитету, будут в случае спора по поводу их или по поводу решения, относящегося к ним, переданы Генеральному Совету или собранию секции, которые вынесут в упрощенном порядке подлежащие обжалованию постановления.

В том случае, когда Генеральный Совет или секция коммуны прервут свои заседания, в протоколе должен быть указан час, на который назначено возобновление заседания.

Ст. 12. За исключением случаев чрезвычайного созыва, предмет занятий, необходимость и форма которого должны быть отмечены в протоколе, всякое решение, принятое во время перерыва занятий, объявляется недействительным. Председатель и секретарь, подписавшие такое постановление, будут подвергнуты преследованию пред судом исправительной полиции и присуждены к трем месяцам тюремного заключения.

Ст. 13. Всякий иностранец, арестованный за участие в мятеже или изблеченный в призыве к таковому, или же, наконец, поддерживающий его деньгами или советом, будет подвергнут смертной казни.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p.p. 135—137).

III. Декрет 25 марта об образовании Комитета Общей безопасности и Общественного спасения.

Ст. 1. Комитет Общей Безопасности будет состоять из двадцати пяти членов. На его обязанности будет лежать подготовка и внесение на обсуждение всех законов и мероприятий, необходимых для внешней и внутренней защиты Республики.

Ст. 2. Комитет будет приглашать на свои заседания, по крайней мере два раза в неделю, министров, входящих в состав Временного Исполнительного Совета.

Ст. 3. Исполнительный Совет и каждый из министров в отдельности будут представлять Комитету все требуемые им разъяснения. Они будут представлять ему в течение недельного срока отчет о всех своих постановлениях общего характера.

Ст. 4. Комитет будет давать Конвенту еженедельный отчет о состоянии Республики и о всех своих могущих подлежать оглашению действиях.

Ст. 5. Комитет будет ежедневно назначать двух из своих членов для представления разъяснений о состоянии Республики, могущих потребоваться Конвенту.

Ст. 6. Комитет будет получать вне очереди слово всякий раз, когда дело будет идти о принятом им докладе.

Ст. 7. Комитет будет печатать, поскольку это позволит время, проекты декретов, которые он будет представлять Конвенту.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p.p. 140—144).

IV. Дополнительный декрет о Революционном Трибунале, принятый Конвентом 27 марта.

Ст. 1. Общественные чиновники, назначенные или могущие быть назначенными для выполнения обязанностей судей, общественного обвинителя и присяжных заседателей в Чрезвычайном Уголовном Трибунале, учрежденном на основании декрета 10 сего месяца, сохраняют свои места и смогут возвратиться к исполнению своих обязанностей по прекращении их работ в Чрезвычайном Трибунале.

Ст. 2. Во время их отсутствия, они будут заменены помощниками, которые будут за это время получать их содержание.

Ст. 3. Те судьи, общественные обвинители, их заместители и присяжные заседатели, которые будут вынуждены покинуть место своего жительства, чтобы отправиться для занятия своей должности при Чрезвычайном Трибунале, получают возмещение их путевых издержек.

Ст. 4. При Трибунале будут находиться четыре пристава, которые будут избраны судьями, общественным обвинителем и его заместителем абсолютным большинством голосов. Точно также при Трибунале будут швейцар и двое рассыльных, которые будут избраны тем же способом и оплачиваемы, как швейцар и рассыльные при уголовном трибунале Парижа.

Ст. 5. Если, не взирая на указания декрета 8 сего месяца, присваивающего муниципалитетам и административным учреждениям подсудность по преступлениям и проступкам, указанным в ст. 1-ой означенного декрета, случится, что уголовные суды будут вынуждены производить следствие и разбирать дела, относящиеся к этим преступлениям и проступкам, они будут обязаны приостановить рассмотрение этих дел и препроводить следственный материал, показания свидетелей и вещественные доказательства Национальному Конвенту, который решит, имеются ли основания для передачи обвинения Чрезвычайному Трибуналу.

Отсылка следственного материала, свидетельских показаний и прочих документов будет иметь место также и в том случае, если при расследовании обыкновенных преступлений и проступков, уголовные суды усмотрят наличность или следы преступлений или проступков, поименованных выше.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p.p. 145—146).

V. Декрет 29 марта о полиции жилищ.

Национальный Конвент постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Через три дня со дня издания настоящего закона, все домовладельцы и квартирохозяева, швейцары, арендаторы, управляющие, дворники, содержатели комнат, содержатели гостиниц и всех жилых помещений на территории Республики, обязаны вывесить на

видном месте, на наружной стороне дома, фермы или жилища, написанное разборчивым почерком объявление с указанием имен, фамилий, прозвищ, возраста и профессии всех лиц, постоянно проживающих в данное время в названном доме, ферме или жилище.

Ст. 2. Означенные объявления будут возобновляемы всякий раз, когда произойдет изменение в составе жителей дома или порча объявления.

Ст. 3. Во всех городах и местностях Республики с населением в десять тысяч человек и более, копии объявлений, заверенные владельцами, квартирохозяевами, арендаторами, швейцарами или дворниками, будут переданы комитетам коммун или секций коммун под особые расписки.

Ст. 4. В случае небрежности или неправильности в выполнении настоящего закона, виновные будут наказаны тюремным заключением на срок от одного до шести месяцев и, кроме того, будут приговорены к штрафу, равному двойному размеру уплачиваемых ими налогов. Домовладельцы, квартирохозяева и все представители домовой администрации будут ответственны за небрежность или неверность своих служащих.

Ст. 5. Вместе с тем отменяется закон 26 февраля сего года, предписывающий объявление фамилий и званий иностранцев, проживающих на территории Республики.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p.p. 149—50).

80. Измена Дюмурье (Из донесений конвентских комиссаров северного фронта).

Линия поведения, принятая во второй половине марта сложившимся к этому времени левым большинством Конвента и вытекавшие из этой линии мероприятия, явились, само собой разумеется, абсолютно неприемлемыми для жирондистов. С этого момента они окончательно переходят на сторону контр-революции и если жирондистские депутаты Конвента все же стараются, до поры до времени, не проявлять этого открыто, скрывая свою контр-революционность под громкими словами о «законности» и «порядке», то близкий к жирондистам генерал Дюмурье действует напрямик и пытается поднять открытое восстание против Конвента. Подробности этой попытки даны в приводимых ниже отрывках из донесений Национальному Конвенту от его комиссаров на северном фронте.

I.

Валансьен, 2 апреля 1793 г.

Отечество переживает величайшие опасности: вы усмотрите это из прилагаемой при сем прокламации злодея Дюмурье. Мы в настоящий момент заняты наложением печати на набор этой прокламации и отсылкой его муниципалитету. Мы только что отдали при-

каз собрать гарнизон в местах его расположения; мы идем держать речь к нему; возможно, что вскоре нас не будет в живых, но мы умрем не иначе, как патриотами. Прощайте; привет Республике!..

Комиссары Национального Конвента на северном фронте:

Лекинью, де-Бельгард, Шарль Коитон.

(«Французская революция в провинции и на фронте», стр. 80).

II.

Валансьен, 4 апреля 1793 г.
3 часа пополудни.

Вчера и сегодня к нам прибыло много батальонов, готовых к бою под знаменами Республики и под стягом закона. Мы не успеваем принимать все необходимые меры, хотя и бодрствуем день и ночь. Изменник Дюмурье был упущен третьим ионским батальоном из Сент-Аамана; он спасся вплавь. Мы к вам уже отправили несколько экстренных курьеров; мы не знаем, прибыли ли они к вам, так как нам известно, что повсюду были даны приказы о задержании пакетов и людей при малейшем подозрении в том, что они не настоящие республиканцы. Мы не знаем также, не являются ли многие из них притворщиками, продавшимися шайке Дюмурье, ибо не сомневаемся в наличии у него изменников, способных надеть на себя любую маску. В настоящую минуту, в тот самый момент, когда мы вам пишем, к нам поступило уведомление о том, что, по приказу изменника, армия идет на Валансьен; но мы убеждены, что ей все станет ясно прежде, чем она очутится под стенами города. Для избежания какой бы то ни было неожиданности, мы посылаем к вам двух экстренных курьеров двумя различными дорогами. Мы хлопочем о создании лагеря в Фамаре. Нам необходимы инструменты для устройства лагеря и деньги для республиканской армии, которая, по счастью, растет с каждой четвертью часа, но приносит с собой очень мало инструментов вследствие того, что батальоны откалываются возможно более незаметно; если бы они были посмелее, то армия мятежника была бы уже сведена почти к нулю. Что касается лично нас тропх, нам также приходится истощать наши фонды, ибо мы не экономим и сочли бы изменой отечеству экономии при настоящих обстоятельствах. Вы должны понять, что мы не можем держать какой бы то ни было отчет в данный момент и к тому же нас истощает тысяча чрезвычайных расходов. Мы только что передали *временное* командование армией, начиная от Валансьена и включая Мозельскую армию, генералу Дампьеру, который, как кажется, во всех отношениях достоин командования. Мы посылаем вам копию прокламации, выпущенной в Лекенуа; мы распорядились ее отпечатать с целью распространения. Мы вкладываем в этот же пакет копии писем, написанных нами, одно генералу Эгалите, другое генералу

Вальянсу. Возможно, что делаемые нами шаги и не самые подходящие из возможных, но они продиктованы по крайней мере самыми искренними патриотическими соображениями. Подумайте о Валансьене: ваши коллеги в конце концов обратят свои взоры на Национальный Конвент. В наших шагах мы опираемся теперь не на наши полномочия, а на нашу ревность ко благу Республики и к свободе. Мы только что написали нашим коллегам в Дуэ, предлагая им передать командование над остальной частью фронта до Калаэ генералу Дювалю. Мы сочли своей обязанностью оставить эту часть фронта в их распоряжении, так как генерал Дюваль находится вблизи них.

Когда вы будете что-нибудь отправлять нам, не забудьте о сопровождении посылаемого сильным конвоем и примите меры предосторожности, чтобы ваши распоряжения непременно дошли до нас.

В данное мгновение, в 5 часов, мы еще не замечаем дальнейшего продвижения армии изменника и имеем основание предполагать, что это фальшивая тревога.

Мы все время ведем беседы с батальонами, по мере их прибытия, и нередко видим, как граждане проливают слезы радости от счастья, что они выскользнули из когтей изменника.

Задержали двух солдат с антигражданскими кокардами. Разбирательство этого дела будет коротким. Только что арестовали одного из секретарей Дюмурье; в данную минуту идет его допрос. Все крепости находятся в хорошем состоянии. Не изумляйтесь беспорядочности этого письма; приходится изготавливать всю нашу корреспонденцию одновременно.

Лекинью.

(«Французская революция в провинции и на фронте»
стр. 87—89).

III.

Валансьен, 5 апреля 1793 г.
II год республики, 8 часов вечера.

Граждане!

Отечество спасено! Граждане коллеги, Мольдский лагерь разбегается весь без остатка, и почти все являются к нам. Надо надеяться, что Дюмурье завтра окажется командующим армией, состоящей из двух или трех дюжин французских офицеров, без солдат и пушек, ибо к нам возвращается вся остальная, еще не вернувшаяся артиллерия. Первая партия артиллерии состояла из восьмидесяти орудий, как мы об этом сообщили сию же минуту, 500 артиллерийских повозок, 700 канониров и 700 вспомогательного персонала: это как раз тяжелая артиллерия Сент-Амана. Гражданин Сонжи, артиллерийский подполковник, вице-директор парка, командовал этой важной частью наших оборонительных средств, и мы увидели, как жаждет излияний душа этого истинного патриота, когда он пришел сообщить

нам, что эта операция возврата пришла к концу. Дюмурье послал утром приказ переправить эту артиллерию в Мольд.

Теперь, когда опасность миновала, мы можем позволить себе довести до вашего сведения, что был отдан приказ арестовать нас здесь, и что, если бы генерал Ферран не был таким честным, мы теперь были бы во власти неприятеля. Это открытие было нам сделано им по нашем прибытии; у нас имеется написанный рукой Дюмурье приказ относительно Бельгарда, бывшего здесь за сутки перед этим. Письменный приказ насчет нас, Конона и Лекинью, уехавших в Мобеж, вероятно, прибыл несколько часов спустя после нашего отъезда, и, так как дела направили наш путь через Авень, мы, сами того не зная, избегли западни, ожидавшей нас на прямой дороге из Мобежа и Валансьен. При захвате вчера одной из лошадей Дюмурье найдены были бумаги, среди которых имеется в письменной форме приказ об аресте всех нас троих. Комиссары департамента Дуэ, по выезде из Валансьена, действительно были арестованы вместо нас на небольшом расстоянии от Валансьена несколькими жандармами, стпустившими их, как только они увидели, что это были не мы.

Комиссары Национального Конвента на северном фронте:

Лекинью, Де-Бельгард, Ш. Кошон.

(«Французская революция в провинции и на фронте», стр. 95—96).

IV.

Валансьен 5 апреля 1793 г.
9 часов вечера.

Да здравствует Республика!

Дюмурье, Валанс и Эгалитэ, оба Тувено, много других офицеров, военный комиссар Солива и большая часть гусар Бершени перешли к неприятелю; вся же остальная армия Дюмурье на нашей стороне; нас заверяет в этом генерал Дитман, входящий в наше бюро со многими офицерами и солдатами. Наконец-то дело сделано. Нам не остается ничего более, как отремонтировать все наше лагерное имущество и внести порядок во всю эту разбежавшуюся армию, прибывающую сюда один отряд за другим, но нас выручит искусство и энергия генерала Дамьера, которого мы назначили временным командующим дивизии, расположенной от Валансьена до Мозельской армии. Наш вчерашний курьер вручил вам прокламацию этого генерала к его войску. Положительно он не мог выразиться более энергично, и мы можем вам ручаться, что его действия соответствуют его энергичным выражениям.

Нам сообщают, что неприятельская армия движется на Конде двумя колоннами, но мы в этом не уверены. Это единственное остающееся у нас беспокойство. Эта неуверенность и вполне законная скорбь за наших коллег и Бернонвиля¹ являются единственными

¹ Арестованных Дюмурье и выданных им неприятелю.

огорчениями, могущими омрачить ту радость, которую мы испытываем при виде того, как вся наша армия откололась от изменников. Мы испытывали пять дней и четыре ночи постоянную скорбь и усталость, но они в данный момент превращаются в подлинный экстаз.

Комиссары Национального Конвента на северном фронте:

Шарль Кошон, Де-Бельгард, Лекинью.

(«Французская революция в провинции и на фронте», стр. 97—98).

81. Постановление Национального конвента от 3 апреля 1793 г. по поводу измены Дюмурье.

Национальный Конвент приказывает, чтобы Временный Исполнительный Совет немедленно назначил генерала, который заменит Дюмурье; объявляет французскому народу, что Дюмурье—изменник отечеству, поклявшийся погубить свободу и восстановить деспотизм.

Национальный Конвент запрещает всякому генералу, всякому коменданту крепости, всякому солдату Республики, всем установленным во Франции властям—признавать Дюмурье генералом и повиноваться какому-нибудь его приказанию или требованию.

Национальный Конвент постановляет, что всякий француз, признавший Дюмурье генералом, будет считаться изменником отечеству и будет предан смертной казни, а имущество его конфисковано в пользу Республики.

Национальный Конвент постановляет, что Дюмурье объявляется вне закона, и уполномачивает всякого гражданина захватить его и обещает награду в 300.000 ливров тем, кто захватит его и доставит в Париж живым или мертвым. Указанные 300.000 ливров смогут быть выданы и наследникам этих лиц и будут переданы национальным казначейством в распоряжение Временного Исполнительного Совета.

Национальный Конвент поручает защиту пяти комиссаров и военного министра, посланных им в армию Дюмурье и арестованных этим последним, чести и лояльности французских солдат, находящихся в армии, которой командовал Дюмурье.

Национальный Конвент приказывает, чтобы настоящий декрет был разослан через экстренных курьеров по всем департаментам, административным учреждениям, генералам и комендантам крепостей, и чтобы он был немедленно оглашен в городах и воинских частях.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p.p. 253—254).

Союз Горы с «бешеными».

82. Расширение прав Революционного трибунала.

Измена Дюмурье, несмотря на все показное возмущение жирондистов предательством этого генерала, могла, само собой разумеется, только дальше толкнуть Национальный конвент по пути красного террора в отношении заговорщиков и мятежников. Ближайшим шагом в этом направлении явился декрет 5-го апреля о расширении прав Революционного трибунала.

1. Речь Дантона в Национальном конвенте 5 апреля 1793 г.

Национальный Конвент пожелал создать для спасения государства Революционный Трибунал; он находил это необходимым для устрашения заговорщиков всех видов и всех степеней. Теперь надо установить, должен ли этот Трибунал судить всех виновных без приказа, исходящего от Конвента.

Конечно, если бы обстоятельства данного времени не были столь грозными, если бы не было ясно, что значительная часть населения не вполне благонадежна, если бы мы находились в таком благоприятном положении, что имели бы против себя лишь незначительное количество внутренних врагов, то я сказал бы вам: соблюдайте свои постановления. Ни один виновный в преступлении против нации не может быть предан суду без вашей санкции.

Но имейте в виду, граждане, что вы не достигли бы своей цели, если бы захотели следовать во всем принятой вами первоначально системе. Вы сами это поняли—и упразднили комиссию для разработки докладов об обвинительных декретах. Если вы постановите, что следствие не может быть начато прежде, чем не будет декретирован обвинительный акт, то у вас накопится такое количество этих декретов, что вам придется отказаться от всех других дел за недостатком времени.

Я спрашиваю вас, хотите ли вы избежать кровавых расправ, вызываемых народной мстью?.. Если вы, кроме того, хотите показать себя сильными и грозными в отношении врагов народа, я предлагаю вам дать ему трибунал, который будет самостоятельно творить правосудие.—и тогда вам не в чем будет упрекнуть себя.

Имейте в виду, что, давая общественному обвинителю право самостоятельного обвинения, вы не навлечете на себя никаких нареканий.

И кто эти государственные преступники? Почему надо создавать для них особые законы? Существуют ли особые законы для других преступлений? Разве необходимо предварительное следствие обще-

ственного обвинения против всех других преступников? (Его прерывают словами: «имеется обвинительное жюри!»).

Мне подсказывают, что существуют присяжные обвинители. Совершенно верно, я это знаю, но как можно сравнивать учреждение, функционирующее в условиях нормальной государственной жизни, с необходимостью создать в данный тревожный момент трибунал, на обязанности которого будет лежать пресечение заговоров и преступлений, направленных против общественной безопасности? Я решительно заявляю, что заговорщику нет пощады; я утверждаю, что следствие само по себе обставлено достаточными гарантиями; я уверен в том, что в то время, как общественный обвинитель приступит к следствию над обвиняемым, последний, если он действительно не виновен, сможет с достаточной ясностью доказать свою невинность, так как ему предоставлены все средства защиты, хотя бы и не было налицо обвинительного жюри.

И, кроме того, разве интересы государства не должны стоять впереди интересов частных лиц? Организуйте это учреждение только так, чтобы невинный не мог пострадать, укрепите этот трибунал и придайте ему необходимую мощь и активность, дабы он мог свести на-нет все ухищрения наших врагов.

Конечно, если бы деспотизм восторжествовал, вы скоро увидели бы во всех департаментах военные суды, которые не пощадят бы головы ни одного из патриотов, даже тех, кто проявил свой патриотизм в довольно скромном виде.

Не станем подражать деспотизму в его жестокости; но если вами приняты все меры, чтобы виновный был отличен от невинного, к чему же это снисхождение к тем, кто хотел бы потопить всю нацию в ее собственной крови? Я взываю к необходимости спасти весь народ. Он может найти свое спасение только в вашей энергии, в вашей стойкости.

Итак, никакой пощады заговорщикам! Я предлагаю перейти к порядку дня, отвергнув предложение об издании обвинительных декретов против заговорщиков. И я снова повторяю мое первоначальное мнение о том, что количество преступников, вызвавших войну в приморских департаментах, столь велико, что Конвент принужден был бы отвлечь свое внимание от других больших задач, если бы на его обязанности лежало декретировать обвинение против всех подсудимых.

Вполне понятно, что Конвент не найдет удобным, чтобы кто-либо из его членов был приведен в трибунал ранее, чем он сам, в случае виновности депутата, произнесет свой приговор, так как члены Конвента должны остаться неприкосновенными—это необходимо для народного блага. Таким образом, вы можете согласовать свои действия с требованиями целой нации для того, чтобы уничтожить врагов.

Я прошу поставить мое предложение на голосование. Прочь страхи, прочь малодушие! Я убежден, что народ поймет ваше

желание дать ему истинное правосудие и доверится вашей энергии и мудрости.

(Дантон. «Избранные речи», стр. 45 — 47).

II. Декрет 5 апреля.

Ст. 1.—Национальный Конвент отменяет пункт своего декрета, предписывавший, что Чрезвычайный Трибунал может рассматривать дела о заговорах и государственных преступлениях не иначе, как на основании изданного Конвентом декрета о возбуждении обвинения.

Ст. 2.—Общественный обвинитель при названном Трибунале уполномочен арестовывать, возбуждать преследования и предавать суду всякого подозреваемого в означенных преступлениях, по сообщению установленных властей или отдельных граждан.

Ст. 3.—Означенный обвинитель не в праве издавать приказы об аресте и приводе членов Национального Конвента без декрета последнего о возбуждении обвинения. То же самое относится к министрам и генералам армии Республики, для преследования коих требуется предварительное разрешение Конвента.

Ст. 4.—Что касается прочих изъятий из этих общих положений, то Конвент предлагает своему комитету законодательства сделать об этом доклад в наикратчайший срок.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XV, p. 287).

83. Декрет Национального конвента от 9 апреля 1793 г. о командировке народных представителей в армии.

Национальный Конвент, заслушав доклад своего Комитета Общественного Спасения, постановляет:

Ст. 1.—При каждой из армий Республики будут постоянно находиться по три народных представителя. Через каждые три месяца состав их будет обновляться по третям.

Ст. 2.—Им поручается самое внимательное наблюдение над действиями агентов Исполнительного Совета и над поведением генералов, офицеров и солдат армии; они будут ежедневно получать отчет о состоянии складов и всевозможных запасов обмундирования, продовольствия и предметов вооружения; они будут самым строгим образом проверять действия и поведение всех поставщиков и предпринимателей армий Республики.

Ст. 3.—Они предпримут все меры, кои будут признаны ими необходимыми для ускорения реорганизации армии и включения волонтеров и рекрутов в существующие кадры; в этих целях они будут действовать по соглашению с генералами, командующими дивизиями и прочими агентами Исполнительного Совета.

Ст. 4.—Народные представители при армиях облакаются неограниченными полномочиями для исполнения возложенных на них

настоящим декретом обязанностей. Они смогут иметь то количество агентов, которое признают необходимым. Разрешенные ими чрезвычайные расходы будут оплачиваться государственным казначейством по заверенным ими счетам. Их постановления подлежат немедленному исполнению, но они обязаны в двадцатичетырехчасовой срок доносить о них Национальному Конвенту, а в случаях, неподлежащих огласке,—Комитету Общественного Спасения.

Ст. 5.—Всем гражданским и военным должностным лицам предписывается подчиняться распоряжениям комиссаров Национального Конвента, с правом последующего обжалования перед Конвентом тех действий, которые они сочтут неправильными.

Ст. 6.—Народные представители при армиях немедленно примут все меры, необходимые для раскрытия, ареста и предания суду Революционного Трибунала всех военных и гражданских должностных лиц, а также и прочих граждан, которые благоприятствовали или каким бы то ни было образом, делами или советами, содействовали предательству Дюмурье или всякому другому, направленному против безопасности нации, заговору, а равно и тех, кто стремится к разложению армии и гибели Республики.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXV, p. 316 — 317).

84. Речь Робеспьера в Национальном конvente от 24 апреля 1793 года ¹.

Если, как мы видели выше, уже в мартовские дни грозившая Республике опасность заставила монтаньяров решительно отвергнуть предложенный им жирондистами союз против «бешеных», то естественным результатом перехода жирондистов в лагерь контр-революции явился направленный против них союз «бешеных» и монтаньяров. Особенную роль в этом союзе сыграла нижеприводимая речь Робеспьера ¹.

Я предложу сначала несколько статей, необходимых для того, чтобы дополнить вашу теорию о собственности. Пусть никто не пугается этого слова: подлые души, не почитающие ничего, кроме золота, я отнюдь не хочу касаться ваших сокровищ, как бы ни был не чист источник их происхождения! Вы должны знать, что этот аграрный закон ², о котором вы так много говорили, есть ничто иное, как призрак, созданный мошенниками для того, чтобы запугивать дураков. Без сомнения, вовсе не нужна была революция для того, чтобы поведать всему миру, что чрезвычайная несоразмерность в распределении богатств является источником многих зол и многих преступлений; но тем не менее это несколько не разубеждает нас в том, что равенство имуществ есть только химера.

¹ Эта речь была произнесена по поводу обсуждения проекта новой Декларации прав.

² Под аграрным законом в то время подразумевали передел земель.

Что касается меня, то я считаю это для счастья отдельного лица еще менее необходимым, чем для общественного благосостояния. Дело идет гораздо больше о том, чтобы сделать бедность уважаемой, чем об уничтожении богатств. Хижина Фабриция ничем не хуже дворца Грасса; что касается лично до меня, то я бы предпочел быть одним из сыновей Аристиды, воспитанным в Притании на средства Республики, чем наследником Ксеркса, который рожден среди расщепления двора для того, чтобы занять трон, украшенный народным развращением и блистающий благодаря общественной нищете.

Установим, однако, по чистой совести, принципы права собственности... Это тем более необходимо, что среди них нет таких, которых бы людские предрассудки и пороки не стремились бы окружить густым туманом. Спросите у торговца человеческим мясом, что такое собственность. Он скажет вам, указывая на этот длинный гроб, который он называет кораблем, куда он натискал и запер людей, кажущихся живыми: «вот моя собственность: я их купил по-стольку-то за голову».

Спросите дворянина, который имел землю и вассалов и который думает, что вселенная перевернулась с того момента, как он перестал их иметь. Он будет развивать вам о собственности идеи почти аналогичные. Спросите августейших членов Капетингской династии... они скажут вам, что наиболее священным из всех прав собственности является, без сомнения, право наследования, которым они искони пользовались в свое удовольствие для того, чтобы законно, по праву монарха, притеснять, угнетать и давить 25 миллионов людей, населяющих территорию Франции.

В глазах всех этих людей собственность совершенно независима от какого бы то ни было принципа нравственности. Наша Декларация Прав как будто впадает в ту же ошибку, когда она устанавливает понятие свободы, являющейся первичной собственностью человека, священнейшим из получаемых им от природы прав. Мы определили совершенно справедливо, что она имеет своим пределом права других. Почему же вы не приложили этот принцип к понятию собственности, являющейся общественным установлением, как будто бы людские отношения более неприкосновенны, чем вечные законы природы? Вы умножили число статей, обеспечивающих широкую свободу в пользовании собственностью, но вы не сказали ни одного слова для установления самой ее природы и законности. Таким образом, ваша Декларация кажется созданной не для всех людей, а только для богатых барышников, спекулянтов и тиранов. Я предлагаю вам исправить эти недостатки, устанавливая следующие положения:

1) собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать по своему усмотрению той частью имуществ, которая ему гарантируется законом;

2) право собственности ограничивается, как и все другие права, обязанностью уважать права других;

3) оно не должно угрожать безопасности, свободе существованию и собственности нам подобных;

4) всякое владение, всякая торговля, нарушающие этот принцип, непозволительны и безнравственны.

Говоря о налоге, вы хотите установить бесспорный принцип, что он может устанавливаться лишь волей народа или его представителей. Но вы забываете одно положение, провозглашения которого требует интерес человечества — вы забываете установить основу прогрессивности налога. В самом деле, в отношении обложения, есть ли какой-либо другой принцип, который бы до такой степени вытекал из природы вещей и вечной справедливости, чем тот, который возлагает на граждан обязанность платить на общественные расходы прогрессивно, в зависимости от величины их состояний, другими словами, в зависимости от тех выгод, которые они извлекают из общества? Я предлагаю вам принять эти положения, сформулированные в следующих выражениях: граждане, доходы которых не превышают того, что необходимо для их существования, должны быть избавлены от обязанности участвовать в общественных расходах; остальные должны нести их прогрессивно, соответственно величине их состояний.

Кроме того, комиссия забыла определить обязанности братства, объединяющие всех людей всех наций и их право на взаимопомощь. Она как будто игнорирует те основы, на которых строятся вечные союзы народов против тиранов. Про вашу Декларацию можно подумать, что она создана для людского стада, загнанного в один угол земного шара, но не для великой семьи народов, которым природа дала землю для жизни и господства над нею.

Я предлагаю заполнить этот огромный пробел следующими пунктами; они принесут вам только уважение со стороны народов. Правда, они могут иметь то неудобство, что безвозвратно поссорят вас с королями. Признаюсь, меня это неудобство совсем не пугает. Оно не устроит тех, кто не собирается восстанавливать добрых отношений с ними. Вот мои четыре пункта:

1) все люди—братья, и разные народы должны помогать друг другу по мере своих сил, как граждане одного и того же государства;

2) тот, кто угнетает какую-нибудь нацию, тем самым делается врагом всех остальных;

3) те, которые поднимают войну против народа для того, чтобы остановить развитие свободы и уничтожить права человека, должны быть преследуемы всеми не как обыкновенные преступники, но как убийцы и взбунтовавшиеся разбойники;

4) короли, аристократы, тираны, каковы бы они ни были, являются рабами, возмущившимися против суверена земли—человеческого рода и против законодателя вселенной — природы.

85. На пути к максимуму.

Если речь Робеспьера о собственности, а также и совершившийся в это же время резкий перелом во взглядах монтаньяров на продовольственный вопрос, составляли как бы теоретическое определение тех основ, на которых могло произойти соглашение Горы с «бешеными», то другой предпосылкой этого союза являлось хотя бы частичное осуществление основных лозунгов «бешеных». Главнейшими из мероприятий этого рода явились: декреты 8 и 11 апреля о запрещении торговли металлическими деньгами, декрет 4 мая го продовольственному вопросу; постановления о порядке призыва рекрутов, о принудительном налоге на богатых и т. д. Приводим некоторые из них.

I. Петиция парижского департамента Национальному конвенту от 18 апреля 1793 года о введении максимума.

Мы являемся к вам от имени граждан всего парижского департамента, чтобы сообщить о наших бедах и указать на средства к их излечению. Вот уже четыре года, как нет той жертвы, которую бы народ не принес отечеству; в награду за это он просит у вас хлеба. Меры, которые мы вам предлагаем, уже имеют в общественном мнении силу закона. Дело идет о неимущем классе, для которого законодатель не сделал всего, — не сделал ничего.

Пусть не возражают нам ссылкой на право собственности; право собственности не может быть правом морить голодом своих сограждан. Плоды земли, как и воздух, принадлежат всем людям. Мы спрашивали земледельцев, — все они уверяют нас, что Франция имеет у себя больше зерна, чем это нужно для ее потребления. Поэтому мы являемся, чтобы просить: *первое* — установления по всей Республике максимальной цены на хлеб, которая на будущий год могла бы равняться от двадцати пяти до тридцати ливров за сетье¹; *второе* — уничтожения торговли зерном; *третье* — запрещения всякого посредничества между земледельцем и потребителем и, наконец, *четвертое* — общего учета всего зерна после каждого урожая.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVI, p. 51—52).

II. Из протокола заседания Национального конвента от 30 апреля 1793 года.

*Бенгаболь*² требует решения вопроса о том, будет ли установлена такса на зерно.

*Филиппо*³. Речь должна идти не о таксе, вопрос заключается в том, будет ли сейчас установлен максимум, выше которого арендаторы и собственники не смогут продавать свое зерно.

¹ Сетье — 12 четвериков.

² Монтаньяр.

³ Монтаньяр (дантонист).

*Дюко*¹. Граждане, напрасно стараются внедрить в ваши умы разницу между таксой и максимальной ценой на зерно; таксировать сестные припасы,—это значит определить их цену, это значит постановить, что она не будет подвержена понижению и повышению, вызываемому обилием или недостатком, конкуренцией или же опустением рынка. Таков именно смысл сделанного вам предложения о назначении максимума на зерно, но заметьте себе, что если этот максимум будет установлен, арендаторы и торговцы откажутся продавать свое зерно по цене ниже установленного законом максимума. Они скажут: закон назначил эту цену—мы не признаем другой; и, так как этот максимум будет, несомненно, установлен, как это и предлагает Филиппо, исходя из самой высокой современной рыночной цены и самого лучшего качества зерна, то в результате получится, что вместо того, чтобы принести народу облегчение, вы на него наложите тяжелую обязанность платить за зерно и муку низшего качества цену, значительно превышающую нынешнюю.

Но есть еще некоторые простые и в то же время очень важные обстоятельства, на которые вам нужно указать в связи с предложением установить таксу или максимум, что, как я уже доказал, есть одно и то же. Прежде всего, отмечаю трудность установить цену, сколько-нибудь основательную и справедливую; затем обращаю ваше внимание на возможные злоупотребления и неприятности, неизбежно вытекающие из таксы.

Устанавливая цену зерна, вы без сомнения захотите включить в нее, как необходимые моменты, расходы на обсеменение, на обработку, покупку скота и орудий, на транспорт, а также стоимость труда земледельца и арендатора, ибо для того, чтобы дать вам возможность жить, они должны жить сами (*в одной части залы и на трибуне, возвышающейся над крайней левой, поднимается сильный ропот*).

Те, кто меня прерывает, меня плохо поняли; они оскорбили меня подозрением, будто я поднимаю свой голос в защиту человечности и справедливости. Но я совершенно не виновен в этом преступлении и, выступая здесь, исходил вовсе не из признания прав земледельцев—этого самого многочисленного, самого полезного и самого достойного класса общества. Боже упаси! Я говорю только в интересах городских потребителей и ни в чем не виновен. Итак, перед тем, как ропот принудил меня замолчать, я хотел сказать, что если установленная на зерно цена не будет находиться в соответствии с ценой остальных сестных припасов, расходами на обработку, с платой поденщикам, то земледелец, не извлекая никакого дохода от возделывания своей земли, перестанет ее обрабатывать, большинство полей останется в будущем году под паром и народ умрет тогда с голоду (*снова поднимается ропот; раздаются возгласы: «Долой, долой». В зале оживленное движение*).

¹ Жирондист.

*Карра*¹. Это разбойники, подкупленные для того, чтобы унижить и разогнать Конвент. (*Раздаются голоса: «Уйдем в другое место, или очистите трибуны»*).

*Председатель*². Я напоминаю гражданам на трибунах о том уважении, которое они обязаны иметь к национальному представительству и объявляю им, что если обсуждение будет нарушено малейшим знаком одобрения или неодобрения, то на основании наказа мною будут отданы самые строгие приказания.

Значительное количество членов.—Этого недостаточно.

*Гаде*³. Я прошу слова для предложения о порядке прений.

Несколько голосов. К порядку дня!

Значительное число голосов.—Нет, нет!..

Собрание решает предоставить голос Гаде.

Гаде. Граждане! Униженное национальное представительство не имеет права существования. Всякий паллиатив, имеющий целью спасти его достоинство, является трусостью. Повторность приглашений и приказаний председателя о соблюдении порядка доказывает их бесполезность; парижские власти не хотят, чтобы вас уважали.

(В значительной части зала раздается ропот).

Граждане! Настало время прекратить вражду между всем народом и кучкой контр-революционеров, маскирующихся патриотами. (*Снова ропот*). Я называю и имею основание называть замаскированными контр-революционерами тех, кто не только оскорблял и унижал Национальный Конвент, но и угрожал ему; ибо чего же еще могут желать соединившиеся против нас короли и тираны, как не того, чтобы видеть нас униженными, оскорбленными и угрожаемыми? Они прекрасно знают, что при таких обстоятельствах мы не сможем дать народу конституции, а та, которую мы ему дадим, будет, по необходимости, носить отпечаток того унижения, которому нас хотят подвергнуть. Я хочу сделать предложение, которое, без сомнения, возмутит всех тех, кто не имеет в сердце любви к Республике и свободе. Я предлагаю, чтобы Конвент постановил, что в понедельник заседание будет происходить в Версале.

(Часть собрания поднимается с криками: «Правильно, правильно, на баллотировку предложение Гаде». Ропот другой части собрания покрывает эти восклицания).

*Левассер*⁴. Предлагаю очистить трибуны.

*Вижье*⁵. Я полагаю, что отложить на понедельник наш отъезд в Версаль—это значит дать злоумышленникам возможность ему помешать. Я считаю предложение Гаде недостаточным и требую,

¹ Жирондист.

² Ласур — жирондист.

³ Жирондист.

⁴ Член центра (так называемого «болота»).

⁵ Жирондист.

чтобы при малейшем проявлении ропота трибун, мы поднялись и отправились в Версаль с саблями в руках

*(Вносится предложение голосовать предложение Гаде. Шум все возрастает. Председатель надевает шляпу*¹. *Спустя некоторое время ему удается восстановить спокойствие и он возобновляет заседание. Многие члены требуют очищения трибун).*

Дантон. Мы все согласны в том, что национальное достоинство требует, чтобы ни один гражданин не мог оказать неуважения народному представителю, излагающему свое мнение; мы все согласны в том, что в данном случае имело место выражение неуважения и что виновные должны быть наказаны, но это наказание должно быть на одних только виновных. Вы хотите быть суровыми и справедливыми—прекрасно.

(На правой стороне поднимается ропот; Дантон слезит с трибуны. Некоторые члены предлагают ему внести свои поправки. Граждане, бывшие на той трибуне, очищение коей было потребовано, уходят и приглашают сидящих на других трибунах последовать за ними. На трибунах царит сильное возбуждение. Со всех концов зала горячо требуют принятия предложения Левассера. Оно принимается).

Дюко. Беспорядочный шум, который помешал мне изложить свое мнение, происходит не только от обычных причин, т.-е. беспорядка и неуважения, обуревающих трибуны этого собрания, но также и от ошибочных идей и внедрившихся предрассудков большинства граждан Парижа в вопросе о продовольствии; предрассудков, говоря между прочим, внутренних деспотизмом, когда он в свое время давал народу дешевый хлеб для того, чтобы в свою очередь дешевой ценой приобрести его молчание и покорность. Да, граждане, здесь не бесполезно будет отметить, что учение, которое я проповедую, было всегда учением просвещенных друзей свободы, а то учение, с которым я борюсь,—вся эта система пут, стеснений, таксаций, учета, домашних обысков, штрафов, судов и так далее,—заставляет вспомнить об интендантах, парламентах, государственных советах, о всех агентах и под'агентах старого режима.

Итак, я сказал, что такса, чтобы быть справедливой, должна соответствовать массе различных расходов, а также и заработной плате, а беспрестанно меняющиеся размеры этих затрат должны, в свою очередь, заставлять ежедневно изменять и самую таксу. Только торговля, и притом свободная торговля, может следовать за всеми колебаниями этих расходов.

Парижский народ, очевидно, воображает, что хлеб растет на полях, как трава в степи, но в собрании, украшенном присутствием многих сельских хозяев, должны быть более правильные представления о земледелии. Известно, что цена хлеба увеличивается

¹ Согласно французским парламентским обычаям, это означает закрытие заседания.

в соответствии с ценами на другие съестные припасы и с издержками, которые нужно предварительно понести для того, чтобы снять хлеб. Например, раньше, чем посеять зерно, нужно возделывать землю, но для этого нужны быки или лошади. Но лошадь, которая три года тому назад стоила 300 ливров, стоит теперь 1.200 или даже 1.500 ливров. Так неужели же ваша такса будет следовать за этим ужасающе непрерывным ростом?

Если бы сапожнику предложили таксировать башмаки в 6 франков, то он бы ответил: «цена кожи удвоилась, поденная плата моих рабочих, несколько лет тому назад равнявшаяся 50 су, в настоящее время составляет 4 ливра; я не могу сделать вам башмаки меньше, чем за 12 ливров пара; заплатите эту цену или я откажусь от своего ремесла».

Если бы вы предложили портному заплатить ему за костюм только 90 ливров, он бы ответил вам: «сукно три года тому назад стоило 36 ливров за локоть, теперь оно стоит 60, заработная плата рабочих удвоилась; извольте же заплатить мне за костюм 180 ливров или вы его не получите совсем».

Земледелец может в свою очередь сказать: «назначьте таксу в разумной пропорции на все съестные припасы, главнейшие изделия промышленности, на все мои издержки и работы, или же не назначайте таксы на продукт моего труда».

Итак, если вы хотите установить твердую цену на зерно, то следует таксировать все—это единственный способ установить соответствие между ценой вещей и заработной платой. Но это соответствие установится гораздо лучше силой вещей, чем при помощи ваших вычислений, ибо общественный обмен всегда правилен, когда он свободен и является плодом взаимных интересов и результатом их столкновений. Между тем, то, что навязано силой, часто является несправедливым, ибо законодатель не видит всего, тогда как частный интерес не забывает ничего. Отсюда следует, что лучше не устанавливать таксы.

Я представляю на усмотрение парижских граждан одно очень простое соображение по поводу бессмысленности такс и, чтобы сделать его более понятным, я облеку его в форму примера. Хлеб стоит в настоящее время в Париже 3 су за фунт. Если назначить таксу на хлеб, исходя из этой цены, которую я считаю ценой нормальной и обыкновенной, то народ при этом ничего не выиграет и все останется по-старому. Если же на хлеб будет назначена более высокая такса, то его цена поднимется, а народ, вместо того, чтобы получить облегчение, будет еще более отягощен. Если же вы назначите более низкую таксу, то фермеры и торговцы, не видя при существовании этой цены возможности покрывать свои расходы, припрячут принадлежащее им зерно в ожидании того времени, когда такса будет повышена или совершенно отменена. Это неизбежно повлечет за собой голод. Таким-то образом люди, пренебрегая принципами свободы, неизбежно действуют во вред поставленной ими себе цели.

Но, скажете вы,—можно заставить фермеров доставлять их зерно на рынок. Я не буду уже говорить о тираническом характере этой меры, а попрошу вас лишь обратить внимание на ее неудовлетворительность. Нет ничего столь трудного, как заставить человека разориться; если есть какой-нибудь тайный способ, чтобы избежать этого, будьте уверены, что он его найдет. Как ни будут запретительные законы суровы, частный интерес всегда окажется более гибким. Приказ доставлять зерно на рынок будет ни чем иным, как уведомлением о том, чтобы прятать его более тщательно. Если вы станете прибегать к конфискациям, домашним обыскам, если вы возобновите действие устава о налогах, то вас будут еще более ненавидеть и еще более обманывать, вот и все. В то же самое время недостаток продовольствия заставит самого потребителя тайно, по соглашению с торговцем, установить более высокую таксу, чем та, которая установлена законом. Таким образом, такса фактически будет уничтожена, а потому ее и не следует совсем устанавливать.

Мне могут заметить, что дело идет лишь о революционной мере, о временной таксе—я на это отвечу, что я одобряю революционные меры, дающие возможность жить, но не те, которые заставляют умирать с голоду. Я прибавлю еще и другое соображение: вы хотите временную таксу—прекрасно, но она ведь пойдет на пользу одному только богатому. Бедный, который покупает свой хлеб изо дня в день, будет извлекать пользу из таксы только до тех пор, пока она существует; если же вы ее затем уничтожите, или, если непрерывное повышение цен на другие продукты заставят вас ее повысить, он будет вынужден оплачивать свое пропитание в соответствии с вздорожанием. Напротив того, богатый, извлекая выгоду из установления таксы, заключающуюся в том, что он на имеющиеся у него деньги делает значительный запас по умеренной цене, перепродает затем зерно, чтобы воспользоваться увеличением цены. В крайнем случае, он будет иметь хлеб, гораздо более дешевый, чем человек без капитала. Заклятые враги скушников, будьте осторожны, предлагаемая вами мера благоприятствует всем их проделкам!

Из этого, очень неполного, изложения вытекает, что вовсе не в таксе и не в запретительных мерах следует искать лекарство против вздорожания и явного недостатка продовольствия, а в уничтожении самой причины, порождающей это вздорожание и недостаток. Причина же заключается, и в этом пункте мы сходимся почти все,—в выпуске бумажных денег для покрытия издержек на ведение войны, заставившей нас увеличить выпуск денежных знаков в большом количестве. Почему съестные припасы увеличились в цене? Потому, что в обращении находится слишком много ассигнаций. Совершенно излишне доказывать это очевидное положение. И заметьте, что избыток бумажных денег в обращении не то же самое, что избыток золотой и серебряной монеты. Когда золота и серебра появляется слишком много—его начинают вывозить за границу.

либо в монете, либо переплавив его в слитки. Соответствие между действительной стоимостью и номинальной не успевает быть нарушенным; бумажные же деньги не вывозятся—они отделены от своего залога, они не являются в одно и то же время и товаром и деньгами. Ложные представления иностранцев о нашей революции не дают им возможности понять, что наши ассигнации являются неизменной закладной на недвижимость, и поэтому трудно расширить их обращение за границей. На вас лежит обязанность найти средства для уменьшения этой обращающейся денежной массы. Наш финансовый комитет намечает для этого несколько средств: я прошу, чтобы его выслушали; первенство принадлежит по праву его проекту, ибо он предлагает средства уменьшить цены на сестные припасы, с необходимостью чего мы все согласны, в то время, как запретительные меры встречают в этом собрании очень сильные возражения...

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVI, p.р. 210—219).

III. Из декрета 4 мая 1793 года по продовольственному вопросу.

Национальный Конвент, выслушав доклад соединенных комитетов земледелия и торговли, декретирует нижеследующее:

Ст. 1. Немедленно после опубликования настоящего декрета все купцы, земледельцы или собственники зерна обязаны довести до сведения муниципалитетов мест их жительства, о количестве и сорте имеющегося у них зерна и муки и о приблизительном количестве зерна, которое им остается обмолотить. Директории дистриктов назначат комиссаров для наблюдения за выполнением этой меры в различных муниципалитетах.

Ст. 2. По истечении восьми дней после декларации этих сведений, муниципальные чиновники, или же граждане, специально назначенные ими на этот предмет, произведут проверку сделанных деклараций и составят соответствующие описи.

Ст. 3. Муниципалитеты безотлагательно перешлют директориям их дистриктов описи объявленного и проверенного зерна и муки. Директории дистриктов немедленно перешлют сводку этих сведений директориям департаментов, которые, составив общую таблицу, перешлют ее министру внутренних дел и Национальному Конвенту.

Ст. 4. Муниципальным чиновникам предоставляется право производить по постановлению Генерального Совета Коммуны домашние обыски у граждан, имеющих зерно или муку, но не сообщивших об этом в порядке, указанном в ст. 1 или же подозреваемых в том, что они сделали ложное сообщение.

Ст. 5. Граждане, не сделавшие деклараций предписанных ст. 1 или давшие неверные сведения, будут наказаны конфискацией в пользу бедных Коммуны того количества муки или зерна, которое они утаили.

Ст. 6. Под страхом штрафа размером от 300 до 1.000 ливров, налагаемого солидарно как на продавца, так и на покупателя, мука

и зерно могут продаваться только на тех общественных рынках или в тех портах, где их обычно продают.

Ст. 7. Тем не менее граждане имеют право, запасаться продовольствием у земледельцев, торговцев или собственников зерна их кантона по представлении удостоверения муниципалитета места их жительства о том, что они не ведут торговли зерном и что предполагаемое ими к покупке количество, указанное в удостоверении, необходимо им самим для потребления в течение не более одного месяца. Муниципалитеты обязаны вести реестр этих удостоверений с номерами, соответствующими номерам, указанным в удостоверениях.

Ст. 8. Директории департаментов уполномочены, согласно сообщениям директорий дистриктов, устраивать рынки в тех местах, где они найдут это нужным, но без права уничтожения рынков, уже существующих в настоящее время.

Ст. 9. Административные и муниципальные учреждения равным образом уполномочены, каждое в своем округе, требовать, чтобы всякий торговец, земледelec и собственник зерна и муки доставлял их на рынок в количестве, достаточном для прокормления населения.

Ст. 10. Эти же учреждения имеют право требовать рабочих для обмолачивания зерна в случае отказа сделать это со стороны фермеров или собственников.

Ст. 11. Директории департаментов должны пересылать требования о реквизициях директориям округов, а эти последние муниципалитетам, которые обязаны безотлагательно их исполнить.

Ст. 12. Никто не в праве отказываться от налсженной на него реквизиции, если он не докажет, что у него имеется зерно или мука лишь в количестве, необходимом для собственного употребления до нового урожая. Количество зерна и муки, превышающее его потребности или потребности его работников, арендаторов, поденщиков и жнецов, подлежит, в случае отказа от выполнения реквизиции, конфискации.

Ст. 13. Временный Исполнительный Совет уполномочен под надзором Комитета Общественного Спасения принимать все меры, признанные необходимыми для обеспечения снабжения Республики продовольствием.

Ст. 14. Министр внутренних дел уполномочен обращаться к департаментам, в которых окажутся излишки продовольствия, с требованием о реквизиции таковых для снабжения продовольствием тех департаментов, в которых окажется недостаточное количество сестных припасов.

Ст. 15. Каждый гражданин, желающий производить торговлю зерном или мукой, обязан заявить об этом муниципалитету по месту своего жительства. Ему будет выдано свидетельство установленной формы, которое он будет обязан предъявлять всюду, где он будет делать закупки, при чем чиновники рыночной полиции обязаны

делать на полях этих свидетельств надписи о количестве приобретенного зерна или муки.

Ст. 16. Все оптовые торговцы или же имеющие лавки для продажи зерна или муки обязаны иметь установленные книги для записи своих покупок и продаж с показанием лиц, которым они продали и у которых они купили.

Ст. 19. Правительственные агенты по снабжению продовольствием армии и флота, комиссионеры по закупке зерна как от административных учреждений, так и муниципалитетов, подчиняются этим же самым формальностям.

Ст. 20. Поименованным в предыдущей статье лицам категорически воспрещается под угрозой конфискации и штрафа, который не может быть менее стоимости конфискованных у них зерна или муки и не должен превышать десяти тысяч ливров, вести торговлю означенными продуктами.

Ст. 21. Равным образом всем чиновникам, под страхом смертной казни, воспрещается принимать прямо или косвенно участие в торговле на рынках.

Ст. 23. Законы, относящиеся к свободному обращению зерна и муки, сохраняются в силе, и этому обращению не должно быть поставлено никаких помех и преград, за исключением формальностей, предписанных настоящим законом.

Ст. 24. Муниципалитеты должны внимательно наблюдать за поддержанием порядка и тишины на общественных рынках.

Ст. 25. Для установления максимума цен на зерно в пределах каждого департамента, директории дистриктов обязаны сообщать директориям своих департаментов таблицы справочных цен на рынках их округа с 1 января по 1 мая сего года. Полученная на основании этих таблиц средняя цена, по которой каждый сорт зерна продавался в указанный промежуток времени, составит тот максимум, выше которого цена зерна не должна повышаться.

Директории департаментов объявят о максимуме в постановлениях, которые, вместе с таблицами, послужившими для них основанием, будут отпечатаны и разосланы во все состоящие в их ведении муниципалитеты для публикации и расклейки на стенах, а равным образом будут препровождены министру внутренних дел.

Ст. 26. Установленный таким способом максимум будет понижаться в следующей пропорции: к 1 июня он будет уменьшен на $\frac{1}{10}$; к 1 июля остающаяся цена будет понижена еще на $\frac{1}{20}$; к 1 августа на $\frac{1}{30}$ и к 1 сентября на $\frac{1}{40}$.

Ст. 27. Граждане, уличенные в покупке или продаже зерна или муки выше установленного максимума, подвергаются наказанию путем конфискации означенных продуктов,—если таковые еще находятся в их распоряжении,—и штрафу, который не может быть менее 300 ливров и выше 1.000, налагаемому солидарно на продавца и покупателя.

Ст. 28. Все уличенные в том, что они злобно и с намерением испортили, погубили или спрятали зерно или муку, подлежат смертной казни.

Ст. 29. Из имущества уличенных в означенном преступлении будет предоставлена награда в 1.000 ливров тому, кто на них донесет.

Ст. 30. Муниципалитеты, таможенные служащие и прочие представленные к этому лица, будут строго—под их личной ответственностью—наблюдать за выполнением законов против вывоза зерна и муки за границу.

Ст. 31. Настоящий декрет должен быть разослан через экстренных курьеров по всем департаментам.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVI, p.p. 343—347).

86. Постановление Парижской коммуны от 1 мая 1793 года о наборе двенадцати тысяч человек.

После торжественного одобрения Национальным Конвентом и согласия большинства секций Парижа с постановлением департамента Эро¹, касательно набора войск для отправки в Вандею, Генеральный Совет Коммуны, созванный на чрезвычайное заседание, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Будет сформирован армейский корпус из двенадцати тысяч человек, с которым выступят три члена Генерального Совета Коммуны, а равно и несколько членов департамента. Корпус будет организован следующим образом:

Ст. 2. Каждый отряд национальной гвардии, составленный из ста двадцати шести человек, обязан выделить четырнадцать человек.

Ст. 3. Выбор этих лиц будет произведен комитетом, состоящим из шести членов революционного комитета данной секции и одного члена Генерального Совета Коммуны, не являющегося членом данной секции.

Ст. 4. Означенные шесть членов мобилизационного комитета будут избраны на общем собрании комитетов гражданского и надзора каждой секции из числа членов этого собрания.

Ст. 5. Комитеты должны быть образованы 14 мая и в этот же день им должны быть представлены капитанами соответствующих отрядов списки гвардейцев этих отрядов.

Ст. 6. Командиры, адъютанты и капитаны вооруженных отрядов секций будут ответственны за исполнение нижеследующей статьи.

Ст. 7. Они должны указать в течение дня гражданам, к которым, по их мнению, должны быть направлены требования о мобилизации для экспедиции в департамент Вандею и они должны им немедленно

¹ Департамент Эро предложил произвести набор рекрутов для отправки их в Вандею, а для покрытия расходов по мобилизации—произвести принудительный заем у богатых.

объявить об этом. Генеральный Совет предоставляет на усмотрение мобилизационных комитетов призывать и тех граждан, которые не внесены в списки отрядов. Излишне указывать, что члены мобилизационных комитетов должны в своем выборе следовать правилам строгой справедливости, предписывающей выбирать только тех граждан, кратковременное отсутствие коих причинит менее всего неудобств. Вследствие этого могут быть забраны все неженатые служащие существующих в Париже контор, за исключением заведывающих и их помощников; клерки нотариусов и адвокатов, служащие банкиров, купцов и проч. в нижеуказанной пропорции.

Из каждых двух человек отправится один, из трех—двое, из четырех—двое, из пяти—трое, из шести—трое, из семи—четверо, из восьми—четверо и т. д.

Те из конторских служащих, которые будут мобилизованы, сохраняют за собой свои места и одну треть своего жалованья; ни один из них не может отказаться от призыва.

Общественные чиновники, избранные народом, не могут быть отвлечены от своих обязанностей.

Ст. 8. Списки набранных граждан будут прибиты к стене в помещении общего собрания секции и отосланы в Генеральный Совет Коммуны.

Ст. 9. Завербованные граждане должны сообщить мобилизационному комитету обо всем, чего им недостает из одежды, снаряжения и вооружения. Мобилизационные комитеты немедленно сообщат об этом в бюро Коммуны.

Ст. 10. Комиссары займутся также прочими приготовлениями к отправке с тем, чтобы по первому приказу генерала каждый гражданин был бы готов к выступлению.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVI. p.p. 332—334).

87. Постановление Генерального совета Парижской коммуны от 3 мая 1793 года о налоге на богатых.

Генеральный Совет Коммуны, постановив произвести набор двенадцати тысяч человек для того, чтобы прийти на помощь нашим братьям в департаменте Вандеи и желая озаботиться приисканием средств, необходимых как для самого набора, так и для оказания помощи матерям, женам и детям тех из наших братьев, которые выступают против мятежников, постановляет произвести заем в двенадцать миллионов на следующих основаниях:

Ст. 1. Революционным комитетам секций, к каждому из которых будет прикомандирован один член Генерального Совета Коммуны, будет поручено произвести эту операцию.

Ст. 2. Комитеты немедленно открывают запись граждан, желающих сделать добровольно взносы.

Ст. 3. На третий день они отправят предписание об уплате тем из состоятельных граждан, которые не сделали добровольных взносов или же сделали взносы в меньшем размере, чем они были в состоянии сделать.

Ст. 4. Обложению подлежит предполагаемый чистый доход от имущества, как недвижимого, так и движимого, и от промыслов.

Ст. 5. Фамилии граждан, сделавших добровольные взносы в достаточном размере или же в размере, превышающем их средства, будут внесены в протоколы Генерального Совета Коммуны.

Ст. 6. Революционные комитеты примут к сведению, для руководства своими действиями, списки налогоплательщиков, но они не обязаны непременно основываться на них.

Ст. 7. Революционные комитеты должны обратить особое внимание на то, чтобы не облагать имущества тех граждан, о которых известно, что их дохода хватает лишь на самое необходимое.

Ст. 8. Так как невозможно определить необходимое для каждого гражданина в отдельности, то как среднее необходимое будет считаться: для отца семейства—1.500 ливров, для каждого из прочих членов семьи по 1.000 ливров. Таким образом, среднее необходимое для семьи, состоящей из отца, матери и четырех детей будет 6.500 ливров.

Ст. 9. При установлении подлежащих взиманию сумм, определяемых на основании той лишь части предполагаемого дохода, которая превосходит среднее необходимое, комитеты будут руководствоваться принципом возрастающей прогрессии в следующем порядке:

Облагаемый излишек.	Подлежащая внесению сумма.	Остающийся излишек.
От 1.000— 2.000 ливров	30 ливров	1.970 ливров
» 2.000— 3.000 »	50 »	2.750 »
» 3.000— 4.000 »	100 »	3.900 »
» 4.000— 5.000 »	300 »	4.700 »
» 5.000—10.000 »	1.000 »	9.000 »
» 10.000—15.000 »	2.250 »	12.250 »
» 15.000—20.000 »	5.000 »	15.000 »
» 20.000—30.000 »	10.000 »	20.000 »
» 30.000—40.000 »	16.000 »	24.000 »
» 40.000—50.000 »	20.000 »	30.000 »

Ст. 10. Все те, облагаемый излишек которых превосходит 50.000 ливров, сохраняют для себя 30.000 ливров и уплатят весь превышающий эту сумму доход.

Ст. 11. Взаимные суммы должны быть внесены в кассы сборщиков налогов, которые для этой цели заведут особые книги, произведут сбор сумм, следуемых по обложению и выдадут в том квитанции.

Ст. 12. Платежи могут быть производимы не только ассигнациями, но и товарами в виде одежды, предметов обмундирования и вооружения, стоимость которых будет установлена комитетами по обложению.

Ст. 13. Первая треть подлежащей уплате суммы должна быть уплачена по истечении 24-х часов; вторая треть — по истечении 15-ти дней и, наконец, третья треть — по истечении месяца.

Ст. 14. Движимые и недвижимые имущества тех, кто не примет совершенно участия в патриотическом обложении, подлежат аресту и продаже по требованию революционных комитетов, а владельцы этих имуществ будут рассматриваться, как подозрительные.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVI, p. p. 399—400).

Жирондисты в лагере контр-революции.

88. Восстание в Вандее разрастается (из донесения комиссаров Конвента).

Представители народа в Мэн-Луарском и Сартском департаментах.
Анжер, 24 апреля 1793 года.

Граждане коллеги!

...Вы запрашиваете нас о подробностях относительно смут, волнующих эту часть Республики, о причинах этих смут, об их распространности и об их последствиях. Мы вам готовы сообщить, что мы знаем более достоверного на этот счет.

Невежество и фанатизм господствовали в областях, охваченных в настоящий момент восстанием, когда революция призвала французов к свободе. Революция здесь мало почувствовалась, и у свободы оказалось лишь незначительное число друзей. Цепи феодального и поповского деспотизма были разбиты по всей Франции; только тут не спешили их разбивать и ни на один момент не теряли надежды на их восстановление. В этом несчастном краю, патриотизм уже три года как находится в войне с ненавистью к свободе и не всегда был победоносным. Уже три года как эта несчастная страна повседневно орошается кровью ее обитателей.

Более удобной местности для контр-революционного заговора нельзя было и выбрать: она отличается величайшим плодородием и охватывает часть наших берегов; настроение ее сбитых с толку жителей, их число, их богатство, — все обещало, казалось, полный успех. Нужен был лишь предлог, и его доставил рекрутский набор. Все приготовления были сделаны с давних пор; в один момент поднялось более 100.000 человек; они захватили административные учреждения и сожгли все реестры документов, налоговые списки, все бумаги и все сведения, необходимые для управления. Они перерезали поодиночке захваченных врасплох патриотов и разгромили их имущество; их движение было стремительное, их успехи поражающие, и мы не боимся сказать, что, может быть, это было бы концом Республики, если бы комиссары Конвента не прибыли в те различные пункты, которые захватили или готовились захватить мятежники. Присутствие комиссаров вернуло уверенность и энергию ошеломленным патриотам, и все вместе принялись за операции, необходимые для того, чтобы рассеять этот грозный ураган.

Мы не будем входить здесь в детали различных экспедиций против этих бандитов. Вы уже об этом осведомлены, и мы шаг за шагом будем ставить вас в известность насчет этого, а здесь мы просто предлагаем вам познакомиться с природой зла и с его размерами.

Много эмигрантов из бывших дворян и священников стоит во главе этих скопищ и направляет все их движения; они по большей части вооружены и, повидимому, снабжены большим количеством военных припасов и продовольствия. Они окапываются, они выступают в бой по заранее обдуманному плану; в общем они сражаются довольно хорошо, и некоторые среди них обнаруживают отчаянную неустрашимость, которую может дать только фанатизм.

Вы не сможете поверить, до какой степени сбиты с толку эти бедные люди, и как велико их доверие к руководящим ими злодеям. Никогда суеверие не заходило так далеко.

Объединяющими их символами являются белые знамена и белые кокарды; все носят наплечники и четки; король и их попы—вот их лозунг.

Они обладают храбростью, доходящей до безумия; они атакуют не ожидая нападения. Эту странную уверенность дают им, во-первых, успехи, которые они вначале одержали с большой легкостью, и, во-вторых, недостойное поведение тех, которые были назначены, чтобы дать им отпор.

Мы говорим Комитету Общественного Спасения и обязаны сказать ему всю правду.

Прибывшие сюда отовсюду национальные гвардейцы обнаружили по прибытии дурное настроение. Все хотели сейчас же вернуться назад. Нам пришлось отослать тех, кто был не в состоянии служить; нам с трудом удалось удержать остальных. Эти национальные гвардейцы, говорим это со скорбью, дали доказательства самой низкой трусости. Мы видели, как 4.000 их, помещенных на превосходной позиции и обязанных прикрывать город Анжер, пустились бежать во всю прыть при одном только известии о появлении бандитов. Еще более значительное число их, за несколько дней перед этим, было приведено в смятение двумя пушечными выстрелами; и 30 бунтовщиков вскоре после этого разбили 900 хорошо вооруженных людей. Армия Вийе, в составе, по крайней мере, 7.000 человек, побежала от шума нескольких ружейных залпов; одним словом, не будь тут Финистерского батальона, 35-ой дивизии, 19-го полка драгун и нескольких храбрых национальных гвардейцев, которые несмотря на общую деморализацию, стойко выполнили свой долг, все было бы потеряно.

Нас еще более сокрушает то обстоятельство, что люди, которые так плохо сражаются, совершают самые ужасные нарушения дисциплины и, к сожалению, находят сообщников среди тех, которые сами сражаются лучше, чем они. Они не различают ни друзей, ни врагов, и эксцессы во всех их видах готовы дойти до апогея. Мы каждодневно делаем и делаем напрасные усилия для их обуздания и убедились, что при таком накоплении зла нет другого лекар-

ства, как поскорее закончить эту экспедицию, что мы и надеемся сделать, если вы пришлете испрашиваемую нами у вас помощь.

Власти повсюду развили усиленную деятельность, огромную энергию. Точно также и масса граждан оказалась достойной свободы. Мы расскажем вам о многочисленных проявлениях мужества и гражданственности, которые несколько нас утешают среди стольких ужасов.

Прежде, чем кончить, мы обязаны поделиться с вами последним наблюдением, и оно является самым важным из всех. Несчастные разногласия, раздирающие Конвент, происходившие в нем прискорбные сцены вызывают повсюду печаль и уныние. Малодушие прогрессирует ужасающим образом, и дерзость врагов свободы растет с каждым днем. Тут кроется величайшая из всех стоящих перед Республикой опасностей, и время Конвенту это знать; если такое положение вещей продолжится еще, отечество, может быть, и не будет спасено. Что касается до нас, рассчитывайте на наше рвение и мужество: мы выполним свой долг до конца, мы сдержим все наши клятвы.

Пьер Шудье, Ришар.

«Французская Революция в провинции и на фронте»,
стр. 127 — 130).

89. Парижские секции требуют изгнания из Конвента 22-х депутатов жирондистов (из петиции 35 секций, оглашенной в Национальном конвенте 15 апреля 1793 года).

При исключительно тяжелых условиях, создавшихся для революционной Франции весной 1793 г., в связи с острым экономическим кризисом и неудачами на внешнем и внутреннем фронтах, дальнейшее пребывание у власти жирондистов, явно сочувствовавших поведению Дюмурие и лишь по тактическим соображениям не решавшихся раскрыть свои карты, было чревато самыми серьезными последствиями для революции и республики. Прекрасно отдавая себе в этом отчет, парижские секции уже в середине апреля выставляют требование изгнания из Конвента 22-х депутатов, составлявших основное ядро жирондистской партии.

Законодатели, короли не любят правды, и потому царствие их преходяще; но народ любит истину, всегда и всюду, и его власть будет нескончаема.

Мы требуем отомщения за кровавые оскорбления, которые уже так долго наносятся священным правам народа.

Парижане, разрушив Бастилию, начали революцию первыми, ибо Бастилия сильнее всего проявляла свою власть именно над ними. Так и сейчас они готовятся напасть на новую тиранию, ближайшими свидетелями коей они являются. Парижане должны первыми бросить на всю Францию возглас негодования!

Парижане отнюдь не намерены выразить этим своего стремления к исключительному суверенитету, как их в этом постоянно обвиняют, они намерены лишь высказать пожелание, которому большинство их братьев из департаментов придадут силу закона; одно только их особое положение заставляет их взять на себя инициа-

тиву отомщения. Мы торжественно признаем, что большинство Конвента честно, так как оно сразило тирана. Мы требуем не роспуска Конвента и не приостановки работы политического механизма, мы бесконечно далеки от этой поистине анархической идеи, придуманной изменниками, желающими найти себе в этом утешение после отозвания, которое изгонит их отсюда, и мечтающими по крайней мере использовать тревогу и смятение Франции. Мы пришли, поддерживать общественным мнением большинства секций, чтобы поднять крик негодования, на который ответит вся Франция. Мы хотим указать Конвенту на преступления и на имена вероломных уполномоченных народа.

Известно, что они хотели прикрыть маской стремления к общественному благу свои злосчастные заговоры; но, наперекор их интригам, события обнаружили пред общественным мнением их истинные намерения. Они старались оклеветать парижский народ перед департаментами, они указывали на Париж, как на захватчика власти, надеясь этим путем заставить забыть их собственные захваты; они стремились к гражданской войне для того, чтобы расчленить Республику; они, при содействии Ролана, рисовали Европе парижан в качестве кровавых людей.

Что делали все эти люди, на которых мы указываем? Они воскуряли фимиам Дюмуре. Но это не единственное доказательство их соучастия с этим мятежным солдатом; их поведение, их переписка, неопровержимо свидетельствуют против них. Когда Дюмуре предпринял свое таинственное путешествие в Париж, то кто были те, кого он посетил?

Когда Бриссо и его приспешники, облыжно прикрываясь любовью к законности, проклинали анархию—Дюмуре повторял тот же самый клич; когда они пытались обесславить Париж, Дюмуре поступал точно так же; когда они путем своих бессильных потуг хотели закрыть народные общества, эти очаги патриотизма, Дюмуре изгонял из клубов свободных людей, всеми средствами подавляя проявление общественного мнения и истины; когда, следуя столь часто повторяемым вероломным указаниям министра Ролана, они требовали для своей охраны преторианскую гвардию из департаментов, Дюмуре также хотел пойти на Париж для защиты тех, кого они называли и теперь еще называют здоровой частью Конвента и кого мы называем его самыми большими врагами.

Их пожелания всегда сходились с действиями этого изменника; не равносильно ли соучастию это поразительное совпадение?

Но права народа неотъемлемы, и все оскорбления, которые вы им нанесли, послужили только к тому, чтобы еще глубже запечатлеть эти права в сердце народа. Разве Республика может отказаться от права очистить свое представительство? Нет, конечно, ибо право отзыва составляет сущность представительства и является защитой

народа. Не для того народ низверг наследственную тиранию, чтобы предоставить изменникам возможность безнаказанно заниматься своим делом! Декрета о праве отзыва, об этом вечном праве всякого избирателя, требуют уже во всех департаментах Республики; общественное мнение единодушно высказывается, чтобы объявить вам волю оскорбленного народа, прислушайтесь же к этому голосу!

Мы требуем, чтобы настоящее обращение, являющееся репительным изложением единодушных чувств, продуманных и неизменных, большинства секций Парижа, было доведено до сведения всех департаментов при помощи специальных курьеров, и чтобы к нему был приложен нижеприводимый список большинства депутатов, виновных в измене народу, дабы как только большинство департаментов выскажет свое согласие, депутаты эти были бы принуждены удалиться из Конвента. Вот этот список: Бриссо, Гаде, Верньо, Жансонне, Градженев, Бюзо, Барбару, Саль, Бирого, Понтекулан, Петيون, Ланжюине, Валазе, Арди, Леарди, Луве, Горса, Фоше, Лантена, Ласурс, Валади, Шамбон.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française». t. XXVI, p. 3—7).

90. Жирондисты переходят в наступление.

Если после измены Дюмуре жирондисты, напуганные мощным подъемом населения Парижа и других городов, предпочли сохранить оборонительное положение, то прямое требование парижских секций об изгнании их лидеров из Конвента и в особенности принятые этим последним и Парижской Коммуной в конце апреля и начале мая экономические мероприятия, решительно противоречившие интересам крупной буржуазии, заставляют жирондистов перейти в яростную контр-атаку.

I. Из письма Петiona к парижанам (конец апреля).

...Вашей собственности грозит гибель; а вы закрываете глаза на эту опасность. Между имущими и неимущими разжигают войну, а вы ничего не делаете для того, чтобы ее предотвратить. Несколько интриганов, кучка заговорщиков, диктуют вам свою волю, увлекают вас на резкие и необдуманные мероприятия и вы не имеете храбрости сопротивляться их натиску, вы не смеете явиться в свои секции, чтобы вступить с ними в борьбу. Вы видите, что все богатые и благонамеренные люди покидают Париж, вы видите, что Париж гибнет—и вы остаетесь спокойными... Парижане, пробудитесь же наконец от вашего летаргического сна! Заставьте этих ядовитых гадов вернуться в их убежища!..

(A. Mathiez. «La Révolution Française», t. II, p. 206).

II. Из протокола заседания якобинского клуба 17 мая 1793 г.

...Дефье оглашает письмо Верньо к францисканским монахам города Бордо следующего содержания:

«Граждане, вы были осведомлены относительно преследований, которыми мы подвергались и все же вы покинули нас. Между тем, гроза надвигается, ярость наших врагов увеличивается, над нами все больше и больше нависает опасность убийства, открыто раздаются голоса, требующие казни ваших представителей. В чем же наше преступление? В том, что мы провозгласили принцип гуманности, защищали вашу собственность, пытались охранить вас от преследований Марата и людей, игрушкой коих он является.

Нас не страшит смерть, но тяжело умирать, не унося с собой в могилу уверенности в том, что о тебе будут сожалеть те, ради которых ты принес себя в жертву».

Тот же самый Дефье оглашает следующие отрывки из прокламации, вывешенной в Бордо на стенах домов:

«Триста республиканцев находятся во власти разъяренных бунтовщиков; положение 22-х из них исключительно угрожающее, им ежеминутно грозит смерть.

Граждане, когда мы избирали наших депутатов, то мы полагали, что они будут состоять под защитой добродетели и думали, что они будут находиться среди людей, а между тем они очутились среди жаждущих крови тигров.

Быть может, они уже не существуют более. Содрогайтесь! Но этот произвол не останется безнаказанным!

Жажда крови отняла у нас наших представителей; жажда крови будет направлять нашу месть.

Парижане, спасайте нас, спасите наших представителей, спасайтесь сами от ужасов гражданской войны! Мы клянемся отомстить за них и умереть на их могилах»...

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p.p. 91—92).

III Из донесения Комитету общественного спасения.

Народные представители в департаментах Жиронды и Ло-Гаронском. Ажан, 16 мая 1793 г.

Граждане коллеги!

В тех критических обстоятельствах, в которых мы обретаемся, истинные друзья народа менее страшатся усилий вступивших в коалицию заграничных деспотов и объединившихся внутри страны бандитов, чем тайных махинаций интриганов и федералистов. Посылаемые нами вам документы весьма пригодны для того, чтобы открыть глаза Национальному Конвенту на эту породу людей, тем более опасную, что они обладают искусством приобретать род популярности, развращая общественное мнение. Количество последователей их секты довольно значительно в некоторых из южных департаментов и особенно в приморских городах. Они считают на своей стороне введенную ими в заблуждение часть народа и весь слой умеренных, фельянов, эгоистов, спекулянтов, мошенников, и карьеристов; вроде того, что не редкость слышать, даже публично, что так

как Париж хочет властвовать, от него следует отделиться и образовать автономные государственные единицы. А отсюда трудности снабжения оружием отправляющихся на границы рекрутов. Никто не хочет давать его, а делегаты Национального Конвента, требующие его именем закона, подвергаются оскорблениям, угрозам, их величают «маратистами» и дезорганизаторами. Отсюда недоверие и подозрение, насилия и захваты, тот дух страха и неуверенности, что ослабляет мужество, охлаждает рвение и сдерживает патриотический порыв к свободе. Отсюда препирательства самого скандального свойства, самые ужасные распри, самая ожесточенная брань против народных обществ, разделение одного и того же города, одного и того же департамента, на ряд враждующих лагерей. Каждый держится той или иной партии и недалек момент взрыва, ожесточенной гражданской войны, если Национальный Конвент, который должен наконец потушить все эти проявления ненависти, не примет самых безотлагательных мер для предупреждения этого взрыва.

Но, граждане, что делает эту опасность более реальной, более угрожающей, так это масса пасквилей, ежедневно циркулирующих во всех частях Республики. Пасквильянты, на которых столь изменчески тратилось в течение полугода золото нации, продолжают изрыгать свою отраву и не столько против вас, членов Комитета Общественного Спасения, на намерения которых они, однако, не перестают клеветать, потому что вы заставляете итти «машину», как против комиссаров Национального Конвента, командированных в департаменты и к армиям, пускают самые злокозненные слухи эти наемники Питта. Злодеи! Они говорят об уважении к народному представительству; они кричат против парижан и они первые готовы унижить его, обрушиться на него в лице нас, которым нужно полное доверие народа, чтобы выполнить с успехом возложенную на нас важную миссию. Мы не пойдем дальше в наших размышлениях; это ваше дело, граждане коллеги, и дело вашей мудрости взвесить сообщаемые нами вам факты и осведомить о них Конвент.

Гапро.

(«Французская Революция в провинции и на фронте», стр. 158 — 159).

91. Классовая борьба в парижских секциях.

Как видно из приведенного выше письма Петиона, жирондисты хорошо понимали, что в Париже сила принадлежит той партии, в руках которой находятся секции. Вот почему переход жирондистов в наступление должен был иметь своим естественным следствием их попытку завладеть парижскими секциями, тем более, что от этих последних зависели мобилизации рекрутов и раскладка налога на богатых.

I. Из газеты «Французский Патриот» от 8 мая 1793 года.

Секции с успехом борются против анархии; некоторые уже раздавили это отвратительное чудовище. Секциями, выказывающими

всего более энергии, являются Бонконсейль, Майль, Французского Театра, Единства (бывшая Четырех Наций) и Бютт-де-Мулен, но и во время этого благоприятного поворота мы не перестанем убеждать граждан вести себя благоразумно и твердо. Правое дело не должно быть осквернено насилиями, оставим анархистам их бесчестные средства! Справедливость, разум, мудрость, твердость, бдительность и, в особенности, постоянство, должны быть нашим оружием. Мы с грустью видим, что Марат, хотя он и Марат, был оскорблен в одной секции. Нужно было ограничиться презрением к нему и отсылкой его к своему посту.

Сборища молодых людей, образовавшиеся для протеста против произведенных муниципалитетом несправедливых арестов и против кровавых вызовов Шометта, не нарушили общественного спокойствия. Только для того, чтобы зажечь гражданскую войну, Тюрио, Робеспьер и некоторые другие обвиняли этих граждан в том, что они будто бы кричали: «Да здравствует король», «Долой республику», между тем, как они, наоборот, кричали: «Да здравствует республика», «Долой анархию». Неопровержимым доказательством того, что это не были мятежные сборища, является то, что они не учинили не только никакого беспорядка, но даже и малейшего намека на беспорядок. Таким образом, многочисленные аресты, произведенные Коммуной, не заставили их произвести какого-либо ложного шага.

В большинстве секций открыта запись граждан, желающих добровольно выступить против мятежников. Это их способ действия, единственно достойный свободного народа, пользуется огромным успехом. Существует также запись на добровольное обложение, и результаты ее очень внушительны.

Аресты в последние дни увеличились в ужасающей степени. Мэрия переполнена арестованными и трудно себе представить с какой наглостью и грубостью обходятся там с гражданами. Только и были разговоры, что о том, чтобы их задушить, устроить Варфоломеевскую ночь. Все же, судя по речам «господ»¹, дело отложено из-за страха перед департаментами и разногласий по поводу образа действий.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVI, p.p. 401—402).

II. Из газеты «Французский Патриот» от 15 мая 1793 г.

Они все хотят «покончить» и никак не могут этого сделать. В настоящий момент в порядке дня стоит грандиозный проект истребления «государственных мужей», «жирондистов», «умеренных» и т. п. при помощи граждан, завербованных для выступления против

¹ Жирондисты, пытавшиеся доказать, что крайние элементы Парижа являются наемниками контр-революционеров, называли их этим именем. долженствующим подчеркнуть их контр-революционный характер.

мятежников. Негодяи, вы думаете, что республиканцы, покинувшие ради торжества свободы свои очаги и семьи, способны стать гнусным орудием грабежа, убийства, анархии и даже контр-революции! Если вы рассчитываете на них, вы опять-таки не сможете «покончить»! Но они открыли еще одно средство, великое средство. Они хотят организовать революционную армию из женщин. Женщины эти, пока что, уже собираются в одной из зал якобинцев. Труссы, вы правы, эти женщины мужественнее вас, но не взирая на их помощь, вы и на этот раз не «покончите»! Вам даже не придется похвалиться совершенными вами убийствами, вы знаете о том, что мы готовы!

Направление, которое приняло в настоящий момент общественное мнение, должно больше всего успокоить робких людей насчет замыслов возмутителей. Многие секции открыто заявили о своем решении подавить анархию и начали с того, что стали уничтожать ее у себя. Секция Бютт-де-Мулен настолько справилась со своими анархистами, что жесточайший враг их—Колен, о котором мы уже неоднократно имели случай упоминать, был избран значительным большинством голосов председателем. Священник Шаль, который со своей прекрасной золотой табакеркой, украшенной блестящими брелоками в руках, отправился проповедывать в этой секции санкюлотизм, был настолько плохо принят, что ему не осталось ничего другого, как больше никогда там не показываться.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVI, p. 71).

III. Из газеты «Французский Патриот» от 19 мая 1793 года.

Неутомимое рвение большинства секций остается все на той же высоте и есть основание надеяться, что муниципальный деспотизм приходит к концу. Секции Французского Пантеона, Пик и Майль, равно как и многие другие, категорически воспротивились созданию центрального собрания для обсуждения военного обложения: этот протест мотивируется ими отсутствием отчетности у муниципалитета. Сундуки Коммуны представляют из себя пещеру льва. Видно все то, что туда входит, но не видно ничего, что бы оттуда выходило.

Анархисты употребляют всевозможные средства для того, чтобы снова овладеть утраченным ими в секциях положением. При помощи двух или трех оставшихся им верными секций, они снаряжают депутации, предусмотрительно являющиеся к концу заседаний, когда они вследствие этого менее многочисленны и таким образом добиваются согласия, а еще чаще прямо вымогают его. Несколькими днями тому назад, Варле, возмутитель парижских подонков, явился в сопровождении депутации от секции Санкюлотов в 11½ часов вечера в секцию Французского Пантеона, где долго расхваливал прелести нового восстания и преимущества всеобщей резни. Несмотря на малочисленность присутствовавших на заседании, Варле окончательно провалился и вынужден был удалиться, покрытый позором. На следующий же день секцией было постановлено, что, в соответ-

ствии с законом, заседания будут оканчиваться в 10 часов вечера и что заседания могут иметь место при наличии не менее 200 граждан. Было бы своевременным, если бы остальные секции последовали этому мудрому решению.

Анархисты прибегают к еще более гнусному средству. Набирая негодяев из различных секций, они водят их из секции в секцию и таким образом подавляют республиканское большинство; действуя подобным образом, они вновь взяли верх в секции Бонконсейль, таким же способом в секции Общественного Договора им удалось сменить всех должностных лиц и назначить новых; в секции Ломбар граждан, протестовавший против подобных гнусностей, подвергся с их стороны преследованию. Это безобразие носит название объединенного собрания секций. Как это ни ужасно, монтаньяр Левассер, присутствуя на таком заседании секции Общественного Договора, приветствовал это нарушение всех прав и законов...

(Bucheze et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVI, p.p. 137—138).

92. Жирондистские секции—опора контр-революции.

I. Петиция секции Мольера и Лафонтена Национальному конвенту от 6 мая 1793 г.

Постановление Генерального Совета Коммуны о наборе 12.000 человек возбудило, как по существу, так и по формальным основаниям, много волнений в Париже. Преисполненные желания устремиться на помощь нашим братьям в Вандее, но в то же время желая подчиниться закону, секция сочла своим долгом выразить порицание постановлению Коммуны и утвердившему его постановлению департамента.

Секция сочла долгом просить Конвент об издании декрета, определяющего пропорцию, в которой Париж и департаменты поставят новые контингенты призываемых.

(Bucheze et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVI, p. 367).

II. Из петиции секции Братства Национальному конвенту от 23 мая 1793 года.

Комиссары, уполномоченные общим собранием секции собрать доказательства существования заговора, направленного против общественной безопасности, представили свои донесения. Из них явствует, что революционный комитет секции сообщил им, что на собраниях, имевших место в воскресенье и понедельник в Ратуше, под председательством: первое—одного из чиновников департамента, а второе—мэра, было решено повторить день 10 августа, а вслед за этим и день 2 сентября. Было постановлено, что в назначенный день 22 члена Конвента будут убиты, при чем будет объявлено, будто они эмигрировали. Впрочем, в понедельник мэр воспротивился про-

должению прений и объявил, что если будут упорствовать, он закроет заседание.

Законодатели, во имя Франции, почетными представителями коей вы являетесь, во имя оскорбленного парижского народа, вы не должны больше терпеть безнаказанности заговорщиков! Имейте мужество надеяться на добрых граждан, имейте мужество рассчитывать на их энергию! Долой полумеры, они лишь увеличивают смелость заговорщиков и приведут вас к гибели! Не может быть примирения между добрым и злым гением революции! Мы не будем приносить новых клятв, мы ответим за вас перед нацией. Мы сумеем спасти свободу от злодейских заговоров бесчестящих ее негодяев.

(Bucheze et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p.p. 173—174).

III. Петиция секции Бютт-де-Мулен Национальному конвенту от 24 мая 1793 года.

Законодатели, борьба между добродетелью и преступлением длится чересчур долго; необходимо положить этому конец. Пусть французские патриоты и истинные республиканцы образуют подобно нам священную коалицию, тогда мы победим этих передетых патриотами роялистов, которые для того, чтобы легче ввести в заблуждение и обобрать народ, беззастенчиво называют себя санкюлотами.

Пусть вся Франция узнает о том, что подлинные жители Парижа, устав жить под тираническим игом нескольких явно подкупленных нашими внешними врагами злодеев, нарушили наконец свое преступное молчание; пусть все узнают, что уничтожая тирана, они хотели уничтожить и тиранию, и что голос родины, находящейся в опасности по милости этих, называющих только себя патриотами, людей, заставил добрых граждан встрепенуться! Да будет всем известно, что участники 14-го июля и 10-го августа снова выступили на сцену!

Законодатели, и вы, слушающие нас зрители, не доверяйтесь этим льстецам, этим людям, облекшимся в тогу ложного народолюбия, постоянно твердящим о ваших правах, но никогда не призывающих вас к исполнению ваших обязанностей. Пусть уважение, обязательное по отношению к народным представителям, заменит наглость некоторых из окружающих вас лиц; если же ни интересы республики, ни разум, не смогут одержать верх, обратитесь за помощью к добрым гражданам Парижа и мы можем заранее уверить вас, что наша секция будет не мало способствовать уничтожению окружающих вас и грозящих вам этих ядовитых насекомых.

Секции Братства и Тюльери оказали большие услуги родине. Законодатели, мы также заслужили эту честь. Мы клянемся до самой смерти бороться с анархией и анархистами; мы до самой своей смерти будем защищать национальное представительство и отдельных депутатов, независимо от их взглядов. Если же кто-нибудь из

них падет от ножа убийцы, мы отомстим за его смерть; мы сделаем даже более того, мы до основания уничтожим то место, где замыслили этот кровавый и губительный для свободы план.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p. p. 183—184).

93. Выступление Гаде в заседании Национального конвента 18 мая 1793 года.

Не ограничиваясь попыткой захватить в свои руки парижские секции, жирондисты одновременно с этим стремятся создать условия, должныствующие обеспечить им торжество в обще-французском масштабе в случае неудачи в Париже. Такова именно цель предложений, сделанных Гаде в заседании Конвента 18 мая.

До каких пор намерены вы оставлять на произвол судьбы будущность свободы? До сих пор судьба все время была на вашей стороне, и вы можете быть вполне довольны ею; но сами-то вы еще ничего не сделали для свободы и я спрашиваю вас, имеете ли вы право быть довольными собою? Я предлагаю вам принять энергичные меры для того, чтобы расстроить окружающие вас со всех сторон заговоры. Заговорщики 10-го марта все еще остаются безнаказанными. Нужно иметь смелость измерить всю глубину раны: зло заключается в апархии, в сопротивлении Конвенту со стороны властей; зло—в анархических парижских властях, которые следует... (*Сильный шум слева и на трибунах для публики*). Да, повторяю, источник зла находится в существовании парижских властей, стремящихся одновременно к деньгам и власти.

Я предлагаю Конвенту три следующие мероприятия:

1. Распустить парижские власти (*аплодисменты значительной части собрания. Шум слева и на трибунах*). Муниципалитет должен быть в течение двадцати четырех часов заменен на время председателями секций.

2. Заместители депутатов Национального Конвента¹ в кратчайший срок соберутся в Бурже, где смогут вступить в исполнение своих обязанностей по получению достоверного известия о разгоне Конвента.

В-третьих, я предлагаю, чтобы настоящий декрет был посредством специальных курьеров разослан по департаментам. Когда же эти меры будут приняты, мы сможем работать с душевным спокойствием людей, спрятавших в верное место порученные им священные сокровища.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p. p. 129—130).

¹ Одновременно с выбором депутатов Национального конвента на случай их выбытия были избраны и заместители депутатов.

94. Комиссия двенадцати.

Благодаря сопротивлению «болота», хотя и боявшегося волнений в Париже, но отнюдь не желавшего идти так далеко, как этого хотели жирондисты, предложение Гаде было отклонено большинством Конвента. Но взамен предложенных им мероприятий, Национальный конвент в том же заседании 18 мая постановил образовать особую комиссию из двенадцати членов, долженствующую рассмотреть мероприятия Парижской коммуны. В состав членов этой комиссии вошли исключительно жирондисты.

I. Доклад Вижье Национальному конвенту от имени Комиссии двенадцати 24 мая 1793 года.

Вы учредили чрезвычайную комиссию и облекли ее широкими полномочиями; вы поняли, что она является последней соломинкой посреди бури для спасения родины. Проникнутые важностью этой миссии, мы поклялись выполнить ее, поклялись спасти свободу или же погибнуть вместе с ней. С первых же шагов мы наткнулись на ужасный заговор, направленный против республики, против свободы, против национального представительства, против жизни как большинства его членов, так и других граждан. Каждый наш дальнейший шаг открывает все новые доказательства; прошло бы еще несколько дней и республика бы погибла, а вы перестали существовать. Я заявляю под ответственностью членов комиссии, что если Франция не убедится в существовании заговора против жизни многих из нашей среды, заговора направленного к установлению на развалинах республики ужасного и унижительного деспотизма; если мы не сможем привести доказательств существования подобного заговора,—мы готовы сложить свои головы на эшафоте. Мы свободны от какого бы то ни было духа партийности, нам безразлично где именно гнездятся заговорщики, мы стремимся лишь к истине и идем по следам заговора, открыть который нам было поручено. Поверьте—у нас нет иной цели кроме того, чтобы найти новые доказательства существования этого заговора. Несмотря на пользу, приносимую решительными мерами, им все же должен предшествовать общий доклад, но в виду того, что в настоящий момент мы еще не проследили некоторых нитей этого заговора, мы предлагаем вам в виде предварительной меры проект нижеследующего декрета....

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p. 185).

II. Декрет 24 мая, принятый Национальным конвентом по предложению Вижье.

Ст. 1. Национальный Конвент поручает охране добрых граждан общественное достоинство, национальное представительство и город Париж.

Ст. 2. Каждый парижский гражданин обязан немедленно же явиться на обычный сборный пункт своей части.

Ст. 3. Начальники частей должны сделать переключку всех вооруженных людей своей части и отметить отсутствующих.

Ст. 4. Караул Национального Конвента будет усилен двумя людьми из каждой части; ни один гражданин не имеет права заметить себя ни по этой должности, ни по какой-либо другой, исключая того случая, когда он является общественным должностным лицом, служащим в административном учреждении, или же если ему мешает явиться болезнь или какая-нибудь другая законная причина, наличием которой он должен будет доказать.

Ст. 5. Все граждане должны быть готовы явиться по первому же сигналу на сборный пункт, указанный командиром каждой секции.

Ст. 6. Впредь до законного избрания главнокомандующего всеми вооруженными силами Парижа, наиболее давний командир секции будет исполнять его функции.

Ст. 7. Общие собрания секций будут ежедневно закрываться в 10 часов вечера, о чем будет упоминаться в протоколе собрания. Председатели секций будут лично ответственны за исполнение настоящей статьи.

Ст. 8. Ни один не входящий в состав секции гражданин не имеет права принимать участия в ее заседаниях.

Ст. 9. В случае, если бы различным секциям встретилась надобность войти в переговоры друг с другом, комиссары каждой из них будут допущены в другие секции лишь по проверке полномочий, полученных ими от общего собрания их секции.

Ст. 10. Национальный Конвент поручает Чрезвычайной Комиссии Двенадцати немедленно докладывать ему относительно всех важных мероприятий, должностных лиц, обеспечивать свободу и общественный порядок.

Ст. 11. Настоящий декрет будет немедленно разослан сорока восьми секциям Парижа на предмет его торжественного обнаружения.

(Bachez et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p. p. 185—186).

95. Что означала бы победа жирондистов.

I. Из протокола заседания Национального конвента 25 мая 1793 года.

...У решетки Конвента появляется депутация Генерального Совета Парижской Коммуны.

Оратор депутации. Представители народа, Генеральный Совет Парижской Коммуны явился бы в полном составе, если бы критическое положение, в котором мы сейчас находимся, не вынуждало его к непрерывным заседаниям; поэтому вы видите перед собой лишь его представителей. Они явились для того, чтобы предъявить свои справедливые требования. Секция Братства говорила вам об ужасном заговоре, но имена заговорщиков не были названы и таким образом подозрение падает на всех граждан Парижа.

(С правой стороны раздаются возгласы: нет, нет!).

Дантон. Я требую, чтобы депутация Парижской Коммуны была также заслушана, как и марсельская депутация ¹.

Оратор. Несомненно, что в Париже имеются заговорщики; это—те, кого поддерживают тираны. Их необходимо разоблачить. Подписавшие доносы знают имена виновных; если они истинные патриоты, то должны назвать их. Облеченные доверием своих сограждан, мы пришли требовать от имени парижских граждан мести; мы требуем, чтобы петиция, представленная секцией Братства, была подписана доносчиками и послана общественному обвинителю Революционного Трибунала. Пусть меч правосудия хоть раз падет на головы тех, кто клеветает на народ, всем пожертвовавший для революции.

Еще одно обстоятельство привело нас к вам. Должностные лица народа, поклявшиеся оставаться свободными или умереть, не могут без возмущения видеть явное нарушение священных прав. Мы пришли заявить вам о насилии, произведенном Комиссией Двенадцати над Эбером ², товарищем прокурора Коммуны. (С правой стороны раздается сильнейший шум). Он был выхвачен из среды Генерального Совета и уведен в тюрьму Аббатства. Генеральный Совет до самой смерти будет защищать невинных. Он требует, чтобы вы вернули к исполнению своих обязанностей должностное лицо, заслужившее уважение как своими гражданскими добродетелями, так и своими талантами. (Ропот). Мы требуем ускорения суда над ним. Произвольные аресты являются для благомыслящих людей почетным признаком их гражданских добродетелей. (Аплодисменты в части зала и на трибунах).

Председатель ³. Конвент, провозгласивший права человека, не потерпит, чтобы какой бы то ни было гражданин оставался в заключении, если он того не заслуживает. Поверьте, вы добьетесь скорого правосудия, но сперва послушайте ту правду, которую я вам скажу. Франция доверила Парижу охрану национального представительства; необходимо, чтобы Париж уважал его, и чтобы парижские установленные власти употребили все свое влияние для того, чтобы это уважение было сохранено. Если когда-либо Конвент будет унижен, если когда-либо одно из столь часто повторяющихся после 10 марта восстаний, относительно которых должностные лица никогда не предупреждали Конвент... (На крайней левой сильнейший шум, с противоположной стороны аплодисменты. С левой стороны раздаются голоса: «Это не ответ»).

Фабр д'Эглатин ⁴. Председатель, я прошу слова против вас.

Председатель. Если благодаря этим постоянно возобновляющимся восстаниям, национальному представительству будет нанесен какой бы то ни было ущерб, я заявляю вам от имени всей Франции...

¹ Жирондистская депутация от города Марселя, непосредственно перед тем выступавшая в Конвенте.

² Представитель крайнего левого крыла якобинцев, лидер так называемых «эбертистов».

³ Иснар — один из виднейших вождей жирондистов.

⁴ Монтаньяр (дантонист).

(С крайней левой раздаются крики: нет, нет! Остальная часть собрания встает. Раздаются возгласы: да, да, от имени всей Франции!)

Председатель. Я заявляю от имени всей Франции, что Париж будет уничтожен... (Сильнейший шум с крайней левой покрывает голос председателя. С противоположной стороны раздаются возгласы: да, вся Франция будет жестоко мстить за это посягательство!).

Марат. Сойдите с вашего кресла, председатель! Вы трус! Вы бесчестите собрание! Вы покровительствуете «государственным мужам!»...

Председатель. Вскоре на берегах Сены будут искать место, где когда-то существовал Париж... (С левой стороны шум, с противоположной стороны аплодисменты)...

Председатель. Мечь правосудия, с которого еще сочтется кровью тирана, опустится на голову всех, осмелившихся выступить против национального представительства. (Аплодисменты с правой стороны).

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p.p. 223—225).

II. Из протокола заседания Национального конвента 27 мая 1793 года.

...У решетки — депутация секции Сите.

Оратор. На свободу произведено новое покушение; виновниками его являются уполномоченные республиканского народа. Секция Сите требует возвращения двух входящих в ее состав граждан; по приказанию вашей Комиссии Двенадцати в ночное время были арестованы председатель и один из секретарей секции. Граждане, возмущенные подобным приказом, перещеголявшим даже леттр-декаше, будучи в то же самое время уверенными, что среди вас найдутся еще люди, сохранившие любовь к справедливости, послали нас к вам с целью осведомить вас о подобном нарушении прав человека и гражданина.

Время жалоб уже прошло; мы пришли предупредить вас о необходимости спасти Республику, в противном же случае нам останется только спасти себя самим. Находящиеся среди вас враги народа тщетно пытались оклеветать Париж перед нашими братьями в департаментах; пусть они явятся убедиться в нашем патриотизме — они оправдают наши священные восстания!

Время еще не ушло, накажите преступную комиссию, нарушившую права человека и гражданина! От имени секции Сите мы требуем предания Революционному Трибуналу членов Комиссии Двенадцати. Подумайте, речь идет о том, чтобы отомстить за почти уже умершую свободу! Народ предоставляет вам сделать первый шаг. Секция Сите просит разрешения продефилировать перед вами.

*Председатель*¹. Граждане, Конвент прощает заблуждения, свойственные вашей молодости. (Его прерывает сильнейший шум). Вы хотите быть свободными; в бурных проявлениях вашей пылкости легко признать жажду свободы, но для того, чтобы добиться ее, необходимо также признать подчинение законам. Да будет вам известно, что тирания, прячется ли она в погребах или же показывается в общественных местах; опирается ли она на трон или на трибуну клуба; держит ли она в руках скипетр или кинжал; сверкает ли она позолотой или являются санкюлотом; увенчана ли она короной или носит простой колпак, — остается все той же самой тиранией. Французский народ поклялся истреблять всякую тиранию. Конвент, как выразитель его воли, не подчинится воздействию какого бы то ни было вида насилия; Конвент всегда будет проповедывать гражданам повиновение законам, неприкосновенность личности и имущества, войну аристократам и анархистам.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p.p. 251—252).

III. Речь Марата в заседании Национального конвента от 27 мая 1793 года.

С того момента, когда голова тирана скатилась на эшафот, роялисты и прихвостни старого режима сплотились для того, чтобы восстановить королевскую власть. Во всей Республике началась смута. Часть этих беспорядков возникла благодаря позорным пасквилям продажных писателей, заседающих среди нас. Действуя заодно с Роланом, они сделали все возможное для того, чтобы восстановить настроение департаментов против комиссаров, посланных для рекрутского набора; они изобразили их какими-то людоедами; дошло даже до того, что один из представителей народа пал от руки убийцы и немного не хватало, чтобы благодаря этой вероломной клевете всех депутатов-патриотов постигла та же участь. Народ пытались ввести в заблуждение, заставляя его верить в существование заговора, направленного против «государственных мужей». Доказательством того, что заговор этот никогда не существовал, является, что ни один из вас не получил даже малейшей царяпины. Вы знаете, что патриоты смогут вздохнуть спокойно лишь после того, как народ получит хорошую конституцию, а вы мешаете их работе. Призываю вас к стыду, если только стыд может еще проникнуть в ваше сердце! С момента введения принудительного налога на богатых вы пытаетесь посеять раздор среди секций Парижа. Не буду обвинять вас в том, что вы сами составляете те адреса, которые читаются у вашей решетки аристократами из секций, но как могли вы учредить чрезвычайную комиссию для того, чтобы следить за всем происходящим внутри секций? Я боюсь чрезвычайных комиссий, состоящих из членов одной лишь половины Собрания. Есть ли основание предпо-

¹ Иснар.

лагать в данном случае иную цель, кроме желания подавить патриотов, заставить замолчать такого писателя-патриота, как Эбера, редактора «Пер-Дюшен'а»? Еще этой ночью председатель и секретарь секции Сите были арестованы по ордеру Комиссии Двенадцати. Вы быть может полагаете, что арестовав всех патриотов, вы окажетесь господами положения? Оставьте это заблуждение! Вы скоро разочаруетесь в нем. Большинство народа настроено патриотически, ему в равной мере ненавистен как королевский, так и сенаторский деспотизм. Вы без конца толкуете о законах, но ссылаетесь на них лишь для того, чтобы нарушать их в пользу тех, кто принадлежит к вашей партии. Если патриоты вынуждены будут поднять восстание—это будет плод вашей работы... Я требую уничтожения пресловутой Комиссии Двенадцати, губящей свободу, вызывающей восстание, которое произойдет в ближайшее время, да, именно в ближайшее время, благодаря вашей собственной оплошности, допустившей чрезмерное поднятие цен на съестные припасы. Я объявляю войну не только Комиссии Двенадцати, но и партии «государственных мужей». Если бы вся нация могла стать свидетелем вашего вероломства и тех усилий, которые вы употребляете для подавления губящих свободу заговоров, вы наверно очутились бы на эшафоте! Если же правда, что в ваших сердцах нет места вероломству, то присоединитесь ко мне, чтобы требовать уничтожения этой губящей свободу Комиссии.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p.p. 248—250).

Тридцать первое мая.

96. Из протокола вечернего заседания Национального конвента 27 мая 1793 года.

При положении вещей, создавшемся к концу мая 1793 года в результате поведения жирондистов, единственный способ спасения революции заключался в насильственном удалении жирондистских вождей из состава Национального конвента. Этому удалению уже давно добивались руководимые «бешеными» парижские народные массы, но монтаньяры, не решаясь на эту меру, которая бы чересчур тесно связала их с «бешеными», чего они вовсе не хотели, искали иного, мирного, выхода. Их первой попыткой в этом направлении явилось стремление использовать положение, случайно создавшееся в Конвенте вечером 27 мая, когда благодаря уходу значительного количества депутатов, жирондисты неожиданно остались в меньшинстве.

...У решетки Конвента появляется делегация от секции Гравилье.

Оратор. Граждане депутаты, в 1789 году парижские жители стояли под гнетом преследований; народ разрушил Бастилию. В 1792 г. король-клятвопреступник приказал избивать народ под окнами своего дворца; убийцы погибли. В 1793 году новый деспотизм, ужаснее первых двух, вылившийся в форму инквизиторской комиссии, вырос на развалинах монархии. Патриоты заключены в тюрьму, надвигаются кровавые события 17-го июля. Республика на краю гибели. Секция Гравилье заявляет вам через своих комиссаров, что она не напрасно дала клятву жить свободной или же умереть. (*Аплодисменты*). Вы признали священный принцип борьбы против угнетения. Горе осыпанным золотом и жаждущим могущества предателям, желающим заковать нас в кандалы! (*Аплодисменты*). Лицемерам и предателям придется раскаться в том, что они еще раз заставили жителей Парижа испробовать свои силы! (*Аплодисменты*). Пусть трепещут те, кто стремится федерализировать Республику и возвести Бурбонов на престол; мы предпочтем исчезнуть с лица земли. (*Аплодисменты*).

Представители народа, мы готовы умереть за Национальный Конвент, но так как вы призваны сюда для того, чтобы выработать хорошие законы, а не для того, чтобы перед вами выслуживались, выслушайте же правду. Ваши бурные прения ясно доказывают, что очаг контр-революции находится среди вас самих. (*Граждане аплодируют*). Разве Национальный Дворец все еще является дворцом Тюльерийским¹? Неужели же воскресли дворяне, швейцарцы и свя-

¹ Незадолго до этого времени Национальный конвент переехал в Тюльерийский дворец, переименованный в Национальный.

ценники, поверженные в прах в день 10-го августа? Неужели же представители народа не расчувствуются, слыша из глубины могил крики несчастных жертв, взывающих о мести за свою смерть? (*Многие депутаты кричат: «они добьются ее!»*).

Оратор. Подумайте о том, что стены этого дворца несут следы крови патриотов, подумайте о том, что вы не можете проникнуть за эту ограду, не перешагнув через тысячи трупов, и вы тогда убедитесь в необходимости восстановления порядка и братства. Вы дадите нам, наконец, республиканскую конституцию, столь страстно нами желаемую, для которой пока что вы ничего еще не сделали.

Депутаты Горы, словившие своей стремительностью тирана, мы умоляем вас спасти родину! («*Да, да мы спасем ее!*», кричат многие из депутатов). Если вы можете, но не хотите этого сделать—вы трусы и предатели. Если же вы хотите, но не можете—заявите нам об этом, ибо это является предметом нашей миссии и тогда сто тысяч вооруженных рук поднимутся на вашу защиту. Мы требуем освобождения арестованных патриотов, упразднения Комиссии Двенадцати и суда над бесчестным Роланом.

*Председатель*¹. Граждане, мы также как и вы ненавидим королевскую власть и все то, что на нее похоже. Будучи представителями народа, мы существуем только благодаря ему и только для него. Добрые граждане, помогите нам работать для общественного спасения; уничтожьте все препятствия, дайте нам возможность спокойно работать над составлением конституции! Вся Франция провозгласила: свобода или смерть! Когда права человека нарушены, остается одно из двух: получить удовлетворение или же умереть. (*Аплодисменты*).

Граждане, будьте уверены, что мы все предпочтем умереть на наших местах, нежели потершим, чтобы вашим правам и народному суверенитету был нанесен какой бы то ни был ущерб. (*Аплодисменты*).

Собрание постановляет напечатать как петицию, так и ответ на нее.

...У решетки Конвента появляется новая депутация.

Оратор. Секция Красного Креста предъявляет вам те же требования, что и другие секции Парижа, а именно: освобождение Эбера и всех остальных патриотов, и упразднение Комиссии Двенадцати, направившей свои удары против истинных друзей свободы. (*Аплодисменты*).

*Делакруа*². Я прошу Конвент декретировать освобождение всех арестованных граждан, упразднение Комиссии Двенадцати и пере-

¹ Эро-де-Сешель, дантонист, занявший председательское место с момента ухода жирондистов.

² Монтаньяр (дантонист).

дачу вопроса о ней Комитету Общей Безопасности, для рассмотрения поведения входящих в ее состав членов.

После непродолжительных прений два первых предложения Делакруа принимаются. Заседание закрывается в полночь.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p.p. 268—270).

97. Парижская коммуна и секции готовят восстание.

Постановление, принятое Национальным конвентом вечером 27 мая было отменено в заседании следующего дня, когда жирондисты снова овладели большинством. Таким образом попытка монтаньяров мирным путем добиться отстранения жирондистов от власти окончилась полной неудачей, и им не осталось ничего другого, как принять участие в подготовлявшемся «бешеными» вооруженном восстании против жирондистов. Но даже и приняв участие (через посредство Парижской коммуны) в революционных приготовлениях «бешеных», монтаньяры явным образом боялись своих союзников и всячески пытаются сдерживать их энергию. Отсюда—половинчатость восстания 31 мая.

I. Из протокола заседания Генерального совета Парижской коммуны 30 мая 1793 года.

В связи с сообщением прокурора Коммуны о распространявшихся слухах о том, что во Дворце Епископа происходит собрание, могущее причинить гражданам волнение, Генеральный Совет с целью отнять у недоброжелателей какой бы то ни было повод для клеветы, постановляет, что депутация в составе четырех его членов немедленно отправится к месту этого собрания, осведомится о его действиях и тотчас же представит доклад обо всем виденном.

Мэр, получивший сообщение, что во Дворце Епископа принимают слишком резкие решения, заявляет о своем желании отправиться туда. Совет назначает шесть комиссаров для того, чтобы его сопровождал.

Один из членов требует, чтобы Генеральный Совет принес клятву быть верным республиканским принципам и защищать имущества. Открываются прения, Совет не выносит никакого решения.

Мэр возвращается из Дворца Епископа, где он ознакомился с постановлениями, вынесенными на тамошнем собрании. Из них явствует, что собравшиеся там граждане объявили себя восставшими и собираются закрыть заставы. Мэр и его товарищи безуспешно, всевозможными доводами, старались склонить их приостановить приведение в исполнение этих мер.

Секция Люксембург объявляет, что она восстала и запирает свои заставы.

Депутация граждан, собравшихся во Дворце Епископа, сообщает о принятом ими решении, в котором говорится о том, что, будучи облечены неограниченными полномочиями секций, они объявляют город Париж находящимся в состоянии восстания против аристо-

кратических и угнетающих свободу партий и, как первую меру, постановляют закрыть заставы. В ожидании решения секций Совет переходит к порядку дня.

Три часа утра; в церкви Нотр-Дам звонит набат.

Генеральный Совет принимает следующую прокламацию, долженствующую быть немедленно разосланной сорока восемью секциям Парижа:

«Граждане, Парижу больше, чем когда бы то ни было, необходимо спокойствие! Департамент созвал на сегодняшнее утро установленные власти и все сорок восемь секций для обсуждения мер общественного спасения.

Какие бы то ни были меры, опережающие те, которые будут приняты на этом собрании, могут оказаться губительными.

Спасение родины требует, чтобы в ожидании этого совещания все хранили полное спокойствие».

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p. 305—306).

II. Петиция, прочитанная 30 мая 1793 года Национальному конвенту Русселеном от имени 27 секций Парижа.

Законодатели, мы передаем вам единодушное, спокойное и обдуманное пожелание 27 секций Парижа. Впрочем, почему я говорю 27 секций? Мы передаем вам волю всех секций Парижа, включая сюда даже и те, на которые при проведении своих губительных планов, рассчитывала Комиссия Двенадцати; сейчас эти секции, очнувшись от своего кратковременного заблуждения, обратили ройлизм во прах, подобно тому, как это должно иметь место во всех департаментах республики; но, подчиняясь даже самым несправедливым законам, те из секций, которые узнали об адресе лишь в 10 часов, выразив свое неофициальное согласие, не сочли возможным оформить его после наступления часа, назначенного вами для закрытия заседаний секций.

Речь моя будет кратка. Законодатели, спартанцы говорили мало, но умели умирать за свободу. Мы же, парижане, очутившись в Фермопилах республики, сумеем умереть, но будем отомщены! (*Аплодисменты*). Законодатели, выслушайте нашу петицию:

Адрес Национальному Конвенту по поводу незаконных арестов.

Представители народа, несправедливая, незаконно действующая Комиссия притесняет патриотов и заковывает их в кандалы. Предатель Лафайет не заключен в берлинскую тюрьму; священник Рабо¹, его защитник, редактор четырех, сеющих разврат, газет, законодатель, оплачиваемый четырьмя партиями, властвует в наших стенах; Лафайет может торжествовать, ибо видит, как проливается кровь патриотов, он будет ходить по их трупам: Арестуйте его!..

¹ Рабо-Сент-Этьен — протестантский священник, один из виднейших жирондистов.

Кровь патриотов, пролитая 14 июля перед Бастилией, кровь республиканцев, умиравших 10 августа под развалинами трона, побелевшие кости наших братьев, павших во время борьбы за свободу, голос всей Франции, наконец, все призывает нас к борьбе с угнетением.

Республиканцы, вы, которые уничтожили тирана, если возглас этот дойдет до ваших ушей, если он тронет ваши великодушные сердца, спасите республику, спасите свободу! Секции Парижа, глубоко возмущенные нарушением прав человека, но в то же самое время преклоняясь перед нераздельностью республики, требуют:

во-первых, отмены всех декретов, изданных по предложению Комиссии Двенадцати, в особенности декрета, в силу которого заседания секций закрываются в 10 часов вечера;

во-вторых, издания декрета о возбуждении обвинения против всех членов означенной Комиссии с преданием их революционному суду восьмидесяти шести департаментов;

в-третьих, наложения печатей на их бумаги и протоколы и передачу последних Комитету Общей Безопасности. Кроме того, дабы крепче спаять звенья нераздельности, раз'единить которые пытаются враги общественного дела, секции требуют, чтобы вы назначили республиканскую федерацию на ближайшее 10 августа. В этот день парижане, терпевшие достаточно и даже слишком долго возводимую на них клевету, смогут своим братским отношением к братьям их департаментов доказать им, что они действительно достойны благодарности всей Республики.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p. 303—305).

III. Из протокола заседания Парижской коммуны 31 мая 1793 года.

31 мая в 6½ часов утра, в Генеральный Совет являются представители большинства секций. Их председатель, гражданин Добсан, берет слово. Он объявляет, что парижский народ, права которого были нарушены, принял меры, необходимые для сохранения своей свободы и что полномочия всех установленных властей аннулированы.

Товарищ председателя отвечает, что Генеральный Совет на своем посту, что он получил свои полномочия от народа и не злоупотреблял ими. Если большинство секций аннулирует полномочия должностных лиц народа, он готов подчиниться и смешаться с остальными гражданами; если же большинство народа оставит его при исполнении его обязанностей, то оторвать его от них можно будет лишь силой.

Прокурор Коммуны требует оглашения и проверки полномочий комиссаров, явившихся от имени большинства секций. Предложение это, обращенное в постановление, получает немедленное осуществление.

По проверке полномочий выясняется, что 33 секции дали своим комиссарам неограниченные полномочия на предмет спасения народного дела.

Добсан делает заявление о том, что полномочия муниципалитета аннулированы.

Прокурор Коммуны требует, чтобы воля большинства была немедленно провозглашена и чтобы Генеральный Совет передал свои полномочия суверенному народу.

Все члены обоих Советов одновременно встают со своих мест и клянутся никогда не отделять своих личных интересов от интересов общественного дела; они клянутся, кроме того, быть в ненарушимом союзе с нашими братьями из департаментов и изо всех сил охранять единство и нераздельность Республики.

Распущенный Совет удаляется среди единогласных криков: «Да здравствует Республика!»

Добсан, председатель комиссаров, образующих новый временный Генеральный Совет, ставит на голосование вопрос об оставлении в должности секретаря-регистратора и двух его помощников. Это предложение принимается единогласно.

Затем собрание решает немедленно послать депутацию мэру, прокурору Коммуны, муниципальному корпусу и всем членам, составляющим муниципалитет, с приглашением явиться в его среду; постановление это тотчас же приводится в исполнение.

Председатель от имени верховного народа объявляет, что мэр, товарищ председателя, прокурор Коммуны и его товарищи, а также и Генеральный Совет, восстановлены суверенным народом в своих правах и выражает им свое удовлетворение за их неустанные и истинно-патриотические заботы об общественном деле.

Восстановленный Совет приносит гражданскую присягу, при радостных криках всех граждан, революционных комитетов 48 секций и занимающих места на трибунах граждан. Начиная с этого момента Генеральный Совет Коммуны получает название Революционного Генерального Совета.

Товарищ председателя от имени 48 секций Парижа объявляет о назначении командира секции Санкютов гражданина Анрио временным начальником вооруженных сил Парижа.

Оглашается письмо, в котором председатель Национального Конвента приглашает гражданина мэра явиться на заседание Конвента на предмет представления доклада о настоящем положении Парижа.

Некоторые из членов вносят предложение, чтобы гражданина мэра сопровождала внушительная охрана из состава вооруженных сил 48 секций.

Мэр возражает, что будет вполне удовлетворен обществом своих товарищей и поэтому просит, чтобы депутация Совета сопровождала его к решетке Национального Конвента.

Принимая во внимание высказанные соображения, Совет избирает депутацию для сопровождения мэра. По требованию товарища

прокурора Коммуны, Совет объявляет от имени 48 секций о том, что гражданин мэр Парижа находится под его охраной.

Секция Единства присылает представителей для участия в совещаниях Совета о принятии мер общественного спасения. Им предлагается принять участие в заседании.

Граждане, коим было поручено распорядиться стрелять из пушки в знак тревоги, отдают отчет о своей миссии. Они сообщают, что приказ, носителями которого они были, не был признан действительным в виду несоблюдения необходимых формальностей. Напрасно они доказывали, что во время революции не нужно придавать значения обычным формам — приказ не мог быть выполнен.

Совет поручает выполнение этого приказа революционному комитету, заседающему в городской ратуше.

Один гражданин сообщает о том, что в предместьи Монмартр некий виноторговец прячет у себя несколько пушек.

Сообщение это передается в революционный комитет. Один из членов этого комитета докладывает, что сейчас раздадутся тревожные пушечные выстрелы. Совет постановляет, чтобы немедленно ударили в набат на городской ратуше; чтобы главнокомандующему был тотчас же послан приказ принять все меры, необходимые для охраны общественных мест, различных касс и хранилищ, чтобы были посланы сильные отряды к тюрьмам и в особенности к тюрьме Аббатства, где содержатся ценные заложники, освободить которых крайне важно для наших врагов.

Революционному комитету поручается информировать соседние коммуны обо всем, происходящем в Париже и предложить им принять меры, необходимые для общественного спасения.

Прокурор Коммуны требует, чтобы прекратили набатный звон с городской ратуши. Это предложение отклоняется переходом к порядку дня.

Один из членов революционного комитета вносит от его имени предложение, чтобы неимущим гражданам за все то время, пока они находятся под ружьем, выдавалось бы по 40 су в день. Это предложение принимается.

Тот же член читает проект адреса, сообщающего Национальному Конвенту о добром согласии, царящем в Париже. Совет принимает редакцию этого адреса и избирает депутацию для передачи его Конвенту.

Получается сообщение, что все еще не удалось произвести тревожные пушечные выстрелы, так как со стороны мэра последовала отмена соответствующего приказа.

Товарищ председателя разъясняет, что в то время, когда мэром был отдан этот приказ, революционные власти не были еще установлены и, что, таким образом, мэр лишь исполнил свой долг.

Революционный комитет отдает новое распоряжение относительно произведения тревожных пушечных выстрелов.

Заседание продолжается без перерыва. Час дня.

Секция Ломбар запрашивает — должна ли пробить тревогу и ударить в набат. Совет предлагает в кратчайший срок привести в исполнение все постановленные революционные меры. На основании требования одного комиссара, Совет издает постановление о том, чтобы всем секциям был дан общий приказ ударить в набат и пробить тревогу и что будут произведены тревожные пушечные выстрелы. Революционному комитету поручается привести это постановление в исполнение.

Прокурор Коммуны требует, чтобы Конвент был поставлен в известность о причинах, вызвавших народное восстание.

Требование это обращается в постановление; ему же поручается составить проект адреса Национальному Конвенту.

Шено, Пари, Жак Ру назначаются комиссарами для составления описания ныне происходящего восстания.

Совет назначается комиссаров, на которых возлагается поручение немедленно отправиться в Национальный Конвент, изложить ему все происшедшее со вчерашнего дня в Совете и секциях и просить его принять репрессивные меры против тех злоумышленников, которые осмелились бы привести в исполнение свои преступные замыслы.

Секция Финистер докладывает о принятом ею постановлении, согласно коему она, обращаясь к установленным властям и к Национальному Конвенту, требует ареста революционного комитета; Генеральный Совет выражает по этому поводу свое сильнейшее возмущение. Депутат этой секции заявляет, что она до сих пор пребывала в полном неведении относительно происшедших событий, получая все время противоречивые приказы, лишаящие ее возможности иметь определенное представление относительно создания этой новой комиссии; в настоящее же время она нисколько не сомневается в том, что, узнав о действительном положении дел, она поспешит соединиться с другими секциями для того, чтобы в братском единении с ними работать для общего счастья. Совет постановляет, что ответ гражданина депутата будет занесен в протокол; кроме того, двое из его членов — Жак Ру и Данже — командированы в эту секцию, чтобы информировать ее по всем интересующим ее вопросам.

Секция Обсерватории делает заявление о том, что задержанные у застав поставщики провианта для Парижа осаждают ее комитет просьбами получить разрешение на выезд. Она запрашивает, как ей надлежит поступить. Совет отвечает, что в данном случае вполне полагается на осторожность революционных комитетов секций. Постановление это немедленно рассылается 48 секциям.

Совету представляется депутация гражданок от общества революционных республиканок и просит разрешения принять участие в заседании мужского революционного комитета. Совет, привет-

ствуя гражданок за их революционное рвение, выражает свое сожаление по поводу того, что не может принять их в состав мужского революционного комитета. Он разъясняет им, что этот комитет не есть общество или клуб, а состоит лишь из депутатов 48 секций. Гражданки получают приглашение присутствовать на заседании.

2½ часа пополудни. Генеральный Совет решает прекратить набатный звон. Председателям общих собраний секций, совместно с революционными и гражданскими комитетами предлагается принять соответствующие меры.

По предложению одного из членов, Совет пополняет революционный комитет 6-ю комиссарами.

Комиссары, командированные в секцию Финистер, возвращаются с докладом. По их словам республиканский дух в ней не преобладает и пока что патриоты не в состоянии взять верх.

Секция Братства присылает для участия в заседании двух комиссаров, которые сообщают, что их секция, руководимая до сих пор аристократами, в настоящий момент проникнута истинно республиканскими чувствами. Товарищ председателя от имени Совета в лице одного из ее комиссаров братски обнимает секцию Братства.

Многочисленная депутация от вооруженной секции Бютте-Мулен сообщает о победе, одержанной истинными патриотами этой секции над интриганами. Граждан, входящих в состав депутации, встречают бурными аплодисментами. Командир их удостоивается братского поцелуя от товарища председателя, после чего их допускают к принесению революционной присяги.

Секция Ломбар сообщает, что ею низложен ее революционный комитет и избран новый, преисполненный республиканских принципов. Новые члены этого комитета приводятся к присяге.

Двадцати членам Совета предлагается перейти в соседний зал, чтобы принять участие в осуществлении выработанной революционным комитетом, подлежащей огласке меры общественного спасения.

Секция Ломбар и секция Инвалидов присылают комиссаров для участия в заседании Генерального Совета.

Секция 1792 года извещает свою солидарность с ранее выраженной волей 45 секций. Депутация ее допускается к принесению присяги.

Оглашается постановление, принятое в заседании комиссаров, установленных департаментских властей и сорока восьми секций, заседающих в помещении Общества Друзей Свободы и Равенства в здании бывших якобинцев.

Постановление это, датированное сегодняшним днем гласит, что будет образована комиссия из 11 членов, которая будет облечена властью принимать все меры, необходимые по ее мнению для обще-

ственного спасения и непосредственно приводить их в исполнение, а равным образом, что муниципалитетам двух сельских округов и революционным комитетом 48 секций вменяется в обязанность приводить в исполнение меры, постановленные этой комиссией; наконец, что принятие этой комиссией постановления подлежат исполнению только в том случае, если они были постановлены абсолютным большинством голосов. Это же постановление выражает полное одобрение поведению и мерам общественного спасения, принятым Генеральным Советом и комиссарами секций Парижа; затем собрание заявляет, что только-что назначенная им комиссия немеленно выразит Генеральному Совету Коммуны свои чувства братства и единения, что она будет заседать в помещении Коммуны и будет работать вместе с нею для общественного спасения и укрепления свободы и равенства.

Выслушав чтение вышеуказанного постановления, Генеральный Совет издает постановление о его напечатании, расклейке и посылке секциям и установленным властям.

Один из комиссаров, которым было поручено представить Национальному Конвенту составленный утром адрес, отдает отчет о своей миссии. Он докладывает, что адрес этот был принят довольно холодно, что председатель ограничился неопределенным и уклончивым ответом и что правая сторона открыто говорила о том, что она обратится к департаментам. Он докладывает также о приеме, оказанном ему Горой и говорит, что большинство Конвента неспособно спасти общественное дело, что народ должен надеяться только на самого себя. Затем он призывает Совет объяснить мотивы тех крайних мер, к которым он намерен прибегнуть.

По требованию прокурора Коммуны, Генеральный Совет посылает во все 48 секций своих комиссаров, которым поручается сообщить этим последним о всех принятых Советом мерах, равно как и объявить им о грозящей родине опасности.

Один из граждан поднимается на трибуну и предлагает принять самые спешные и верные меры и не тратить попусту на длинные разговоры то время, которое должно быть использовано для действий. Прокурор Коммуны, одобряя рвение и патриотизм оратора, замечает, что прибегая к серьезным мерам, необходимо соблюдать осторожность; аристократы были бы весьма довольны при виде парижских граждан, направленных по ложному пути, бурно взволнованных, не знающих куда идти и чего хотеть.

Предыдущий оратор настаивает на принятии предложенных им мер, обвиняет прокурора в малодушии и предлагает взять на себя председательство в Совете и руководство революционными операциями.

Слово берет товарищ прокурора Коммуны. Рассуждая так же, как гражданин Шометт, он призывает граждан вернуться в свои секции и чистосердечно изложить причины, способствовавшие провалу мер, принятых в этот великий день. Он обвиняет в чрезмер-

ной горячности составителей плана; он полагает, что завтра будет еще не поздно привести в исполнение то, что рассчитывали сделать сегодня.

Один из граждан, находя эти меры жалкими, предлагает стать во главе парижских батальонов и направиться с ними к Конвенту. Генеральный Совет выражает крайнее возмущение и отвращение по поводу подобного предложения. Гражданин, автор этого заявления, приглашается в президиум для объявления своей фамилии, звания и профессии. Он отвечает на заданные ему вопросы и просит выслушать его предложение до конца. Он заверяет, что у него не было других намерений, кроме желаний арестовать развращенных членов Конвента с тем, чтобы передать их департаментам, которые должны их судить. Совет, приписывая высказанное оратором мнение его неведению и неопытности, решает, что дело это не должно иметь никаких последствий.

Гражданин мэр берет слово по этому вопросу. Он заявляет, что парижский народ умеет отличать своих настоящих друзей от бесноватых и глушцов, пытающихся ввести его в заблуждение и склонить к ложным шагам. Он доказывает, что меры, предложенные предыдущим оратором, навсегда оторвали бы Париж от департаментов и вызвали бы гражданскую войну.

Генеральный Совет издает постановление о том, чтобы в течение завтрашнего дня все подозрительные граждане были обезоружены, а оружие их передано неимеющим такового патриотам. Принудительный заем должен быть взыскан согласно уже указанным Коммуной нормам; суммы, полученные от этого займа, должны быть употреблены для оказания помощи вдовам, отцам, матерям, женам и детям граждан-солдат, служащих родине, как в армиях, так и работая над производством оружия; кроме того, деньги эти должны быть употреблены на выплату жалованья гражданам, составляющим оплачиваемую революционную охрану Парижа.

Жак Ру читает новый адрес Конвенту.

На трибуну поднимается молодой гражданин и предлагает принять самые решительные меры. Совет предлагает этому неосторожному юноше удалиться. Он упорствует в своем желании продолжать, но в результате, уступив настояниям бывшего председателя Добсана и оскорбленный тем возмущением, которое выказывает ему Совет, он принужден оставить трибуну.

Члены революционного и гражданского комитетов секции Бютте-Мулен сообщают Совету, что в течение нескольких дней аристократы как будто были готовы получить в их секции перевес, но в конечном счете патриотизм восторжествовал и разрушил проекты злоумышленников. Совет аплодирует этому сообщению.

Один из членов требует, чтобы члены Конвента, осужденные общественным мнением, были бы арестованы. Прокурор Коммуны с возмущением высказывается против подобного предложения, выраженного уже в третий раз. Он говорит, что если кто-либо осмелится еще раз возобновить его, он сам предаст его в руки того народа, который аплодирует не зная о том, что он рукоплещет собственной гибели.

Один из членов вносит предложение прибить к дверям зала официальное порицание всякому предложению, посягающему на национальное представительство. Ему возражают, что порицание это в сердцах у всех, что как граждане, так и установленные власти Парижа слишком глубоко проникнуты сознанием своего долга, чтобы нуждаться в напоминании о нем.

Совет переходит к порядку дня.

Некоторые члены директории департамента присоединяются к Совету, чтобы вместе с ним обсудить меры общественного спасения.

Один из членов революционной комиссии делает доклад о принятых ею мерах. Он подразделяет их на два разряда — меры секретные и меры, подлежащие огласке. Он входит в подробности этих мер, при чем к последним причисляется арест всех лиц, виновных в недавно происшедших контр-революционных движениях.

Революционный комитет пополняется четырьмя новыми комиссарами.

Один из членов докладывает, что бывший министр Ролан и его супруга арестованы, но что секция Борепер взяла их под свою охрану.

Совет избирает шесть комиссаров, которым поручается отправиться в секцию Борепер и склонить ее выдать Ролана в распоряжение закона.

Комиссары, на которых было возложено поручение посетить секцию Борепер в связи с арестом Ролана и его супруги, дают отчет о своей миссии, заявляя, что арест их не удался потому, что за него неправильно взялись. Они поставили у дверей шесть часовых, дабы покровительствуемые секцией Борепер арестованные не имели возможности бежать.

Совет разрешает своим комиссарам арестовать Ролана и его супругу и опечатать их бумаги; кроме того, он постановляет пригласить комиссаров секции Сите, коим было поручено произвести этот арест, явиться для выяснения причин, вызвавших запоздание исполнения их поручения.

Три четверти третьего ночи. Совет прерывает свое заседание.

IV Петиция Эюлье Национальному конвенту 31 мая 1793 г. от имени департамента, Коммуны и секций Парижа.

Законодатели! город и департамент Парижа чересчур долго терпели возводимую на них пред лицом всего мира клевету; чересчур уже долго преступнейшими средствами стараются вызвать беспорядок и раздоры в республике. Те самые лица, которые хотели скомпрометировать Париж в глазах общественного мнения, были зачинщиками Вандейской резни; они возбуждали и поддерживали надежды наших врагов; они унижали установленные власти и пытались ввести народ в заблуждение, чтобы иметь впоследствии право на него пожаловаться. Это они доносили вам о существовании воображаемых заговоров для того, чтобы самим создать действительные; это они истребовали у вас создание Комиссии Двенадцати для того, чтобы подавлять народную свободу; это они, наконец, преступной агитацией и вымышленными петициями поддерживают среди вас вражду и раздор и лишают родину величайшего из благ — справедливой конституции, блага, купленного ценой бесчисленных жертв.

Законодатели! эти люди ненавидят народную свободу; они хотят поработить народ в своих целях или же подчинить его новому деспоту. Стремясь к этой цели, они пытаются посеять в народе раздор но достигнуть полной меры своих преступлений они смогут лишь уничтожив Париж. Они прекрасно понимают, что уничтожая этот центр сознательности и всех движений, они тем самым уничтожают силу и гармонию Республики; они прекрасно понимают, что после этого, вследствие отсутствия согласованности, они смогут без труда уничтожить один департамент вслед за другим, и таким образом, им будет легко продать первому попавшемуся тирану кровавые ключья своей родины.

Таковы, законодатели, причины всей этой клеветы. Вот источник стольких ужасов. Но департамент Парижа объявляет вам, что он навлечет на себя еще гораздо больше клеветы, ибо мы клянемся от его имени, что он будет скорее разрушен до основания, чем согласится на тиранию. Если Париж исчезнет с лица земли, то это произойдет не вследствие его вины перед родиной, а благодаря тому, что он защищал нераздельность Республики, как основной принцип свободы.

Когда любознательный путешественник станет внимательно отыскивать мельчайшие следы его существования, он будет оплакивать его разрушение и проклинать его виновников.

Законодатели! наступило время положить предел борьбе патриотов с постоянно на них нападающими безумцами; народный разум возмущается против столь долгой борьбы. Да трепещут враги его, ибо его царственный гнев может ежеминутно прорваться! Пусть они дрожат! Весь мир содрогнется от его мести!

Законодатели! мы пришли к вам для того, чтобы сорвать маску с наглости и изобличить обман; мы пришли, чтобы от имени департамента изложить вам его позицию; мы пришли заявить вам, что неизменно верный своим принципам, послушный законам, парижский департамент, ценой своей крови будет защищать достойных представителей народа!

Мы пришли заявить вам и всему миру, что нами руководит лишь инстинкт слияния с великим целым, что мы признаем разделение на департаменты лишь постольку, поскольку оно вызвано административными соображениями. Мы заявляем вам, что Республика должна остаться единой и нераздельной; нам ненавистен какой бы то ни был федерализм; мы стремимся к абсолютно демократической конституции, базой для которой послужит равенство.

Мы заявляем, что гордимся Парижем, который, сам по себе будучи ничем, тем не менее является квинт-эссенцией всех департаментов; слава его заключается в том, что он является выразителем мнений и местом объединения всех свободных людей.

Мы заявляем, что поборов и разрушив деспотизм в бессмертный день 10 августа, мы до последнего вздоха будем бороться со всеми тиранами, стремящимися под каким бы то ни было видом восстановить его.

Такова наша позиция. Теперь же, законодатели, мы требуем от вас правосудия за ужасные оскорбления, нанесенные всей нации. Я обмолвился, это уже не оскорбление! Это злодеяние против величия народа. Мы говорим о политическом святотатстве, совершенном Иснарсом в священном храме законов. Иснар призывал одновременно, как к гражданской войне, так и к разрушению нашего города.

Он запятнал Париж, считая его хоть на минуту достойным такого ужасного жребия; он оскорбил департаменты, приписывая им жестокость, равную той, которая царит в его душе, когда допускаемая возможность, что следуя его недостойному призыву, все отряды Республики набросаются на Париж.

Имеются еще другие не менее жестокие люди, против которых мы требуем от вас обвинительного декрета.

Среди врагов народа особенно отличаются члены комиссии двенадцати, все эти Бриссо, Гаде, Верньо, Жансонне, Бюзо, Барбару, Роланы, Лебрены, Клавьеры, равно как и все другие, уже осужденные общественным мнением, поборники королевской власти, большинство коих вам уже было указано Парижской Коммуной.

Законодатели! неужели же проект уничтожения Парижа окончательно выработан? Неужели желательно истребить окончательно столько богатств, собранных такой упорной работой? Неужели необходимо уничтожить искусства и науки только для того, чтобы вновь привести наших сограждан к анархии и рабству? Нет, вы сами будете охранять и защищать священное хранилище человеческих знаний; вы не забудете о заслугах Парижа перед родиной; вы не забудете о том, что он, будучи колыбелью свободы, является

в настоящий момент его могилой; вы не забудете о том, что он представляет из себя центр республики, всегда располагающий 100.000-ой армией для защиты родины и что только к этому он и стремится. Вы не забудете о том, что он совершенно не жалеет о тех огромных жертвах, которые он принес революции; что он безропотно будет делать все то, чего потребуют обстоятельства и, наконец, что им руководит искреннейшая и братская любовь к другим департаментам.

Вы отомстите за нас Иснару, Ролану и всем другим негодяям, против которых общественное мнение восстановлено самым ярким образом.

Законодатели! покажите великий пример, исполните волю великой нации, почтившей вас своим доверием! Этим путем вы внесете успокоение и погасите пламя гражданской войны; священный союз всех граждан даст нам возможность в недалеком будущем восторжествовать над борющейся против нас шайкой тиранов. Тогда только конституция подвинется быстрым темпом вперед; вы будете способствовать счастью великодушного и щедрого народа, который в излияниях своей преданности, смешивая благодетеля с благодеянием, предаст ваши имена бессмертию.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p. 314—347).

98. Постановление Национального Конвента от 31 мая 1793 года.

Естественным следствием половинчатого «морального восстания» 31 мая, во время которого руководившие движением монтаньяры боilies, принять какие бы то ни были насильственные меры, было столь же половинчатое постановление Национального Конвента, которое мы здесь и приводим.

Ст. 1. Все вооруженные силы Парижского департамента объявляются впредь до дальнейших распоряжений находящимися в состоянии непрерывной мобилизации. Установленные власти обязуются ежедневно давать Национальному Конвенту отчет о мерах, принятых ими для охраны личной и имущественной безопасности граждан, равно как и для поддержания общественного порядка.

Ст. 2. Комитету Общественного Спасения вменяется в обязанность совместно с вышеупомянутыми установленными властями проследить нити заговоров, о которых было сообщено в сегодняшнем заседании, направленных, как против безопасности республики, так и против национального представительства.

Ст. 3. Чрезвычайная Комиссия Двенадцати упраздняется.

Ст. 4. Все акты и документы этой Комиссии, по составлению: тремя комиссарами Конвента описи и пометок на полях относительно вычеркнутых слов или поправок, должны быть доставлены тремя членами Комиссии в Комитет Общественного Спасения с тем, чтобы доклад по этому делу был представлен в течение 3-х дней.

Ст. 5. В течение сегодняшнего дня должно быть составлено воззвание ко всем гражданам Республики. Это воззвание, равно как и декреты, принятые в настоящем заседании, будут разосланы в департаменты и армии с чрезвычайными курьерами.

Ст. 6. Настоящий декрет подлежит немедленному напечатанию, опубликованию и распространению установленными властями Парижа.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p.p. 350—351).

99. Монтаньяры соглашаются на вооруженное восстание.

Половинчатый характер решения, принятого Национальным Конвентом в его заседание 31 мая, означал полную неудачу всего движения этого дня. Теперь монтаньярам не осталось ничего иного, как согласиться на применение насилия, результатом чего, как известно, и явился декрет 2 июня о домашнем аресте жирондистских лидеров.

I. Речь Марата на заседании Генерального Совета Парижской Коммуны 1 июня 1793 г.

Когда народ и притом народ свободный, поручает учрежденной им власти защиту своего счастья и своих интересов, то он без сомнения должен доверять своим уполномоченным, уважать их декреты, не мешать их работам и признавать их неприкосновенность при исполнении ими своих обязанностей. Но если представители народа нарушают его доверие; если народ, будучи неудовлетворен в своих требованиях, видит, что он ошибся в своем выборе, или что те, кого он выбрал, подверглись развращению; если, одним словом, народное представительство вместо того, чтобы заботиться об общественном благе, подвергает его опасности, то тогда, граждане, народ должен спасти себя сам и не имеет другого выхода, кроме своей собственной энергии.

Встань же, суверенный народ! Явись в Конвент, прочти ему свое обращение и не уходи от его решетки до тех пор, пока не получишь категорического ответа, имея который, ты, суверенный народ, сможешь действовать так, как это необходимо для поддержания твоих законов и для защиты твоих интересов! Таков совет, дать который я считал своим долгом.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p.p. 356—357).

II. Воззвание Парижской Коммуны к секциям от 1 июня 1793 года.

Граждане, окруженные могущественными внешними врагами и дерзкими заговорщиками внутри страны, вы находились на самом краю пропасти. Свобода погибла бы, если бы вы не восстали. Заговор, исходивший из самых недр Конвента, угрожал самым стойким

патриотам и чиновникам, наиболее любимым народом. Во время этой опасности, комиссары, которых вы облекли вашей властью и вашим доверием, желая спасти родину, поторопились принять чрезвычайные меры, внушенные им интересами свободы. Они укрепили общественные взаимоотношения. Они передали вашим уполномоченным ваши справедливые жалобы, ваши неотложные требования с просьбой наказать предателей, нашедших убежище в самом сердце Конвента. Они издали приказ о задержании всех подозрительных лиц, скрывающихся в секциях Парижа. В настоящий момент всюду производятся эти аресты.

Кроме того, наши комиссары сговорились относительно проекта образования революционной армии из 20.000 человек для охраны и защиты Парижа. Эта армия будет содержаться путем принудительного налога на богатых, в особенности на лиц, известных своим антипатриотическим настроением.

Нами уже одержан первый успех: Конвент упразднил инквизиторскую Комиссию Двенадцати и поручили Комитету расследовать преступное поведение ее членов. Другой декрет подтвердил постановление Коммуны, предоставляющее плату в 40 су в день для рабочих, призываемых в эти тревожные дни взяться за оружие. Наконец, Конвент признал великие заслуги секций перед родиной. Основываясь на том, что было сделано вчера, мы ждем продолжения сегодня. Граждане, будьте наготове, к этому призывает вас находящаяся в опасности родина!

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVII, p.p. 353—354).

ЧАСТЬ VI

ДИКТАТУРА
МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ

Монтаньяры против «бешеных».

100. Монтаньяры разрывают союз с «бешеными».

Мы видели выше, каким образом мелкобуржуазные монтаньяры, ради победы над жирондистами, заключили союз с социально чуждыми им (так как они отражали интересы городской бедноты и неимущего крестьянства), «бешеными», при чем роль союзного договора сыграла речь Робеспьера о собственности от 24 апреля 1793 года. Но мы также знаем, что союз этот все время рассматривался монтаньярами лишь как печальная необходимость и поэтому вполне естественно, что захватив власть, они решительно разрывают связь со своими союзниками вчерашнего дня.

I. Из речи Робеспьера в Национальном Конвете 17 июня 1793 г. по вопросу о прожиточном минимуме.

Я одно время разделял ошибку Дюко¹ и где-то, кажется, даже защищал ее в письменной форме. Но теперь я возвратился к истине, ибо меня просветило благоразумие народа, чувствующего, что под видом благодеяния ему на самом деле наносят оскорбление. В самом деле, если вы декретируете и притом еще в конституционном акте, что бедность освобождает от почетной обязанности участия в удовлетворении надобностей родины, вы тем самым декретируете унижение наиболее чистой части нации, вы декретируете аристократию богатств. Тогда вы скоро увидите, как эти новые аристократы, господствуя в законодательных учреждениях, будут иметь бесстыдство утверждать, что те, кто не несут тягостей государственного управления, не должны пользоваться и его благодеяниями. Этим путем установится класс пролетариев, класс илотов, и равенство и свобода погибнут навсегда. Не отнимайте же у граждан того, что для них важнее всего—удовлетворения принести Республике легкую вдовицу. В конституции не только не следует устанавливать этого позорного различия—в ней нужно, наоборот, прямо оговорить почетную обязанность всех граждан участвовать в уплате налогов.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française». t. XXVIII, p.p. 208—209).

II. Конституция 24 июня 1793 г. гарантирует неограниченность права собственности.

A. Из проекта Декларации Прав, предложенной Робеспьером 24 апреля 1793 года.

Ст. 9. Право собственности—это принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться предоставленной ему законом частью благ.

¹ Дюко предлагал установить прожиточный минимум, не подлежащий обложению налогами.

Ст. 10. Право собственности ограничивается, как и все остальные права, обязанностью соблюдать права других.

Ст. 11. Право собственности не должно наносить вреда безопасности, свободе, жизни и собственности ближних.

Ст. 12. Всякое владение, всякая сделка, нарушающая этот принцип, являются противозаконными и безнравственными.

В. Из конституции 1793 года.

Ст. 16.¹ Право собственности—это принадлежащее всякому гражданину право пользоваться и располагать по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего промысла.

(Я. М. Захер, «Робеспьер», стр. 65).

101. Выступление Жака Ру перед Национальным Конвентом 25 июня 1793 года от имени секций Гравилье и Бон-Нуviel и клуба кордельеров.

Депутаты французского народа!

Сто раз в этом священном зале провозглашалось о злодеяниях эгоистов и мошенников, и каждый раз вы обещали нам уничтожить пиявок народа.—Скоро будет представлен на утверждение суверена конституционный акт;—запретили вы в нем ажиотаж?—Нет! Объявили смертную казнь барышникам?—Нет! Определили в чем состоит свобода торговли?—Нет. Запретили продажу денег?—Нет! Вот почему мы заявляем, что вы ничего не сделали для счастья народа.

Свобода—ни что иное, как пустой призрак, когда один класс может безнаказанно изнурять голодом другой. Равенство—пустой призрак, когда богач, благодаря монополиям, пользуется правом жизни и смерти себе подобных. Пустой призрак и республика, когда изо-дня в день работает контр-революция, устанавливая такие цены на продукты, достичь до которых три четверти граждан могут только обливаясь слезами.

Лишь прекращением разбоя негоциантов, который необходимо отличать от торговли; только предоставлением продовольствия в пользование санкюлотов, вы притянете их на сторону революции и объедините вокруг конституционных законов.

Вероломные депутаты, «государственные люди», призвали на наше несчастное отечество бич чужеземной войны; так надо ли поэтому, чтобы богачи объявили нам еще более ужасную войну внутри страны? 300 тысяч французов, став жертвами предательства, погибли от смертоносного оружия королевских рабов; так надо ли, чтобы те, которые охраняли их домашние очаги, были приведены

¹ Статья эта была принята при полном одобрении Робеспьера.

к необходимости питаться камнями; чтобы вдовы тех, кто умер за дело свободы, платили золотом даже за лоскуток, необходимый для них, чтобы вытереть свои слезы? Надо ли, чтобы по цене золота расплачивались за молоко и мед, составляющие пищу их детей?

— Народные избранники! Когда в вашей среде были соучастники Дюмурье, представители Вандеи, роялисты, желавшие спасти тирана, гнусные люди, организовавшие гражданскую войну, сенаторы-инквизиторы, декретировавшие осуждение патриотизма и доблести,—секция Гравилье приостановила свой суд. Она поняла, почему Гора не может осуществить то благо, какое имеет в своем сердце,—она восстала...

Но отныне храм законов не оскверняется более присутствием Горса, Бриссо, Петюона, Барбару и других главарей «капеллянтов»¹;—отныне эти негодяи чтобы спастись от эшафота, в фанатизируемых чинах департаментах скрывают свое ничтожество и свой позор;—отныне Конвенту возвращены его достоинство и сила, и нет уже необходимости творить добро только в одних намерениях;—и теперь во имя спасения республики, заклинаем вас предать конституционной анафеме спекуляцию и ажиотаж и декретировать общий принцип, что торговля не состоит в том, чтобы разорять, доводить до отчаяния и изнурять голодом граждан.

В течение четырех лет одни только богачи пользуются выгодами революции. Торговая аристократия, еще более ужасная, чем аристократия знати и сана, занимается жестокой забавой грабить имущества частных лиц и богатства республики;—и мы еще не знаем предела их лихоимства, ибо с утра до вечера цены на товары растут с ужасающей быстротой. Пора же, граждане представители, окончить эту смертельную борьбу, на которую эгоисты осуждают самый трудолюбивый класс общества. Выскажитесь против спекулянтов и барышников:—либо они повинуются вашим декретам, либо—нет. В первом случае, вы спасете отечество;—во втором, вы все же спасете его, потому что мы не замедлим узнать и поразить смертью пиявок народа.

Но что же? Неужели же собственность мошенника более священна, чем жизнь человека? Административные органы имеют в своем распоряжении войска;—как же могут они не обладать правом реквизиции с естных припасов? Законодатель имеет право объявлять войну, т. е. осуждать людей на смерть, как же ему могло бы не принадлежать право помешать угнетению и изнурению голодом тех, кто остался у домашнего очага? Свобода торговли есть право пользования и предоставления пользования,—но отнюдь не право препятствовать пользоваться и тиранить. Все необходимые с естные припасы должны быть приведены к доступной для всякого цене.—Прикажите же, еще раз просим вас... и санкюлоты своими пиками заставят повиноваться вашим декретам. Вы без колебания решились

¹ Т. е. тех, кто во время процесса Людовика XVI голосовали за апелляцию к народу.

поразить смертью тех, кто осмелится предлагать короля, и вы хорошо поступили; вы только что объявили вне закона контр-революционеров, которые кровью патриотов окрасили эшафоты в Марсели—вы хорошо поступили; но еще большую заслугу вы бы имели перед отечеством, если бы изгнали из нашей армии дворян и тех, чье прежнее место было при дворе; если бы в качестве заложников, вы взяли жен и детей эмигрантов и заговорщиков; если бы пенсии этих привилегированных обратили на военные издержки, если бы вы конфисковали в пользу волонтеров и вдов—богатства, приобретенные за время революции ростовщиками и барышниками;—если бы вы изгнали из Конвента тех депутатов, которые вотировали за обращение к народу; если бы предали суду революционных трибуналов администраторов, сочувствовавших федерализму; если бы мечом правосудия поразили министров и членов Исполнительного Совета, допустивших создание ядра контр-революции в Вандее; если бы, наконец, вы арестовали тех, чье имя подписано на анти-гражданских петициях и т. д. и т. д. — Но разве не столь же и еще более того преступны барышники и спекулянты? Разве и они не представляют из себя истинных врагов народа?

Не бойтесь же поразить грозой вашего правосудия этих вампиров,—не бойтесь чересчур осчастливить народ. Он никогда, конечно, не считал своих заслуг, когда надо было сделать для вас все. Он доказал нам, особенно в дни 31-го мая и 2-го июня, что хочет обладать не частью свободы, но всею в целом. Дайте же ему взамен—хлеба и декрет; воспрепятствуйте продолжать пытку доброго народа посредством безумных цен на съестные припасы.

Богачи-торговцы, по самому своему существу соучастники преступления и обыкновенно являющиеся соумышленниками королей, все еще продолжают злоупотреблять свободой торговли, чтобы угнетать народ; они неправильно истолковали ту статью Декларации Прав Человека, которая устанавливает принцип, разрешающий делать все, что не воспрещено законом. Так декретируйте же в конституционном порядке, что ажиотаж, продажа денег и спекуляция пагубны для общества. Народ, который знает своих истинных друзей, так долго страдающий народ, увидит тогда, что вы сжалились над его долей, что вы серьезно захотели уврачевать его недуги;—когда будет в конституционном акте ясный и точный закон против ажиотажа и спекуляции, он увидит, что интересы бедняка ближе к вашему сердцу, чем выгоды богатых; он увидит, что среди вас нет более места для ростовщиков, арматоров и монополистов, он увидит, наконец, что вы не хотите контр-революции.

Вы, правда, декретировали миллиардный принудительный заем у богатей, но если вы не искорените ажиотажа, если повсеместно не обуздаете барышников, капиталистов, торговцев—завтра же эта сумма будет переложена на санкюлотов посредством лихоимства и монополий; не на эгоистов, а на санкюлотов пал ваш удар. До появления вашего декрета лавочник и ростовщик не переставали притеснять граждан; какую же месть не погнушаются они придумать

теперь, когда вы обложили их налогом; какую только новую дань не вырут они из крови и слез несчастных?

Напрасно было бы предполагать, что рабочий получает жалование, соответственное росту цен на продукты; правда, есть некоторые из них, чей промысел оплачивается дороже; но не мало и таких, труд которых за время революции стал расцениваться еще ниже, чем прежде. Да и не все же граждане—рабочие, а среди рабочих есть безработные, имеющие по 8—10 человек еще не вполне трудоспособных детей; женщины же вообще не зарабатывают свыше 20 су в день.

Депутаты Горы, напрасно вы не поднимитесь с 3-го до 9-го этажа домов этого революционного города—вы были бы тронуты слезами и стенаниями огромного множества людей, лишенных хлеба и одежды, приведенных в такое состояние нужды и горя ажиотажем и спекуляцией. Законы ведь жестоки по отношению к бедняку, они ведь созданы богатыми и только ради богатых.

О, возмущение, о, позор XVIII в.! Кто мог бы поверить, что представители французского народа, объявившие войну чужеземным тиранам, были так трусливы, что не раздавили находящихся внутри страны. Во времена Сартинов¹ и Флесселей² правительство не допустило бы брать втридорога за съестные припасы, представляющие первую необходимость; более того, тогда фиксировали цены на снаряжение и мясо для солдат, а Национальный Конвент, облеченный силою двадцатипятимиллионного населения, терпит, чтобы торговец и богатый эгоист, произвольно таксируя наиболее полезные для жизни предметы, сделали своим обыкновением доводить этим население до голодной смерти.

У Людовика Капета, чтобы произвести контр-революцию не было необходимости призывать грозу вмешательства иностранных держав; у врагов отечества не было необходимости зажигать пожар в западных департаментах страны;—достаточно ажиотажа и спекуляции, чтобы опрокинуть строй революционных законов.

Но, скажут,—война—причина дороговизны продуктов. Представители народа, почему же вы ставите ее на последнее место? Почему, когда во времена жестокого Людовика XIV, французы должны были отражать союз тиранов,—ажитаж не развернул все же знамени мятежа, голода и разгрома?—Неужели же под этим предлогом можно дозволить торговцу продавать свечи по 6 франков за фунт, мыло по 6 франков за фунт, масло по 6 франков за фунт?

Под предлогом войны, санкюлот должен, значит, платить по 50 ливров за пару сапог, по 50 ливров за рубашку, по 50 ливров за плохую шляпу. В таком случае, можно бы сказать, что пророчества Казалеса³ и Мори⁴ оправдались;—что вы заодно с ними против сво-

¹ Сартин — полицейский генерал старого режима.

² Флессель — контр-рев. городской голова Парижа, убитый 14 июля 1789 г.

³ Казалес — член Учредительного Собрания, оратор придворной партии (1753—1805 г.г.).

⁴ Мори — известный прелат и оратор, член Учредительного Собрания (1746—1817 г.г.).

боды народа; в таком случае, пруссаки и испанцы могли бы сказать: мы в праве поработить французов, потому что у них нет мужества поразить смертью пожирающих их чудовищ. В этом случае, можно бы сказать, что, раздавая миллионы, привлекая буржуа и богатых торговцев на сторону контр-революционеров, республика губит сама себя.

Но, возразят мне, причина дороговизны продуктов—бумажные деньги. Но санкюлот не видит их изобилия... к тому же громадные размеры эмиссии свидетельствуют об их успехе и высокой расценке. Если ассигнат действительно основан на ипотеке, если он поддерживается лояльностью французского народа, то его ценность не убавляется в зависимости от размера национальных имуществ. И можно ли быть бесчеловечным только потому, что в обращении много денег; можно ли допускать, чтобы в торговых тавернах вершили разбой, становились господами имущества и жизни граждан только затем, чтобы под влиянием жадности и страсти к наживе, всемерно их угнетать,—чтобы возбуждать народ к мятежу,—голодом и мучениями нужды приводить его к необходимости поедать самого себя?

Но ассигнаты много теряют в торговле... Почему же ростовщики, негоцианты, внутренние и заграничные контр-революционеры, наполняют ими свои сундуки? Почему имеют жестокость сбавлять жалованье и лишать вознаграждения рабочих? Почему же—когда приобретают национальные имущества—не вносят денег ранее срока? А разве в Англии, долги которой превосходят в двадцать раз ценность ее территорий,—в Англии, процветающей только благодаря ассигнатам ее банка, так же, как и у нас, вздоржали с естественные припасы? Нет, министр Питт слишком хитер, чтобы позволить угнетать поданных Георга. А вы, граждане-представители, вы, депутаты Горы,—вы, имеющие честь быть в числе санкюлотов,—с высоты вашего бессмертного величия,—вы не уничтожите вечно возрождающейся гидры ажиотажа!

Но не мало товаров, возразят мне,—ввозится из-за границы;—в уплату же за них берут только звонкую монету. Ложь! Торговля почти всегда производилась путем обмена товара на товар, бумаг на бумаги; часто даже векселя предпочитались звонкой монете. Ведь металлических денег, имеющих хождение в Европе, не хватает, чтобы оплатить даже одну стотысячную часть выпущенных ассигнаций.—Итак, ясно как день, что только спекулянты и ростовщики дискредитируют ассигнаты, с целью продать подороже свои деньги, чтобы безнаказанно спекулировать и наживаться за счет крови патриотов, которую они горят желанием пролить.

Но еще не известно как повернутся дела... Напротив, весьма вероятно, что друзья равенства не вечно будут терпеть резню на границах и муки голода внутри страны. Весьма вероятно, что они не всегда будут жертвами этой общественной чумы,—шарлатанов, которые гложут нас, как черви,—барышников, чьи магазины—притоны воров.

Но когда смертная казнь грозит всякому, кто покусился бы на восстановление королевской власти, когда стальной стеною стоят вооруженные граждане—солдаты, когда порох и огонь низвергаются со всех сторон на варварскую орду,—могут ли ростовщики и барышники сказать, что еще не известно, как устроятся дела? Впрочем, если они не знают, мы готовы это им рассказать. *Народ хочет свободы и равенства, республики или смерти;*—вот что приводит вас в отчаяние, спекулянты, подлые сообщники тирании.

Вам не удалось развратить сердце народа, поработить его страхом и клеветой, и вы теперь прибегаете к последним достойным рабов средствам, чтобы задушить любовь к свободе. Вы овладеваете мануфактурами, морскими портами и всеми отраслями торговли, всеми земными благами, чтобы заставить друзей отечества умирать от голода, жажды и наготы, и этим принудить броситься в объятия деспотизма. Но негодяям не удастся поработить народ, живущий железом и свободой, лишениями и жертвами. Лишь монархия и ее сторонники могут предпочитать Республике и бессмертию—древние цепи и богатства.

Итак, народные избранники, было бы трусостью, преступлением против народа, продолжать проявлять свою беззаботность. Не надо бояться ненависти богатых, т.-е. злых. Не надо бояться пожертвовать политическими принципами во имя спасения народа, которое является высшим законом.

Согласитесь же, что только благодаря малодушию, вы разрешаете дискредитировать бумажные деньги, подготавливаете банкротство, допуская злоупотребления и преступления, которые заставили бы покраснеть самый деспотизм в последние дни его варварского могущества.

Нам известно, конечно, что есть бедствия, неразлучные с великим переворотом, что нет таких жертв, которых не следовало бы принести ради свободы, что никакая цена не может быть слишком дорогой, когда дело касается счастья быть республиканцем, но мы знаем также, что два законодательных собрания предали народ; что недостатки конституции 1791 года были источниками общественных бедствий, что пора уже санкюлоту, сломавшему скипетр королей, увидеть конец восстаниям и всяким видам тирании.

Если вы не найдете быстро и целительного средства, как могут просуществовать неимеющие иного состояния, кроме 2—3—4—5—6—ста ливров плохо выплачиваемой ренты,—пожизненная ли это пенсия или сбережения частных лиц,—если вы посредством конституционного декрета, который бы уже не мог быть объектом каких-либо видоизменений, не обуздаете ажиотажа и барышничества? Возможно, что нам не добиться мира ранее, чем через 20 лет;—военные расходы вызовут новую эмиссию бумажных денег;—не хотите ли вы молчаливым разрешением ажиотажа и спекуляции—продлить на все это время наши и без того уже долгие страдания? Это было бы лучшим средством изгнать от нас всех чужестранных патриотов и

помешать порабощенным народам приходить во Францию дышать чистым воздухом свободы.

Не довольно разве, что ваши предшественники, по большей части оставившие о себе позорную память, завещали нам монархию, ажиотаж и войну, чтобы вы еще прибавили ко всему этому наготу, отчаяние и голод? Надо ли допускать, чтобы роялисты и умеренные—под предлогом свободы торговли пожирали еще новые мануфактуры и собственность? Чтобы захватывали хлебные поля, леса и виноградники, даже кожу животных?—Чтобы они, под покровительством закона, из раззолоченных чаш пили кровь и слезы граждан?

Нет, нет, депутаты Горы, вы не оставите неоконченным свой труд,—вы заложите основы общественного благоденствия: вы осветите общие принципы, карающие ажиотаж и спекулянтов; вы не подадите своим преемникам ужасного примера варварства сильных по отношению к слабым, богача по отношению к бедняку; вы не увенчаете позором вашей карьеры.

Преисполненные уверенности в этом, мы даем здесь новую клятву в том, что будем до гроба защищать свободу, равенство, единство и нераздельность Республики и санкюлотов, угнетаемых в департаментах.

Пусть придут они, пусть придут скорее в Париж, скрепить узы братства!—Тогда мы покажем им бессмертные пики, опрокинувшие Бастилию, пики, свалившие «Комиссию Двенадцати» и крамольную партию «государственных людей»—те пики, которые воздвигнут праведный суд над интригами и предателями, под какою бы маской они ни скрывались, в какой бы стране ни обитали. Тогда мы приведем их под сень того дуба, где марсельцы и санкюлоты департаментов предали проклятию свои заблуждения и присягнули опрокинуть трон. Тогда мы проводим их в святилище законов, где республиканская рука укажет места желавших спасти тирана и Горы, которая объявила ему смерть.

Да здравствует правда, да здравствует Национальный Конвент, да здравствует Французская Республика!

(«Annales Révolutionnaires», 1914. № 4, p.p. 547—560).

102. Монтаньяры нападают на «бешеных».

Петиция Жака Ру, бывшая естественным ответом «бешеных» на измену монтаньяров, вызвала со стороны этих последних, не исключая даже и их левого крыла, самую ожесточенную отповедь. Приводим несколько примеров.

1. Из речи Робеспьера в якобинском клубе 28 июня 1793 года.

Самая демократическая из когда-либо существовавших конституций представлена на утверждение народа¹... И в это время чело-

¹ Конституция, принятая Конвентом 24 июня, была передана им на утверждение народа путем всеобщего голосования.

век, прикрывающийся личиной патриотизма, по намерения которого могут быть по меньшей мере подвергнуты сомнению, оскорбляет большинство Национального Конвента под предлогом того, что конституция не содержит законов против скупщиков, и выводит из этого, что она не подходит для того народа, для которого она создана!

Люди, которые любят народ, не стремясь, однако, постоянно об этом напоминать, и, которые, не хвастая этим, неизменно трудятся над его благополучием, будут весьма удивлены узнав, что их детище антинародно и является скрытой аристократией!

Я утверждаю, что единственными врагами народа являются те, кто выступают с проповедями против Горы и против Конвента. Когда мы сделаемся бриссотинцами, мы, пожалуй, согласимся стать жертвами нашего отступничества; но до тех пор опасайтесь этих интриганов, которые под маской патриотизма, стремятся ни к чему иному, как к тому, чтобы снова ввергнуть вас в ту пропасть, из которой вы только еще начинаете выбираться!

Неужели вы верите в чистоту цели и законность стремлений этого священника, который, в согласии с австрийцами, клеветает на лучших патриотов?..

(Bucheze et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVIII. p.p. 228—230).

II. Из номера 252 газеты Эбера «Пер-Дюшен».

...Но эти ростовщики—где же они в самом деле? В Париже? Нет, чорт возьми, не здесь, а в крупных торговых городах! В Париже живут только мелкие торговцы. Миллионерам Бордо и Марселя в высокой степени наплевать, если разграбят одно из судов на Сене. Их склады и корабли ломаются от товаров. Чорт побери! если бы Конвент всегда действовал так, как в настоящее время, если бы он не терпел так долго в своей среде шайки пройдох, которые всегда подбрасывали ему под ноги камни, то он, несомненно, успел бы провести многие хорошие законы для защиты слабых против сильных, бедных против богатых. И мы уже пользовались бы плодами революции... Но теперешний момент не годится для того, чтобы осыпать клеветой патриотов: теперь необходимо прежде всего вести борьбу против батальонов Кальвадоса, Финистера и Жиронды и воздерживаться от эксцессов...

(Генрих Кунов. «Борьба классов и партий в Великой Французской Революции», стр. 496).

103. Парижская коммуна угрожает населению Парижа расстрелом.

Выступление Жака Ру совпало с волнениями, происшедшими в Париже на почве дороговизны предметов продовольствия и первой необходимости. На эти волнения Парижская Коммуна ответила следующим постановлением:

Генеральный Совет, узнав от национальных комиссаров, посланных в западные департаменты, равно как и от комиссаров, послан-

ных им самим, что оплаченные вандейскими разбойниками мерзавцы, будучи взяты в плен, прибыли в Париж, чтобы вызвать там беспорядки, целью которых является задушить в колыбели нарождающуюся конституцию и посеять рознь среди граждан;

Будучи кроме того осведомлен, что имеют место грабежи, и что имущества подвергаются опасности вследствие призывов со стороны контр-революционеров, которые, растратив деньги, выданные им при их призыве, явились в Париж зарабатывать деньги, обещанные им вандейскими мятежниками,—

Генеральный Совет, принимая во внимание, что:

1. Закон ставит личность и имущество под охрану добрых граждан;

2. Что все благонамеренные граждане дали клятву заставить их уважать или умереть, защищая их, на своем посту;

3. Что в воскресенье 23 июня парижский народ, собравшись на Елисейских Полях и на Поле Федерации, совместно с делегацией Национального Конвента, торжественно принес аналогичную клятву и что только люди, подкупленные вандейскими разбойниками и иностранными державами, могут нарушить священную клятву;

Принимая далее во внимание, что эти волнения являются ничем иным, как жестокими происками, имеющими целью воспрепятствовать делу снабжения Парижа, вызвать в городе голод и возбудить гражданскую войну;

Принимая, наконец, во внимание, что враги Парижа и сторонники федерализма приведены в отчаяние спокойствием, с которым парижане во время и после революции 31 мая и 2 июня действовали на благо отечества, стремятся путем многократных испытанных способов, постоянно ими используемых, заставить граждан Парижа предпринять жестокие меры и вызвать эксцессы, способствующие успеху клеветы, объектом которой уже издавна является этот город,—

Генеральный Совет постановляет, что как только в пределах какой-либо секции обнаружится волнение, угрожающее собственности, полицейские и секционные комиссары, под угрозой преследования в качестве соучастников, обязаны немедленно явиться к месту сборища и тотчас же уведомить мэра и департамент полиции о характере и целях сборища.

Генеральный Совет, при наличии этих обстоятельств, уполномочивает мэра отдать распоряжение пробить сбор, как в той секции, где движение обнаружилось, так и в соседних, а в случае нужды даже и всеобщий сбор, дабы таким образом остановить подкупленных злоумышленников, проповедывающих грабеж.

Генеральный Совет постановляет, что как только будет пробит сбор, то, не взирая на час, будь то день или ночь, все члены Генерального Совета будут обязаны отправиться на свои посты.

Генеральный Совет приглашает всех граждан, верных своей клятве защищать безопасность лиц и имущества, немедленно по призыве и с оружием в руках, направиться в свои сборные пункты.

Генеральный Совет объявляет плохим гражданином всякого, кто будет подстрекать к грабежу, одобрять его или принимать в нем участие и приказывает войскам всех таких лиц арестовывать и доставлять в мэрию.

Генеральный Совет объявляет, что он ставит выполнение настоящего постановления под охрану истинных республиканцев, желающих свободы, равенства, конституции.

Генеральный Совет предписывает, чтобы настоящее постановление было немедленно отпечатано и разослано по сорока восьми секциям и в народные общества.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVIII, p.p. 222—224).

Республика в кольце врагов.

Решительный поворот монтаньяров направо, обнаружившийся в июне 1793 г., оказался непродолжительным и был—подобно тому, как это уже имело место в феврале того же года—прерван значительным ухудшением положения Республики, делавшим необходимым дальнейшее сотрудничество мелкой буржуазии с рабочим и крестьянским населением страны. Сигнал к этому новому повороту политики монтаньяров был дан контр-революционными восстаниями жирондистов.

104. Национальный конвент, прощая покорившихся жирондистов, объявляет беспощадную войну восставшим.

Ответом монтаньяров на жирондистские восстания явились нижеследующие декреты Национального Конвента.

I. Декрет, принятый после доклада Сен-Жюста от имени Комитета Общественного Спасения 8 июля 1793 года.

Ст. 1. Национальный Конвент объявляет изменниками отечеству Бюзю, Барбару, Горса, Ланжюине, Салля, Луве, Бергоена, Бирото и Петиона, которые отказались повиноваться изданному против них декрету 2 июня и возбудили в департаментах Эры, Кальвадос и Роны и Луары мятеж, имеющий целью помешать установлению республики и вновь восстановить королевскую власть.

Ст. 2. Жансонне, Гаде, Верньо, Мольво и Гардиен подлежат обвинению в соучастии с теми, которые бежали и поставили себя в положение мятежников.

Ст. 3. Национальный Конвент призывает обратно в свою среду Бертрана, члена Комиссии Двенадцати, мужественно воспротивившегося их насилиям; Конвент призывает также других заключенных, которые являются более обманутыми, чем виновными.

Ст. 4. Национальный Конвент приказывает отпечатать документы¹, переданные Комитету Общественного Спасения и декретирует рассылку их по департаментам.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVIII, p. 270—271).

II. Декреты 12 июля 1793 г. по поводу восстания в Лионе.

A.

Национальный Конвент, заслушав доклад Комитета Общественного Спасения, объявляет, что враги свободы и равенства и сторон-

¹ Изобличающие жирондистов.

ники тирании, угнетают народ города Лиона и посредством имевшего там место под названием «департаментского конгресса» собрания, довели этот город до мятежа против Республики. Вследствие сего Национальный Конвент постановляет:

Ст. 1. Бывший член Национального Конвента, один из главарей обнаруженного в Лионе заговора—Бирото, объявляется изменником отечества и ставится вне закона.

Ст. 2. Отрешаются от своих должностей и объявляются изменниками отечеству администраторы, муниципальные и всякие другие общественные должностные лица, военные и гражданские чиновники департамента Роны и Луары, которые созвали или же допустили созыв департаментского конгресса, имевшего место в Лионе, а равным образом и те, которые присутствовали на этом конгрессе, принимали участие в его решениях или приводили их в исполнение.

Ст. 3. Исполнительный Совет примет соответствующие меры и в течение дня отдаст распоряжения, необходимые для безотлагательной отправки в Лион вооруженной силы, достаточной для водворения там порядка и для того, чтобы заставить уважать народный суверенитет, неприкосновенность личности и имущества, возвратить свободу всем гражданам, которые были арестованы или заключены в тюрьму произвольными распоряжениями, исходящими, как от отстраненных от должностей чиновников, так и от самозванного департаментского конгресса, а также для того, чтобы арестовать и доставить в Революционный Трибунал заговорщиков, указанных в предыдущей статье.

Ст. 4. На все имущества, принадлежащие заговорщикам, налагается предварительный арест и они подлежат опечатанию. После того, как Революционный Трибунал подвергнет означенные имущества полагающейся согласно закона конфискации, Национальный Конвент распределит таковые между нуждающимися и угнетенными патриотами.

Ст. 5. Выплата различных сумм, следуемых городу Лиону и его жителям, как от казначейства, так и от частных лиц, временно приостанавливается.

Ст. 6. Частные лица, не живущие постоянно в Лионе, но в настоящее время там находящиеся, обязаны покинуть город и в течение трехдневного срока отправиться в места своего постоянного жительства. После этого срока они будут рассматриваться, как соучастники заговорщиков и в качестве таковых будут подвергнуты преследованию. На их имущества будет наложен предварительный арест.

Ст. 7. Представителям народа при альпийской армии поручается временно замещать отстраненных от должностей чиновников и принять все меры, необходимые для восстановления порядка в Лионе и для обеспечения быстрого выполнения настоящего декрета.

Ст. 8. Национальный Конвент приглашает всех благонамеренных граждан департамента Роны и Луары присоединиться к армии и

совместно с нею и представителями народа способствовать защите свободы и равенства, поддержанию единства и нераздельности Республики.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVIII, p.p. 297—298).

Б.

Национальный Конвент, заслушав доклад своего Комитета Общественного Спасения, постановляет, что все те, которые будут уличены в аресте и задержании в Лионе военных обозов, предназначенных для армий Республики, будут преданы смертной казни.

Национальный Конвент одобряет меры, принятые департаментом Соны и Луары, задержавшим из патриотических видов тысячу ружей, которые должны были быть провезены через Лион для доставки в Перпиньян и поручает военному министру доставить по назначению быстрым и безопасным путем ружья и прочее вооружение и амуницию, могущие еще прибыть.

Национальный Конвент, кроме того, уполномочивает департамент Соны и Луары собрать вооруженные силы, достаточные для обороны, против лионских мятежников и для защиты единой и нераздельной Республики.

Национальный Конвент назначает в качестве комиссаров в департаменты Соны и Луары, Роны и Луары и Эн граждан Реверсона и Лапорта.

(B u c h e z e t R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVIII, p.p. 298—299).

106. Из закона 26 Июля 1793 года о продовольствии.

Национальный Конвент, принимая во внимание все зло, причиняемое барышниками посредством зловредной спекуляции на самых насущных нуждах и на общественной нищете, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Барышничество является тяжким преступлением.

Ст. 2. Виновными в барышничестве признаются те, кто, изъема из оборота предметы или припасы первой необходимости, портят их и держат их спрятанными в каком-либо месте, не выпуская их ежедневно и открыто в продажу.

Ст. 3. Барышниками признаются равным образом и те, кто сами уничтожают или добровольно допускают уничтожение естественных припасов и предметов первой необходимости.

Лица, ведшие дела по феодальным правам.

Ст. 4. Предметами первой необходимости признаются: хлеб, мясо, вино, зерно, мука, овощи, фрукты, масло, уксус, сидр, водка, уголь, соль, дрова, масло растительное, сода, мыло, сало, мясо; рыба сушеная, копченая, соленая или маринованная; мед, сахар, бумага, пенька, шерсть, тонко обработанная и грубая, кожа, железо и сталь, медь, сукно, холст и вообще все ткани и все сырые материалы, идущие на выделку тканей, за исключением шелковых.

Ст. 5. В течение 8-ми дней, следующих за опубликованием настоящего закона, все имеющие в каком бы то ни было месте Республики на складе какие-либо из товаров или съестных припасов, перечисленных в предыдущей статье, обязаны заявить об этом в муниципалитет или секцию, на территории которой расположен склад названных товаров или съестных припасов. Муниципалитет или секция проверит через назначенного для сей цели комиссара наличие, род и количество товара, находящегося на складе. Муниципалитеты и секции уполномочены назначать этим комиссарам вознаграждение, соответствующее возложенным на них обязанностям, размеры коего должны быть установлены на общем собрании муниципалитета или секции.

Ст. 8. Спустя восемь дней после обнародования настоящего закона все не сделавшие предписанного заявления будут считаться барышниками и, как таковые, наказаны смертью, имущества их будут конфискованы, а входящие в их состав съестные припасы и товары—распроданы.

Ст. 9. Смертной казни будут подвергнуты, равным образом, и те, кто будут уличены в даче ложных показаний и те, кто, присвоив себе вымышленное имя, будут выдавать себя за других лиц или представляют подложные документы, касающиеся принадлежности складочных мест и товаров. Общественные чиновники и комиссары, назначенные для наблюдения за продажей, кои будут уличены в злоупотреблении своим положением с целью оказания содействия барышникам, будут, равным образом, подвергнуты смертной казни.

Ст. 10. Оптовые торговцы, хранящие свои товары в тюках или бочках и розничные торговцы, имеющие магазины, лавки, амбары, ежедневно открытые для покупателей, обязаны по истечении восьми дней со дня опубликования настоящего закона вывесить снаружи своих магазинов, амбаров или лавок, объявления, указывающие род и количество товаров и съестных припасов первой необходимости, которые в них находятся, а также и имя владельца. В случае невыполнения этого, они будут считаться барышниками. Фабриканты обязаны под страхом того же наказания объявить о роде и количестве сырых материалов, имеющих в их мастерских и доказать их назначение.

Ст. 11. Поставщики армий, не подходящие под понятие купцов и лавочников, о которых говорится в предыдущей статье, должны представить в свой муниципалитеты или секции выписки из договоров, которые они заключили с Республикой. Они должны указать,

какие закупки они на основании этих договоров сделали и какие магазины или склады они устроили. Если будет доказано, что по содержанию договора устройство названных складов и магазинов не является обязательным и что находящиеся в них товары первой необходимости или съестные припасы не предназначены для армии, то те, кто эти магазины и склады устроил, будут считаться барышниками.

Ст. 12. Всякий гражданин, который донесет о барышничестве или о каком-либо нарушении настоящего закона, получит одну треть товаров или припасов, подлежащих конфискации; другая треть будет распределена среди неимущих граждан того муниципалитета, на территории которого находятся те предметы, относительно которых сделан донос и, наконец, последняя треть должна пойти в пользу Республики. Тот, кто донесет о сознательно уничтоженных товарах или припасах, получит вознаграждение, соответствующее важности доноса.

Доход, вырванный от конфискации, в силу настоящего закона, всех прочих припасов и товаров, будет разделен пополам между нуждающимися гражданами муниципалитета, произведшего названную конфискацию, и Республикой.

Ст. 13. Приговоры, вынесенные уголовными судами в силу настоящего закона, не подлежат апелляции. Особый декрет Национального Конвента или Законодательного Корпуса укажет время прекращения действия этого закона.

Ст. 14. После того, как настоящий закон будет доведен до сведения установленных властей, они распорядятся об оглашении его во время публичных заседаний, расклеят его и объявят при барабанном бое, дабы никто не мог отговариваться его неведением.

(Buche et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution Française, t. XXVIII, p.p. 367—371).

107. Из декрета о всеобщем ополчении 23 Августа 1793 года.

Национальный Конвент, заслушав доклад Комитета Общественного Спасения, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. С настоящего времени впредь до изгнания врагов с территории Республики, все французы должны находиться в постоянной готовности к службе в армии. Молодые люди должны отправиться воевать, женатые будут изготавливать оружие и перевозить продовольствие, женщины будут шить палатки и одежду и служить в госпиталях, дети будут щипать из старого белья корпию, старики будут в общественных местах возбуждать мужество воинов, ненависть к королям и звать к единству Республики.

Ст. 2. Национальные здания будут превращены в казармы; общественные места — в мастерские по выделке оружия, почва в погребах будет подвергнута выщелачиванию для извлечения из нее селитры.

Ст. 3. Боевое оружие будет выдано исключительно тем, кто выступит против врага. Внутренняя служба будет нести с охотничьими ружьями и холодным оружием.

Ст. 4. Верховые лошади будут реквизированы для пополнения кавалерийских частей, упряжные лошади, за исключением нужных для сельскохозяйственных работ, будут перевозить артиллерию и провиант.

Ст. 5. Комитету Общественного Спасения поручается принять все меры, необходимые для безотлагательной организации в самых широких размерах выделки всякого рода оружия, должествующей соответствовать положению и энергии французского народа. Комитет уполномочивается также создавать всякого рода учреждения, заводы, мастерские и фабрики, какие только будут нужны для выполнения работ, и набирать для этой цели по всей Республике мастеров и рабочих, могущих содействовать успеху работ. С этой целью в распоряжение военного министра будет предоставлена сумма 30 миллионов из тех четырехсот девяносто восьми миллионов двухсот тысяч ассигнациями, которые находятся в резерве в кассе с тремя ключами. Центральное учреждение этого чрезвычайного производства будет создано в Париже.

Ст. 6. Представители народа, посланные для проведения в жизнь настоящего закона, будут иметь в своих округах такие же права, согласовывая при этом свои действия с Комитетом Общественного Спасения. Они наделяются неограниченными полномочиями, предоставляемыми представителям народа при армиях.

Ст. 7. Никто не в праве заменять себя на той службе, для несения которой он призван; общественные чиновники остаются на своих местах.

Ст. 8. Ополчение будет всеобщее; неженатые граждане или бездетные вдовцы в возрасте от 18-ти до 25-ти лет выступают первыми; они безотлагательно отправятся в административный центр своего дистрикта, где в ожидании приказа о выступлении, будут ежедневно упражняться в ружейных приемах.

Ст. 9. Представители народа будут регулировать призыв граждан и их выступление с таким расчетом, чтобы вооруженные граждане являлись на сборные пункты лишь по мере поступления достаточного количества съестных припасов, амуниции и всего того, что составляет материальное снабжение армии.

Ст. 13. Для того, чтобы собрать в достаточном количестве съестные припасы, арендаторы и управляющие национальных имуществ доставят в административные центры их дистриктов продукты обработки этих имуществ, преимущественно в виде зерна.

Ст. 14. Собственники, арендаторы и владельцы зерна обязаны выплатить в натуре невнесенные в срок налоги, в том числе и две

трети налогов за 1793 г. по спискам, служившим основанием для последнего взыскания налогов.

Ст. 17. Военному министру поручается принятие всех мер, необходимых для быстрого проведения в жизнь настоящего декрета. Национальное казначейство предоставит в его распоряжение сумму в 50 миллионов, которую надлежит взять из четырехсот девяносто восьми миллионов двухсот тысяч ливров ассигнациями, хранящихся в кассе с тремя ключами.

Ст. 18. Настоящий декрет будет разослан в департаменты с чрезвычайными курьерами.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVIII, p.p. 469—471).

Террор в порядке дня.

Контр-революционные восстания внутри страны и неудачи на фронте, белый террор со стороны жирондистов (убийство Марата Шарлоттой Корде, казнь Шалле в Лионе и т. д.) и все обостряющийся экономический кризис, усиливаемый махинациями спекулянтов—таковы были обстоятельства, толкнувшие монтаньяров на путь красного террора. Начавшись (в виде отдельных мероприятий) еще с весны 1793 г., террор этот принимает систематический характер лишь с августа—сентября этого же года и эти месяцы принято считать начальным моментом эпохи красного террора.

108. Речь Робеспьера в заседании Якобинского клуба 23 августа 1793 года.

Необходимо вести беспрестанную борьбу с агентами Питта и Кобурга, которые кишат в наших городах и департаментах. С вершины Горы я подаю народу знак и говорю ему: вот твои враги — рази их.

Я следил за вызывающими обрядностями, которыми опутал себя Революционный Трибунал. Ему нужны целые месяцы, чтобы судить Кюстина ¹, убийцу французского народа. А ведь если бы тирания могла возродиться, то ее противники были бы раздавлены в течение двадцати четырех часов! Свобода должна в настоящее время пользоваться теми же самыми средствами; в ее руках карающий меч, который должен освободить народ от его самых ожесточенных врагов и те, что оставили бы его в бездействии, были бы преступниками. Недопустимо, чтобы Трибунал, утвержденный для того, чтобы способствовать развитию революции, посредством преступной медлительности вызывал ее движение вспять; необходимо, чтобы Трибунал был также активен, как и сама преступность и никогда не отставал от нее. Трибунал должен быть составлен из десяти человек, которые бы занимались лишь расследованием преступления и применением наказания; бесполезно увеличивать число присяжных и судей, потому что этому Трибуналу подсудно только одно преступление — государственная измена и в его распоряжении существует только одно наказание — смертная казнь. Смешно, чтобы люди занимались выбором наказания для такого преступника, раз за него полагается, лишь одно наказание и оно применяется *ipso facto*.

¹ Генерал, потерпевший серьезное поражение на фронте и преданный за это Революционному Трибуналу.

Комитет Общей Безопасности может сделать себе много упреков, но парижская полиция также во многом виновата, и поэтому она так же нуждается в реформе, как и Комитет.

Последний, как и Революционный Трибунал, имеет недостатки, как в способах действия, так и в организации. Он слишком многочислен, и это одно должно уже тормозить его работу, не говоря уже о том, что это же обстоятельство не дает уверенности в патриотизме его членов.

Есть еще другое неудобство, часто являющееся помехой для хода дела. Комитет Общественного Спасения, призванный разрушать заговоры, какого бы рода они ни были, задерживает часто тех, кого разыскивает Комитет Общей Безопасности, функции которого почти те же самые. Отсюда проистекают конфликты о подсудности, часто наносящие вред государству. Комитет Общей Безопасности выпускает на свободу и оправдывает тех, кого Комитет Общественного Спасения заключил в тюрьму и обвинил. Объясняется это тем, что они судят на основании различных документов и, таким образом, то, что один оставил без внимания, служит для другого основанием для решения,—отсюда широкое поле для всяческих интриг.

Итак, я резюмирую: реформа Революционного Трибунала, его немедленная реорганизация на новых основаниях (он должен в определенный срок — всегда очень короткий, — осуждать виновных и освобождать невинных); создание нескольких революционных комитетов, которые будут совместно судить многочисленные проступки, ежедневно совершаемые против свободы; общий надзор полиции; переизбрание Комитета Общей Безопасности в составе лишь десяти членов со строго определенными обязанностями; строгое разграничение функций Комитета Общей Безопасности и Комитета Общественного Спасения.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXVIII, p. 477—478).

109. Из отчета о заседании Парижской коммуны 4 сентября 1793 года.

Если речь Робеспьера 25 августа показывает, что к концу августа 1793 г. монтаньяры пришли к сознанию необходимости систематического проведения террора, то в том же самом направлении толкало их воздействие, требовавших введения максимальных цен парижских масс, видевших в терроре средство укрепления максимума и, таким образом, выход из ужасного экономического и в особенности, продовольственного кризиса. Совокупность этих двух моментов и явилась ближайшим толчком к принятию Национальным Конвентом сентябрьских террористических законов

Появляется депутация рабочих.

Оратор. «Граждане, причиной, заставившей нас на минуту оторвать вас от ваших важных занятий данного момента, является

трудность получить хлеб у булочников. В продолжение двух месяцев мы молча страдали, ибо надеялись, что это скоро кончится, но бедствия, наоборот, с каждым днем все более увеличиваются. Мы пришли просить вас изыскать средства, необходимые для общественного спасения; примите меры к тому, чтобы проработавший целый день и нуждающийся в отдыхе рабочий не был бы вынужден бодрствовать полночи и терять половину следующего дня, чтобы раздобыть хлеб, а иногда даже и не получить его».

Между мэром и рабочими завязывается разговор. Рабочие поочередно задают ему различные вопросы. Почему не запрещен вывоз хлеба из Парижа? Муниципальные власти неоднократно уже издавали соответствующие постановления. Почему же эти постановления не приводятся в исполнение? Муниципальные власти могут лишь издавать постановления, проводить их в жизнь должны секции, в состав коих вы сами входите. Имеется ли в Париже продовольствие? Если оно имеется, то распределите его, если же его нет, объясните нам причину этого отсутствия; народ готов восстать; сделавшие революцию санкюлоты предлагают вам свои силы, время и жизнь.

Депутация растет. Зал переполняется, «хлеба, хлеба!» — раздаётся со всех сторон. Шометт и другой член Коммуны спешат предупредить Конвент обо всем происходящем.

Муниципальные чиновники переносят заседание в большой зал, который быстро наполняется; скамейки, трибуны зала, кулуары — все заполнено народом. Дискуссия возобновляется; чередуются те же вопросы, те же ответы; со всех сторон раздаются возгласы: «хлеба! хлеба!». Шометт возвращается из Конвента. Читается декрет, обещающий установление максимума на предметы первой необходимости. Раздаются голоса: «Нам нужны не обещания, а хлеб, и притом немедленно!».

Шометт взбирается на стол и при воцарившейся тишине говорит: «Я тоже был беден и потому знаю, что значит бедность. Здесь происходит открытая война богатых против бедных; они хотят уничтожить нас; хорошо же! Нужно только опередить их; нужно уничтожить их самих; сила в наших руках!.. Мерзавцы! они пожрали плоды наших трудов, они обобрали нас до нитки, они выжимали из нас пот... и теперь, в довершение всего, они хотят еще упиться нашей кровью! Я требую: во-первых, чтобы на рынки было доставлено количество муки, необходимое для выпечки хлеба на завтрашний день; во-вторых, издание Национальным Конвентом декрета о немедленном создании революционной армии для отправки ее в те деревни, где должна быть произведена реквизиция хлеба, дабы следить за его сбором, облегчать его доставку и препятствовать проискам богатых эгоистов, предавая их законной каре».

110. Выступление парижского мэра и прокурора коммуны в заседании Национального конвента 5 сентября 1793 года.

Мэр Парижа. Граждане представители, в Париже еще не ощущался недостаток продовольствия; между тем в продолжение шести недель страх перед отсутствием его заставляет граждан дежурить целые ночи у дверей булочных. Страх этот основан на том, что Париж питается лишь ежедневным подвозом. Подобный недостаток снабжения является следствием неисполнения касающихся продовольствия законов; он проистекает из эгоизма и злонамеренности богатых владельцев зерна, при чем зло это наблюдается во всех больших городах. Народ, уставший от всех этих махинаций, пришел изъяснить вам свою волю. Прокурору Коммуны поручено прочесть вам петицию граждан города Парижа.

Прокурор Коммуны. Граждане законодатели, жители Парижа. Утомленные долго длящейся неопределенностью и неясностью своей судьбы, решили, наконец, определить ее раз навсегда. Тираны Европы, так же, как и внутренние враги нашего государства, с ожесточением упорствуют в своем желании уморить французский народ голодом, чтобы, победив его, заставить его постыдно променять свою свободу и свой суверенитет на кусок хлеба, на что народ, конечно, никогда не пойдет.

Новые сеньоры, не менее жестокие, не менее жадные, не менее высокомерные, чем прежние, появились на развалинах феодализма; арендовав или же купив владения своих прежних хозяев, они идут по дороге, проложенной преступлением, спекулируют на народной нужде, расходуют источники богатств и подвергают мучениям разрушителей тирании.

Другой класс, не менее жадный, не менее преступный, чем первый, завладел предметами первой необходимости. Вы нанесли ему удар, но этот удар лишь оглушил его и даже под сенью законов он продолжает свой прежний грабеж.

Вы создали мудрые законы; они сулят нам счастье; но пока что они еще не приводятся в исполнение за отсутствием реальной силы. Если вы тотчас же не создадите ее, законам вашим грозит опасность едва родившись покрыться уже плесенью.

В настоящий момент враги отечества направляют против него свой нож, уже обогранный его кровью. Вы повелеваете искусством и искусство повинуется вам. В руках республиканцев металлы превращаются в губительное для тиранов оружие. Но, где же та рука, которая направит это оружие против груди предателей?

Тайные внутренние враги со словом «свобода» на устах пытаются остановить течение жизни. Не взирая на ваши благодетельные законы, они запирают свои амбары, хладнокровно подсчитывая, что дает им голод, мятеж, резня. Вы передаете должностным лицам ключи от амбаров вместе с адской книгой, содержащей вычисления этих чудовищ. Но где же та твердая рука, которая повернет, нако-

Раскол в среде монтаньяров.

Развитие экономического кризиса, связанное с применением закона о максимуме, (который, хотя и вытекал из всей совокупности обстоятельств момента, не смог, однако, удовлетворить всех возложенных на него ожиданий), имело своим естественным результатом дальнейшее углубление классовых противоречий. Это последнее, выразившееся в не монтаньярской партии в виде усиления и ожесточения классовой борьбы, внутри ее не могло не принять формы раскола, неизбежного при данных обстоятельствах для всякой мелкобуржуазной партии, составленной из социально-неоднородных элементов. Эбертисты, как выразители наиболее малоимущей части мелкой буржуазии, заняли левое крыло; дантониисты — представители ее более состоятельной части — отошли направо, а робеспьеристы остались посередине.

119. Неудача закона о максимуме.

Народный представитель в Лионе и Тулоне. Виль-Аффрианши (Лион), 5-ый день 2-го месяца II года — 26 октября 1793 года.

Коллеги!

Подгоняемый в дороге желанием поскорее прибыть на место моего назначения, я мог окинуть лишь беглым взглядом те несколько департаментов, через которые я проезжал; но так как взгляд патриота не безрезультатен, то я мог узнать такие вещи, которые и вам важно знать.

Прежде всего, для меня явилось несомненным, по полученным мною сведениям и по самому горестному опыту, что искусственно созданный голод опустошал ту часть Республики, которая простирается от Парижа до Виль-Аффрианши.

Повсюду я видел народ, занятый поисками хлеба в виду недостатка его в разных местах, да и то небольшое количество его, которое он может получить и с'есть, весьма плохого качества; мне самому пришлось три раза испытать невозможность найти хлеб как на постоянных дворах, так и у содержателей почтовых лошадей; максимум цен на зерно, жадность хлебопашца, злонамеренность аристократов и эгоистов и продовольственное снабжение армии, достигающее колоссальных размеров, — вот причины тому. Обстоятельства, в которых мы находимся, требуют, чтобы были приняты самые спешные и самые надежные меры, чтобы отстранить и ослабить тот бич, который мог бы нанести весьма чувствительные удары Республике. Я осведомляю вас, коллеги, и рекомендую вам позаботиться об этом важном вопросе.

С большой скорбью, коллеги, увидел я действие, произведенное общим законом о максимуме на цены всех необходимых для жизни предметов во всех тех местах, через которые я проезжал. Если бы этот закон был хорошо задуман, хорошо отредактирован и хорошо выработан в своих деталях, он мог бы иметь хорошие результаты; но таков, как он есть, он должен по необходимости повлечь за собою гибельные последствия. Прежде всего он распространяется на слишком большое число предметов; во-вторых, он не допускает никаких различий между предметами одного и того же рода, но различной стоимости; в-третьих, он разоряет мелкого торговца, благоприятствует жадности богача-эгоиста, заасающего решительно всем, между тем как бедняк, не имеющий свободных средств, ничего не выигрывает, кроме кое-каких лакомств для своей минутной утехи. Он изложен так, что розничный торговец, не будучи в состоянии получить даже законного барыша, перестает запасаться всем и оставляет свою профессию.

Почти повсюду я нашел недостаток предметов, самых необходимых для жизни, обезлюдившие и пустые рынки и много закрытых лавок. Вы с трудом получите самый скромный обед в гостиницах, и яйцо почти также трудно найти, как быка.

Способ выполнения и понимания этого закона, который мог бы быть хорошим, является также одним из зол; максимум повсюду разный; сырые материалы для фабрик расцениваются по более высокому максимуму в одном месте, чем готовые изделия из них же в другом. Например, в Эльбефе необработанная шерсть продается по столько-то за фунт; в Дижоне же эльбефское сукно продается много дешевле. Другой пример: гаврский муниципалитет таксировал сахар в 26 су, в Шалоне он стоит 30, в Турню, муниципалитете Шалонского округа, коммунальные комиссары установили на него таксу в 28 су: Здесь установлен максимум на яблоки и груши, а кое-где даже на орехи. В одном месте вынужден продавать по максимуму свой хлеб земледелец, вино — винодел; в другом — торговец бельем и платьем, обувью и материями.

Что же происходит? Земледелец привозит вытребованное у него зерно; он хочет купить платье, но не находит больше сукна: торгующая им лавка закрыта. Винодел, скрепя сердце, продает свое вино по 12 су после трех плохих годов и встречает отказ в белье. Зреет глухое негодование: ненависть и нищета свивают себе гнездо среди граждан, а аристократы наряжаются, покупают сласти, полотна, материи и пр. и наслаждаются жизнью; все они преклоняются перед Конвентом за максимум. Таким образом, коллеги, добро, благодаря его плохой подготовке, создает зло; таким образом, благодаря готовившим добро рукам, лекарство, которое должно было вызвать целительный кризис у изнемогающего больного, причиняет ему лютой голод и ужасное раздражение и при отсутствии спешных мер может довести его до жесточайших конвульсий, а вы, ведь, врачи.

Другой предмет: почтовая служба повсюду хромает, и без применения самых спешных, справедливых и в то же время строгих мер, эта часть государственного управления совсем рухнет. Нужно приструнить содержателей почты и в то же самое время помочь им.

Нужно их поддержать и наказывать. Все по дороге говорили мне, что не могли найти овса, а без овса нет лошадей.

Так пусть же декрет предпишет муниципалитетам производить реквизицию овса, чтобы обеспечить себя им, и пусть это будет строго проводиться в жизнь!

Но нужно сделать так, чтобы эти хозяева почты, занимающиеся во многих департаментах земледелием, не могли быть скупщиками, и чтобы они не использовали хитроумно максимум, что я подозреваю из того вдруг появившегося единогласия, с каким они поведали мне о своем положении. Это делает их мне подозрительными.

Пусть они будут обязаны, под страхом суровых кар, иметь предписанное число лошадей; пусть ежемесячно отсылаются в округа ведомости об этом, а также пусть делается проверка на месте.

И пусть они покажут количество обрабатываемых ими земель и собранных с них хлебов, в особенности овса; пусть их обяжут доказать сделанное ими употребление из их зерна за последние два года; сообразно с этими данными и надлежит действовать; таким способом как раз и будет оказано содействие хорошим содержателям почты, и в этой области государственного управления мы перестанем быть жертвою мошенников и аристократов, доставляющих из своей среды слишком много содержателей почты для Республики.

С братским приветом

Альбитт.

(«Французская Революция в провинции и на фронте», стр. 290 — 292).

120. Чего хотели эбертисты (Принятое 10 октября 1793 г. Парижской Коммуной предложение Шометта о том, кого считать подозрительным).

Подозрительными являются:

1. Те, кто во время собраний народа охлаждают его порыв возмутительными речами, шумными возгласами или угрозами.

2. Те, кто будучи более осторожными, таинственно говорят о несчастиях Республики, жалеют народ и всегда готовы с мнимопечальным видом распространять плохие известия.

3. Те, кто меняют свое поведение и язык соответственно ходу событий; кто, умалчивая о преступлениях роялистов и федералистов, яростно нападают на малейшие ошибки патриотов и для того, чтобы казаться республиканцами, принимают вид нарочитой строгости и недоступности, но тогда же уступают, как только дело коснется умеренного или аристократа.

4. Те, кто сожалеют об участи жадных фермеров и торговцев, коих закон вынужден преследовать.

5. Те, кто со словами свобода, республика и отечество на устах, встречаются с бывшими дворянами, контр-революционными священниками, аристократами, фельянами, умеренными и интересуются их участью.

6. Те, кто не принимали активного участия в событиях революции и для своего оправдания хвастаются аккуратной уплатой налогов, сделанными ими патриотическими пожертвованиями, службой в национальной гвардии посредством заместителей или иным путем и т. д.

7. Те, кто с равнодушием приняли издание республиканской конституции и выражали ложную тревогу по поводу ее установления и продолжительности.

8. Те, кто ничего не сделали против свободы, равным образом ничего не сделали и в ее пользу.

9. Те, кто не посещают своих секций и оправдываются тем, что не умеют говорить или заняты своими делами.

10. Те, кто с презрением говорят об установленных властях, символах закона, народных обществах и защитниках свободы.

11. Те, кто подписали контр-революционные петиции или посещали антипатриотические общества и клубы.

12. Сторонники Лафайета и убийцы на Марсовом Поле.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXXV, p. p. 20—21).

121. Чего хотели дантонисты.

I. Из речи Дантона в Национальном конвенте 26 ноября 1793 года.

Постараемся различать, где кончается заблуждение и начинается преступление. Народ требует, чтобы террор был поставлен в порядок дня; но он хочет, чтобы террор был применен к действительным врагам республики и только к ним, т.-е. к аристократам, эгоистам, заговорщикам и изменникам, агентам иностранных правительств; но народ не хочет, чтобы всякий, кто родился без революционного пыла, в силу одного этого считался виновным; если он не уклоняется от своего долга и если он не замышляет преступления, народ готов поддержать даже слабого гражданина...

Единственно, чего народ хочет теперь, это — сильного и энергичного правительства. Эта энергия исходит от самого народа: ведь каждый год он будет избирать своих представителей, своих администраторов, одним движением он сметет со своего пути тех, кто смел бы посягнуть на его величие.

В широкой политической перспективе, мы представляем собой в сущности только национальную комиссию, труды которой осве-

щаются одобрением народа. Пусть каждый из нас ни на минуту не упускает из виду всю широту этих задач; пусть Комитет Общественного Спасения отрешится от мелочных забот. Принесем народу плоды его конституции; ведь все великое в революции совершил он сам. Его представители должны склониться перед ним; но пусть они в то же время стремятся подняться на ту высоту, на которой стоит народ. Вперед сомкнутыми рядами! Немедля обсудим законы, которые нужно издать; пусть Конвент поручит своим комитетам в кратчайший срок сделать доклады о последнем заговоре. За дело — и без проволочек! Создадим республиканскую власть! Больше энергии, больше единства революционному правительству! Покараем виновных и покараем беспощадно — и народ признает, что мы достойны его.

(Дантон. «Избранные речи», стр. 85 — 86).

II. Из речи Дантона в Национальном конвенте 1 декабря 1793 года.

Теперь, когда всякий федерализм уничтожен, революционные меры должны, естественно, опираться на законы, нами же изданные. Конвент почувствовал необходимость дополнить революционные мероприятия и сделал постановление в этом смысле. С этого момента каждый человек, проявляющий себя не в меру усердным революционером, принесет столько же вреда свободе, сколько мог бы ей принести убежденный контр-революционер. Выйти за пределы поставленной цели, значит — миновать ее, а не достигнуть, наши враги не преминут умело использовать против нас самих избыток нашего гражданского одушевления. А мало ли людей, которые под маской преувеличенной преданности революции ускользают от революционной кары! Поэтому я и говорю, что вы должны выразить энергичное порицание тем, кто позволит себе переступить границы, указанные мною.

Объявим, что никто не имеет права отдавать произвольного распоряжения какому-либо гражданину Республики. Защитим от всяких посягательств следующий принцип: законы должны исходить только от Конвента, — он один получил от народа право законодательства. Отзовем тех комиссаров, которые, хотя бы с самыми лучшими намерениями, принимали несоответствующие меры, о которых только-что доведено до нашего сведения. Представители народа отныне должны издавать распоряжения в полном согласии с нашими революционными декретами, с принципами свободы и соответственно инструкциям, переданным им Комитетом Общественного Спасения. Запомним ту истину, что если то или другое общество разрушают ударами пик, то возвести и укрепить общественное здание можно только при помощи строительного циркуля.

Народ ежедневно высказывает одобрение нашей работе, ежедневно приказывает нам не покидать нашего поста: это потому, что мы свято выполнили свой долг. Будем стараться сделаться достойными

того доверия, которым он нас окружает, будем сами создавать законы и не позволим никому их нам навязывать.

Я предлагаю поручить Комитету Общественного Спасения оповестить всех комиссаров, членов Конвента, о том, что они в своих мероприятиях должны руководствоваться исключительно вашими революционными законами и своими инструкциями.

(Дантон. «Избранные речи», стр. 87 — 88).

III. Из речи Дантона в Национальном конвенте 24 января 1793 г.

Разве Республика не является грозой для всех своих врагов? Разве она не торжествует победу? Разве вы не применили для уничтожения ваших внутренних и внешних врагов грозные и всеобъемлющие меры? Разве эти меры не имели успеха, какого вы могли ожидать? Разве вы не сознаете своей мощи? Разве исполнители предписанных вами мер устранили энергию и силу, каких вы от них ждали?

Итак, воспользуемся моментом, чтобы направить верные удары против врагов родины, избежать ошибок или исправить их. Вот то, что я вам предлагаю; с того момента, когда Национальный Конвент может, не принося ущерба общественному благу, защитить честного гражданина, он не выполнит своего долга, если останется пассивным.

Вот истинные принципы; вот то, что вы должны и что вы можете сделать.

Я предлагаю сосредоточить все наше внимание на том, каким образом обеспечить правосудие, — скорое, верное и без ущерба для революционного движения, — всем жертвам произвольных арестов и т. п. мероприятий, многодетным беднякам, родителям защитников отечества и вообще всем тем, кто по своим гражданским добродетелям должен быть дорог патриоту и законодателю.

(Дантон. «Избранные речи», стр. 96 — 97).

122. Робеспьеристы пытаются сохранить равновесие между эбертистами и дантонистами (Из проекта доклада Робеспьера Национальному конвенту от имени Комитета Общественного спасения).

Перед лицом пеминуемого раскола в среде монтаньярской партии, ее робеспьеристский центр, совершенно не понимавший причины кризиса и приписывавший его влиянию агентов иностранных держав, пытается, балансируя между обоими флангами, занять промежуточную позицию золотой середины. Эта линия поведения была выражена в целом ряде относящихся к этому времени выступлений Робеспьера. Приводим отрывок одного из них:

Вот уже некоторое время две враждебные друг другу группировки с треском борются между собой. Одна стремится к умеренности, другая — к контр-революционным эксцессам патриотизма. Одна объявляет войну всем энергичным патриотам и проповедует

снисходительность по отношению к заговорщикам; другая исподтишка клеветает на защитников свободы, добивается гибели всех однажды ошибившихся патриотов и в то же время закрывает глаза на преступные намерения наших опаснейших врагов. Обе выявляют самый пламенный патриотизм, когда речь идет о нападении на своих противников; но когда нужно защищать интересы родины и истины, то обе они проявляют глубочайшее равнодушие. Обе стремятся принести Республику в жертву своим эгоистическим интересам. Патриотизм, коим они хвастаются, не является ни абсолютным, ни всеобщим; он проявляется лишь в некоторых случаях и ограничивается кругом интересов данной секты. Он не имеет ничего общего с общественной добродетелью. Он походит на ненависть, мстительность, интриганство и себялюбие. Обе группировки правы, когда осуждают одна другую, но обе начинают ошибаться, как только пытаются, исходя из недостатков своего противника, сделать вывод в свою собственную пользу. Обе доказывают все против своего противника и ничего — в свою пользу. Одна старается воспользоваться своим значением или своим пребыванием в среде Национального Конвента; другая — своим влиянием на народные общества. Одна хочет исторгнуть у Конвента опасные декреты или репрессивные меры против своего противника; другая — оглашает общественные собрания жалобными стонами. Одна стремится обеспокоить Конвент, другая — возбудить народ. Результатом этой недостойной борьбы, если только ей не положить предела, будет поселение раздора между Национальным Конвентом и народом и предоставление врагам Республики столь долго ожидаемого ими случая осуществить их гнусные намерения. Ибо агенты иностранных дворов раздувают пламя вражды, стремятся использовать в своих роковых целях гордость, невежество и предрассудки обеих партий, держат в своих руках все нити этого двойного заговора и направляют его в желаемом ими направлении.

Победа каждой из этих партий была бы одинаково губительной для свободы и национального деспотизма. Если первая раздавит вторую, патриотизм подвергнется преследованию, Национальный Конвент утратит энергию, которая одна только может спасти Республику, и народное дело снова попадет во власть интриги, аристократии и измены. Если победит вторая партия, то следствием ее победы будут хаос и анархия, унижение народного представительства и преследование всех мудрых и смелых патриотов.

Разогнать Национальный Конвент, ниспровергнуть Республику, погубить энергичных патриотов и передать командование армиями и революционное управление в руки мошенников и предателей — такова есть и будет цель* и задача всех объединившихся против Республики тиранов, пока последний из них не падет под ударами французского народа. Такова также и цель заговора, о котором я буду говорить

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXX, p.p. 157—159).

123. Робеспьеристы против эбертистов.

Попытка робеспьеристов сохранить равновесие между обоими флангами монтаньярской партии по самому своему существу была осуждена на неудачу. Робеспьеристы, хотели они этого или нет, были вынуждены выбрать между той или другой стороной и так как в данный момент, (в связи с обострением народного недовольства, вызванным усилением экономического кризиса), опасность со стороны эбертистов показалась им большей, чем со стороны дантоистов, то первый удар был естественно направлен против левого крыла. Поскольку же одной из важных задач эбертистов в этот момент являлось проведение их «дехристианизаторской» (т.-е. антирелигиозной) политики, нападение на них со стороны робеспьеристов должно было неизбежно идти под флагом борьбы за свободу культов.

I. Доклад Робеспьера Национальному конвенту от имени Комитета Общественного спасения от 15 фримера (5 декабря 1793 г.).

Граждане, замыслы интриганов, стремящихся к ниспровержению свободы, повидимому, близки к осуществлению. Обратите внимание на эмиграцию в Швейцарию с юга Франции, начало которой совпало с моментом решительного нападения на религию. Есть много коммун, настроенных отнюдь не фанатично, где все же находят дурным, что власти и войска приказывают покидать церкви и арестовывать служителей культа только потому, что они служители культа. Люди, в свое время протестовавшие первыми против религии, также недовольны, хотя в первый момент они из любви к миру и уступили силе давления. — Я вовсе не утверждаю, что эти коммуны менее привержены к свободе, чем к своей религии, но, во всяком случае, они также протестуют. Наши враги, возбудившая это движение против католической религии, преследовали двоякую цель: во-первых, — снадбить Вандею новыми солдатами, лишить французскую нацию уважения других народов и использовать философию для разрушения свободы, во-вторых, нарушить спокойствие внутри государства и таким образом увеличить силы коалиции наших врагов.

Я мог бы с несомненностью доказать существование заговора, на главные моменты которого я вам только что указал, если бы я только захотел вывести на чистую воду тех, кто были его первыми действующими лицами. Но я ограничусь утверждением, что во главе заговора стоят эмиссары всех держав, ведущих с нами войну, что там находятся протестантские священники¹.

Что следует нам делать при таких обстоятельствах? Рассуждать не как философы, а как законодатели, как люди мудрые и просвещенные. Мы должны оказывать содействие патриотам против их врагов, разъяснять им те ловушки, которые для них расставлены, остерегаться беспокоить людей, обманутых вероломной клеветой и, наконец, оказывать поддержку тем, кто является сторонником существования религии, не вносящей смуты в общество. Мы должны также препятствовать неняем выходкам, сумасбродствам, выгодным

¹ Рабо-Сент-Этьен, незадолго перед тем арестованный в Париже.

для наших врагов; необходимо исправлять заблуждения патриотизма, но делать это следует с той осторожностью, которую должно проявлять по отношению к друзьям свободы, лишь на мгновение введенным в заблуждение.

Я требую, чтобы вы запретили отдельным носителям власти оказывать нашим врагам услуги своими необдуманными мероприятиями, и чтобы никакая вооруженная сила не смела вмешиваться в то, что принадлежит к области религиозных мнений, за исключением случаев, когда она будет привлечена для выполнения мер полицейского характера.

В заключение я предлагаю вам меру, достойную Национального Конвента: торжественно напомнить всем гражданам об общественных интересах, просветить их вашими принципами так, как вы воодушевляете своим примером, и призвать их отбросить в сторону все опасные споры для того, чтобы заняться только спасением отечества.

Проект Комитета Общественного Спасения придерживается этих взглядов. Вдумываясь в него, вы поймете необходимость одобрить предлагаемые вам меры; если же вы этого не сделаете, то эмиссары иностранных дворов используют ваше молчание для выполнения своих преступных намерений.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXX, p. 322—323).

II. Декрет 16 фримера (6 декабря 1793 г.) о свободе культов.

Национальный Конвент, принимая во внимание провозглашенные им во имя французского народа принципы и считаясь с необходимостью поддержания общественного спокойствия —

1. Запрещает всякие насилия и угрозы, противные свободе культов.

2. Надзор установленных властей и воздействие общественной силы должны в этом отношении ограничиться мерами полицейскими и общественной безопасности.

3. Конвент этими постановлениями ни в каком отношении не имеет в виду отступать от карательных законов и предупредительных мер, в интересах общественной безопасности против неприяжных или мятежных священников и всех тех, кто, прикрываясь религией, будет пытаться погубить дело свободы. — Национальный Конвент точно также отнюдь не намерен позволять кому бы то ни было тревожить патриотическое чувство и замедлять подьем общественного духа.

Национальный Конвент именем отечества приглашает всех добрых граждан воздерживаться от всякого рода богословских или же чуждых великим интересам французского народа споров и всеми силами способствовать победе Республики и поражению ее врагов.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXX, p. 324).

124. Робеспьеристы против дантонистов. Из речи Робеспьера в якобинском клубе 1 жерминаля (21 марта 1794 г.).

Если большие, по мнению робеспьеристов, размеры опасности слева заставили их стать на сторону Дантона и Демулена, против Эбера и Шометта, то все же союз монтаньярского центра и правой оказался очень непродолжительным. Арест эбертистов вызвал такой взрыв восторга со стороны скрывавшихся в Париже контр-революционных элементов, что робеспьеристы не могли не понять, что опасность, грозящая революции справа, отнюдь не меньше, чем только что ликвидированная опасность слева. Вот почему, уже в первый день процесса эбертистов — 1 жерминаля — Робеспьер произносит речь, направленную против своих союзников вчерашнего дня и предвещающую их близкую гибель.

Республика находится между золотой молодежью, аристократами и партией, представление о коей могут вам дать Эбер и его сообщники

Иностранцы содержат у нас за свой счет партию умеренных и партию вероломных людей, под личиной сумасбродного патриотизма скрывающих свое желание задушить всех патриотов. Иностранцам безразлично, будет ли торжествовать та или другая из этих двух партий. Если верх возьмет Эбер, то Конвент будет уничтожен, патриоты подвергнутся избиению, Франция вернется к прежнему хаосу и тирания будет удовлетворена. Если же победит партия умеренных, Конвент потеряет свою прежнюю силу, преступления аристократии окажутся безнаказанными и тираны будут торжествовать. Иностранцы должны поддерживать обе партии, не отдавая предпочтения ни одной из них. Какое им дело до того, что Эбер искупит свое предательство на эшафоте, раз после него найдутся другие негодяи, стремящиеся погубить Республику и умертвить всех тех, кто неизменно сражался против предателей и тиранов!

Все эти, находящиеся в союзе с иностранцами, негодяи ни во что не ставят Республику; она является для них объектом грабежа. Народ в их глазах не что иное, как презренное стадо, созданное, по их мнению, только для того, чтобы, будучи, запряженным в их колесницу, везти их к обилию и счастью. Во время восстаний народ торжествует, ибо он в это время находится настороже, и они оказываются вынужденными скрываться. Но едва лишь народ успевает возвратиться к своим очагам, как эти негодяи появляются снова, и народ опять погружается в такое же бедственное положение, как то, из которого он только-что вышел. Вы видели, каким образом, Лафайет, Петийон и Дюмурье питали ужасную надежду уморить народ голодом и таким путем поработить его. Эти чудовища уничтожены. Но после их гибели мы видели возникновение новой партии, пытавшейся привести в исполнение этот же план. Если Конвент будет и дальше продолжать откладывать необходимость истребления всех этих партий, то наверное появятся и другие последователи этого плана. Нужно, наконец, начать действовать, руководствуясь

лишь интересами народа и общего блага. Те, которые сплачиваются ради приостановления хода революции, должны пасть от меча ее законов. Если все те, кто составили заговоры против свободы, если все последователи Бриссо не подвергнутся той же участи, что и он сам, то неминуемо наступят величайшие бедствия. Вы увидите, что негодяи проникнут в армию, что некоторые общественные чиновники примкнут к ним, подобно тому, как они однажды уже примкнули к другим негодяям; царящий ныне мир окажется скоропроходящим, армии будут разбиты, женщины и дети перерезаны... Я сомневаюсь в том, чтобы кто-либо стал оспаривать эти ужасные истины. Если последняя партия не будет уничтожена завтра же или лучше даже сегодня, армии будут разбиты, ваши жены и дети перерезаны, Республика будет разорвана в клочья, Париж уморен голодом, а вы сами падете под ударами врагов, оставив свое потомство под игом тирании. Но я заявляю, что Конвент решил спасти народ, одновременно сокрушив все партии, существование коих является угрозой для свободы.

(Buche et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXXII, p.p. 46—48).

Робеспьеристы пытаются стабилизировать революцию.

Торжество робеспьеристов над их противниками как справа, так и слева, и совпавшая с этим по времени победа Республики на фронтах еще отнюдь не означали укрепления положения монтаньяров. Неудача закона о максимуме и расправа над «бешеными», лишили мелкую буржуазию поддержки рабочего класса, а победа над контр-революцией оттолкнула от них среднюю буржуазию и крестьянство, принимавших до сих пор систему революционного управления лишь как зло, неизбежное во избежание еще большего зла — контр-революции. Сознывая свою слабость, робеспьеристы весной 1794 г., проводят ряд декретов, цель которых удовлетворить всех недовольных.

125. Из декрета 3—4 вантаза (21—22 февраля 1794 г.), дополняющего закон о максимуме.

Национальный Конвент, заслушав доклад Комитета Общественного Спасения, постановляет нижеследующее:

Ст. 1. Цены на все продукты и товары, подчиненные действию закона о максимуме, в местах их собирания или производства, указаны в таблицах максимальных цен, утвержденных комиссией по продовольствию и снабжению Республики.

Ст. 3. Национальный агент каждого дистрикта обязан, не позднее десятидневного срока со дня получения таблицы, определить в зависимости от расстояния расходы на перевозку каждого сорта товаров, потребляемого в данном дистрикте, согласно основаниям, установленным нижеследующей ст. 4 настоящего декрета.

Ст. 4. Составленный национальным агентом список будет включать в себе нижеследующее:

- 1) Названия предметов и товаров, обычно потребляемых жителями данного дистрикта.
- 2) Указание мест собирания или производства упомянутых выше предметов.
- 3) Расстояние от административного центра данного департамента.
- 4) Максимальные цены на изделия и продукты, соответственно взятые из посланных комиссией по продовольствию, и снабжению таблиц.
- 5) Смету расходов по перевозке, составленную согласно оснований, изложенных в нижеследующих статьях настоящего декрета.

6) Для определения максимальных цен в отношении оптовых торговцев, к указанным выше двум цифрам будет прибавлено 5% в качестве прибыли, а для розничных торговцев — еще 10%.

Ст. 5. Расходы на перевозку зерна и фуража, установленные ст. 15-ой III-го отдела закона 11 сентября в размере пяти су с почтовой мили большой дороги и шести су с проселочной, будут уменьшены до четырех су и восьми денье с почтовой мили для большой дороги и пяти су — для проселочной.

Ст. 6. Расходы на перевозку других с'естных припасов и товаров определяются в размере 4-х су за центнер с каждой почтовой мили большой дороги; для проселочных дорог будет установлена плата в четыре су восемь денье.

Ст. 7. Расходы на перевозку всякого рода с'естных припасов и товаров водным путем определяются в размере двух су вверх по течению и девяти су вниз по течению; для перевозок же по каналам устанавливается цена в один су девять денье с каждой почтовой мили. Расстояние водного пути определяется количеством почтовых миль сухопутного пути от места отправления до места назначения.

Ст. 8. Национальные агенты дистриктов укажут в таблице товаров те из них, которые могут быть доставлены водным путем и расходы по перевозке коих будут вследствие этого учитываться лишь в соответствующих размерах; лишь в случае полной невозможности водной перевозки они будут иметь право принимать во внимание расходы по перевозке сухопутным путем.

Ст. 9. Указанные выше ставки расходов по перевозке не применяются в отношении дров и угля, перевозка которых должна исчисляться в центнерах.

Национальным агентам дистриктов мест потребления этих товаров поручается исчисление расходов по их перевозке, подлежащих включению в их стоимость, при чем за основание должны быть приняты цены за перевозку в 1790 г. с прибавлением к ним 50%.

Ст. 10. Пункты прибытия всех заграничных продуктов и товаров будут рассматриваться, как пункты их собирания или производства.

(Bucheux et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXXII, p.p. 7—9).

126. Из закона 26 жерминаля (15 апреля 1794 г.).

Ст. 1. Обвиняемые в заговорах подлежат доставке со всех концов Республики в Парижский Революционный Трибунал.

Ст. 2. Комитеты Общественного Спасения и Общей Безопасности не замедлят отыскать сообщников заговорщиков с тем, чтобы доставить их в Революционный Трибунал

Ст. 4. Как административным учреждениям, так и гражданским судам, предписывается, под страхом отрешения от должности,

в течение 3-х месяцев со дня опубликования настоящего декрета закончить все находящиеся у них в производства дела. Впредь, рассмотрение всех частных дел должно быть под страхом того же наказания закончено в течение того же срока.

Ст. 5. Комитету Общественного Спасения поручается произвести ревизию всех властей и общественных чиновников, принимающих участие в управлении.

Ст. 6. Бывшие дворяне и иностранцы, подданные страп, находящиеся в состоянии войны с Республикой, в течение всего времени войны не имеют права проживания в Париже, крепостях и приморских городах. Всякий дворянин или иностранец вышеуказанной категории, обнаруженный в вышеуказанных местах по прошествии десяти дней со дня издания настоящего декрета объявляется вне закона.

Ст. 7. Из правила, предписанного в предыдущей статье, исключаются парижские рабочие-иностранцы, занятые по изготовлению оружия; иностранки, вышедшие замуж за французских патриотов, и дворянки, вышедшие замуж за граждан не-дворянского сословия.

Ст. 8. Равным образом исключаются рабочие-иностранцы, жившие трудом своих рук до издания настоящего декрета; различные торговцы, занимавшиеся до этого времени своей профессией; дети, не достигшие 15-ти лет и старики старше 70-ти лет.

Ст. 9. Из'ятия, касающиеся дворян и иностранцев-военных, будут установлены Комитетом Общественного Спасения в порядке управления.

Ст. 10. Комитет Общественного Спасения уполномочен также оставлять путем специальных распоряжений тех из бывших дворян и иностранцев, которые, по его мнению, могут быть полезными Республике

Ст. 15. Бывшие дворяне и иностранцы не имеют права принимать участия в народных обществах, наблюдательных комитетах, в собраниях коммун и секций.

Ст. 16. Генералам воспрещается пребывание в Париже, крепостях и приморских городах, если только оно не связано с обязанностями их службы.

Ст. 17. Уважение по отношению к должностным лицам должно строго соблюдаться, но, вместе с тем, каждый гражданин имеет право жаловаться на причиненную ими несправедливость, и Комитет Общественного Спасения подвергнет виновных наказанию по всей строгости законов.

Ст. 18. Национальный Конвент предписывает всем властям строго соблюдать пределы своих полномочий, не сокращая и не расширяя таковых.

Ст. 19. Национальный Конвент предписывает Комитету Общественного Спасения требовать строгий отчет от всех своих агентов,

преследовать тех из них, которые оказывают содействие заговорам, а равно и тех, кто, воспользовавшись доверенной им властью, направляет ее против свободы.

Ст. 20. Все граждане обязуются доводить до сведения соответствующих властей и Комитета Общественного Спасения о всех известных им случаях воровства, а равным образом противогражданских речах и насильственных действиях, жертвами или свидетелями коих им довелось быть.

Ст. 21. Представители народа должны действовать только через установленные власти и не вправе передавать своих полномочий.

Ст. 22. Производство реквизиций запрещается всем, кроме комиссии по продовольствию и представителей народа при армиях, и то лишь с особого разрешения Комитета Общественного Спасения.

Ст. 23. Все лица, уличенные в том, что они выражают недовольство революцией и не занимающиеся при этом каким-либо трудом, подлежат, если они не достигли 60-ти-летнего возраста и не больны, ссылке в Гвиану.

Ст. 24. Комитет Общественного Спасения будет посредством вспомоществований и наград поощрять фабрики, разработку копей-мануфактуры и работы по осушке болот; он будет поддерживать индустрию и доверие между теми, кто занимается торговлей; он будет выдавать авансы купцам-патриотам, доставляющим продовольствие по максимальным ценам; он даст охранные грамоты тем, кто вызовется доставлять товары в Париж, дабы их не трогали во время пути; он будет поощрять передвижение внутри страны и не потерпит, чтобы кто бы то ни было покушался на общественное благочиние.

Ст. 25. Национальный Конвент выделит из своей среды две комиссии, по три члена каждая. Одной из них будет поручено составление краткого и полного кодекса законов, изданных по сегодняшний день, пропуская при этом те из них, которые стали неясными; второй комиссии поручается составление собрания гражданских установлений, предназначенных охранять права и дух свободы. Обе комиссии должны через месяц представить отчет о своей работе.

(Bucheze et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXXII, p.p. 323—326).

127. Из декрета 17 флореаля (7 мая 1794 г.) о Верховном Существо.

Ст. 1. Французский народ признает существование Верховного Существа и бессмертие души.

Ст. 2. Он признает, что культ, достойный Верховного Существа, заключается в выполнении человеческих обязанностей.

Ст. 3. Из этих обязанностей он считает первейшими: ненавидеть нечестность и тиранию, наказывать тиранов и предателей, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать другим как можно больше добра и не быть ни к кому несправедливым.

Ст. 4. Для того, чтобы напомнить людям о божестве и об их собственном достоинстве, учреждаются праздники.

Ст. 5. Их названия будут заимствованы из славных событий нашей революции, из наиболее ценных и полезных для человека добродетелей, из величайших благоденствий природы.

Ст. 11. Свобода культов сохраняется, согласно декрета от 18 фримера.

Ст. 12. Какие бы то ни было аристократические и нарушающие общественный порядок сборища, будут разгоняться.

Ст. 13. В случае возникновения смут, причиной или поводом для которых явится какой-либо культ, лица, возбуждающие их фанатическими проповедями или же контр-революционными инсинуациями, равно как и те, которые провоцируют их несправедливыми и ненужными насилиями, будут одинаково наказаны по всей строгости законов.

(Bucheze et Roux. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXXII, p.p. 379—381).

128. Из декрета 22 прерияля (10 июня 1794 г.).

Если декретом 3—4 вантоза и 26 жерминаля, имели своей задачей улучшить положение средней буржуазии и крестьянства и тем самым привлечь их на сторону монтаньяров, а декрет о Верховном Существо, кроме того, имел еще в виду примирить все классы на почве религиозного компромисса, (стремление, чрезвычайно характерное для робеспьеристов, совершенно не понимавших сущности классовых противоречий и классовой борьбы), то, вместе с тем, монтаньяры не только не нашли возможным отказаться от системы террора, но сочли необходимым дополнить уступки в отношении своих возможных союзников — усилением террора в отношении явных врагов революции. К этой цели и был направлен закон 22 прерияля.

Национальный Конвент, заслушав доклад Комитета Общественного Спасения, декретирует нижеследующее:

Ст. 1. Будет существовать Революционный Трибунал, состоящий из одного председателя, трех товарищей председателя, одного общественного обвинителя, четырех заместителей общественного обвинителя и двенадцати судей.

Ст. 2. Число присяжных будет равняться пятидесяти.

Ст. 3. ... Революционный Трибунал будет подразделен на секции, состоящие из двенадцати членов, из них трое судей и девять при-

связных, при чем присяжные эти не могут отправлять своих обязанностей в числе менее семи.

Ст. 4. Революционный Трибунал учрежден для того, чтобы наказывать врагов народа.

Ст. 5. Врагами народа объявляются те, кто силой или хитростью стремятся уничтожить общественную свободу.

Ст. 6. Врагами народа признаются лица, призывавшие к восстановлению королевской власти или же пытавшиеся унизить и распутить Национальный Конвент и революционное республиканское правительство, центром коего он является.

Врагами народа объявляются лица, изменившие Республике, командуя крепостями и армиями или выполняя другие военные обязанности, а равно и те, которые поддерживают сношения с врагами Республики и стремятся создать недостаток как в продовольствии, так и в удовлетворении других потребностей армии.

Врагами народа объявляются все, кто пытаются помешать снабжению Парижа продовольствием или же вызвать голод в Республике.

Врагами народа объявляются лица, содействовавшие планам врагов Франции, будь-то помощью в бегстве и укрывательстве заговорщиков и аристократов, будь-то путем преследований и клеветы на патриотизм, будь-то подкупом представителей народа или же злоупотреблением революционными принципами, правительственными законами и мерами в смысле ложного и вероломного применения таковых.

Врагами народа объявляются лица, виновные в том, что ввели в заблуждение народ и народных представителей с целью склонить их к поступкам, идущим вразрез с интересами свободы.

Врагами народа объявляются лица, пытавшиеся вызвать упадок духа для того, чтобы способствовать замыслам тиранов, составивших союз против Республики.

Врагами народа объявляются лица, распространявшие ложные слухи с целью посеять в народе раздор и смуту.

Врагами народа объявляются лица, старавшиеся ввести в заблуждение общественное мнение и препятствовать народному просвещению, а равно и те, кто старался развратить общественные нравы и общественную совесть, ослабить энергию и чистоту или остановить развитие революционных и республиканских принципов, будь-то путем контр-революционных и злостных сочинений или же путем всяких других махинаций.

Врагами народа объявляются недобросовестные поставщики, подвергнувшие опасности спасение Республики, равно как и расточители общественного достояния...

Врагами народа объявляются лица, занимавшие общественные должности и злоупотреблявшие ими для притеснения патриотов и угнетения народа.

Наконец, врагами народа объявляются все лица, перечисленные в предыдущих законах, определяющих наказание для заговорщиков и контр-революционеров, равно как и лица, посягнувшие независимо от избранных ими средств и от внешнего вида, которым они прикрываются, на свободу, нераздельность и безопасность Республики, а также и лица, старавшиеся помешать ее укреплению.

Ст. 7. Наказанием, установленным за все преступления подлежащие ведению Революционного Трибунала, является смертная казнь.

Ст. 8. Уликами, достаточными для осуждения врагов народа, могут служить всевозможные документы, моральные, вещественные, устные и письменные, естественно вызывающие уверенность всякого справедливого и просвещенного ума. Руководством для произнесения приговора служит совесть присяжных, поддержанных любовью к родине; целью приговоров должно быть торжество Республики и разгром ее врагов. Судопроизводство состоит из простых мер, диктуемых здравым смыслом для того, чтобы добиться истины, придерживаясь при этом указанных законом форм.

Судопроизводство регулируется следующими моментами:

Ст. 9. Каждый гражданин имеет право схватить и предать должностным лицам заговорщиков и контр-революционеров. Он обязан донести на них немедленно после того, как узнает о них.

Ст. 10. Никто, кроме Национального Конвента, Комитетов Общественного Спасения и Общей Безопасности, представителей народа — комиссаров Конвента и общественного обвинителя не имеет права предавать кого бы то ни было суду Революционного Трибунала.

Ст. 11. Установленные власти, как общее правило, не смогут пользоваться этим правом, не предупредив предварительно Комитетов Общественного Спасения и Общей Безопасности и не получив их согласия.

Ст. 12. Допрос обвиняемого будет производиться во время судебного заседания в присутствии публики; соблюдавший прежде порядок секретного допроса ныне упраздняется, как излишний; прибегать к нему будут лишь в исключительных случаях, когда он будет признан полезным для выяснения истины.

Ст. 13. В том случае, если имеются на лицо вещественные или моральные улики, независимо от свидетельских показаний, свидетели призываются не будут, за исключением тех случаев, когда это покажется необходимым, будь-то для обнаружения соучастников, будь-то в силу других важных соображений общественного блага.

Ст. 14. В тех случаях, когда будет прибегнуто к такого рода доказательству, общественный обвинитель вызовет свидетелей, могущих направить правосудие по истинному пути, не делая при этом различия между свидетелями обвинения и защиты.

Ст. 15. Все свидетельские показания будут даваться публично, никакие письменные показания приниматься не будут, за исключением тех случаев, когда свидетели будут лишены возможности предстать перед Трибуналом; в этом случае необходимо специальное разрешение Комитетов Общественного Спасения и Общей Безопасности.

Ст. 16. Защитниками невинно-оклеветанных патриотов закон считает присяжных патриотов; заговорщикам же защитников не полагается.

Ст. 17. По окончании прений, присяжные заявят о своем решении и судьи назначат кару, предписанную законом.

Председатель обязан формулировать поставленный присяжным вопрос с ясностью, точностью и простотой. Если вопрос был поставлен двусмысленно и неточно, присяжные имеют право требовать изменения редакции.

Ст. 18. Общественный обвинитель не имеет права освобождать своей властью подсудимых, преданных суду Трибунала, не исключая даже и тех, которых он сам предал суду; в случае отсутствия материала для поддержания обвинения перед Трибуналом, ему надлежит послать письменный и мотивированный доклад в совещательную комнату судей, которые вынесут свое решение по этому вопросу. Ни один подсудимый не может быть освобожден от обвинения до тех пор, пока соответствующее решение не будет утверждено Комитетом Общественного Спасения...

Ст. 20. Конвент отменяет все предыдущие законы, противоречащие настоящему декрету и не разрешает применять законы, относящиеся к организации обыкновенных судов, по отношению к контр-революционным преступлениям и к деятельности Революционного Трибунала.

(B u c h e z et R o u x. «Histoire parlementaire de la Révolution Française», t. XXXII. p.p. 193—198).